

Юрий
Смирнов

Мне картошка надошки мне
Свет картошки Сравнение не ко
но сколько фронтовой пети
Сере шумошного распада
~~Мне Басе~~ Большая мне Басе
ки черной безобразной
воздух ~~франс~~ ^{красно} славянам

Юрий Смирнов
СЛОВА НА БУМАГЕ

Но покажи не поворот.
Без ноги ^{ожи} ~~стоишь~~ ^{молчи} ~~перешел~~
Взреш шенки, сегодня блек ^{быва} ~~книжки~~
Без этого ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
А ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
~~Работа~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
И ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Книжки ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Ван ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Бланш - ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Ван это ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Романендуном в ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Представил вы за ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Штагет и ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Осознавал ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
А на ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Еще ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Мусей ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
И ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~
Кто ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~ ^{быва} ~~быва~~

Юрий Смирнов

СЛОВА НА БУМАГЕ

Стихотворения

Записи

Наброски

Москва, культурный слой, 2004

ББК 84.Р7-5
С 50

Редактор-составитель *Герман Лукомников*

Рисунки *Аси Флитман*
Оформление *Ильи Бернштейна*
Корректор *Г.Г. Лукомников*

В оформлении книги использованы рукописи
и рисунки автора.

Смирнов Ю.В.

С 50 Слова на бумаге: Стихотворения, записи, наброски.—
М.: 2004.— 480 с.

ISBN 5-98583-001-2

Юрий Смирнов (1933–1978) — один из лучших русских поэтов второй половины XX века, и при этом один из самых несправедливо забытых.

Стихи Смирнова, блистательные по своей поэтической форме, являют на редкость органичный сплав лирики и иронии.

Книги этого автора не издавались почти четверть века. Настоящее издание призвано восполнить этот пробел в современной культурной ситуации.

Помимо стихотворений (составляющих большую часть издания) представлены прозаические записи и стихотворные наброски Смирнова.

Многие тексты публикуются впервые. Ряд текстов впервые приводится в уточненных авторских редакциях.

В приложении приводятся материалы о поэте.

Издание снабжено подробными примечаниями, посвященными главным образом вариантам и разночтениям.

© Смирнов Ю.В., наследники, 2004

✂ Лукомников Г.Г., составление и примечания, 2004

© Издатель Орлов В.И., 2004

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Осенний город тихо увядал.
Я брел по улицам сквозь полусумрак синий,
И вдруг в толпе я деву увидал
С чертами древнегреческой богини.

Какую грацию природа ей дала!
Я отвести не мог восторженного взгляда.
«Ну что уставился, по шее, что ли, надо?» —
Сказала и куда-то проплыла.

(1950)

* * *

Он ушел в лесные чащи
И пропал в зеленом чреве,
Захватив лишь нож блестящий
И любовь к неверной деве.

В одиночестве скитаясь,
Он туда ушел от мира,
Где лежат, переплетаясь,
Тропы зубра и тапира.

Он отверг надежду выжить
И уходит в чащи дальше,
Чтобы лжи в словах не слышать,
А в глазах не видеть фальши.

(1953)

* * *

Я вспомнил, как тебя любил
Недужно,
Намеренно спокоен был
Наружно.

О, как была приятна боль
Безмерно!
Вот так на рану сыплют соль,
Наверно.

(~1957)

Дорога

Прощальные всхлипы гармони,
Все тот же старинный мотив
Звучит на холодном перроне,
Неясной тревогой смутив.

А то — бесшабашность проснется,
Веселая легкая дрожь
В потертых мехах с позолотцей,
Покрыв суету и галдеж.

Пусть мне гармонист не известен,
С лицом как рябая луна,
И едем мы врозь, а не вместе,
Да песня с дорогой одна.

Придвинутся к окнам вагона —
И мимо — столбы, провода,
И ельника сумрак зеленый,
И в шапке дымов города.

На долгие наши равнины
Печаль предвечерья сошла,
И гроздь станционной рябины
Неяркую зелень прожгла.

Подумав, что путь только начат,
Засну я под стук и гармонь,
Когда в темноте замаячит,
Качаясь, сигнальный огонь.

(1958)

* * *

Художник с плоским ящиком для красок,
Девушка с худощавыми ногами
И я – единственные пассажиры
Последнего вагона.

Художник эспаньолку теревит,
Девушка поправляет платье,
Ей кажется, что на ее колени
Я с любопытством пристально гляжу.

Мне хочется сказать ей: «Успокойтесь,
Я вовсе не гляжу на ваши ноги,
Мой взгляд упал на них совсем случайно».
Еще бы мне хотелось ей сказать,
Что ноги у тебя стройней, но это,
Боюсь, ее совсем не успокоит.

А где-то ты живешь себе на даче,
И даже я не знаю толком где,
Сидишь на солнце, рыбаков дурачишь
И отдаешься полностью воде.

Вокруг тебя блистательная свита
Прекрасных загорелых «ланселотов»,
Без лат они, но разве в этом дело,
Они тебя ухую угощают,
И фотоаппараты их стрекочут.

А вечером тебе поются песни,
Река блестит, как лезвие ножа,
И тот, который самый интересный,
Пойдет тебя до дома провожать...

Внезапно поезд мой затормозил,
Девушка скрылась, лишь один художник
Сидит все в той же отрешенной позе
И так же эспаньолку теревит.

На нем надет потрепанный пиджак,
Художник, видимо, не избалован славой,
Скорей всего, он просто неудачник,
Но думаю совсем я о другом.

Мне хочется, чтоб был он знаменитым,
Дерзил, был весел и писал картины,
С которых белокурые девчонки
Смеялись бы зелеными глазами,
Шальными и неверными глазами,
Чтоб я покоя никогда не знал.

(Июль 1959)

* * *

Я полз по болоту.
Болотом ползла вся рота.
Встретили роту,
Как водится, пулеметы.
И комары.
Комарам война не мешает.
Сапоги малы.
Зато пилотка большая...
Жив останусь —
С кем-нибудь обменяюсь.

(Июль 1959)

* * *

Мужское дело на бульваре
Читать газету и стучать костями.
И вовсе не мужское это дело
Решать серьезные вопросы.

Пусть женщины – хранительницы рода –
Собравшись вместе, взвесят всё разумно
И разрешат судьбу Войны и Мира!
...Мужчины пусть в тени
Играют в кости.

Июль 1959

* * *

В полынне ночного неба
Звезд не часто.
Опустил рога троллейбус,
Спит начальство.

Спит пожарная охрана,
Сдав техминимум.
Князь Пожарский спит у храма
Рядом с Мининым.

Звезды светятся не часто,
Всех не видно.
За невидимых отчасти
Мне обидно.

Очень стоящие звезды
Есть меж ними.
Это мы не знаем просто
Их по имени.

1960

* * *

С виду и наивна и нелепа,
Словно всё на свете проспала,
Церковь не смогла подняться в небо,
Расписные вскинув купола.

Я вошел, и глянули со сводов
Постные святые на меня.
Рядом черти ждут экскурсоводов,
Хлопоча у адского огня.

Поручни. За поручнями утварь.
На иконах желтоватый свет.
Отчего я вспомнил это утро,
Два перста и долгий санный след?

Был рассвет официально-серый.
Дьяк дорогу пузом проторил.
Кто-то произнес несмело: «Стерва...» —
И еще раз громче повторил.

По ее лицу блуждали тени,
А в глазах — неистовая синь.
Крик безмолвный бился в бабьем теле,
Полоротых отпугнув разинь.

В яме земляной тянулись годы.
Солнце не заглядывало вниз...
Скучно говорят экскурсоводы
Про религиозный фанатизм.

(14 августа 1960)

* * *

Тепло в квартире коммунальной,
И все же мне невоготу.
Мир покидаю капитальный
И пропадаю в темноту.

В ней рыбы плоские немые
Глазами шарят там и тут
И анемоны анемии
На шпильках тоненьких цветут.

А рядом спутники их в черном
И тонколики и бледны.
На бледных лицах утонченных
Следы усталости видны.

И все захвачено теченьем
В зеленоватой полумгле,
И нету больше ощущенья,
Что ты шагаешь по земле.

(1960)

* * *

Какая выдалась весна!
Плыл воздух. Лязгали вагоны —
Трамвай гремел по Миллионной,
Нагретый будто докрасна.

Булыжник грезил о дожде.
Земля потрескалась от зноя.
Церквушка с выпушкой резною
Звала старух к святой воде.

В окне успел я рассмотреть
Платочки их вдоль Миллионной:
Они тянулись монотонно —
Две трети белых, черных треть.

Черствели в сумках куличи.
Засох, не распусться, кустарник.
И на процессию пожарник
Глядел с кирпичной каланчи.

(~1961)

* * *

За линией города
На свалке,
Где пламя ржавчины
Охватило металл:
Спиральные стружки,
Фигурные вырезы газосварки,
Чайник без носика,
Коленчатый вал,—
Я увидел двух мальчиков
Лет по десять.
Далеко разносились
Их грозные вопли!
Они копались
В ржавом железе
И не заметили,
Что я возле.
Один нашел щит,
Залатанный оловом,
Другой размахивал
Саблею новой.
И никому из них
Не приходило в голову
Играть в бухгалтера
Или портного...
А я вспомнил:
Высокие стебли
Северных трав,
Холод бомбоубежища,
Где пахло луком,
И голос мальчишки:
«Защищайтесь, граф!»
И свой ответ:
«Милорд, я к вашим услугам!»
Мы заряжали самодельный пистоль
С тяжелой свинцовой ручкой,
Над нами светило синее солнце,
И было неизвестно, что впереди...

А теперь я иду по городским задворкам,
И нет ничего воинственного в моем облике.

(1961)

Октябрь

Рыжие просеки,
Опустошенные осенью.
В их глубине
Пустые аквариумы кафе,
«Стекляшки»,
Где еще недавно пенилось
Чешское пиво,
Аттракционы
Неподвижные и потому непонятные,
Как машины иных миров.
Вот длинный железный рычаг
На оси закреплен,
Сиденье с привязными ремнями
На его свободном конце.
Для чего эта катапульта?
А вот
На двадцатиметровых опорах
Укреплена
Громадное велосипедное колесо
С корзинками на ободе.
Нет людей,
И кажется, что все кончено.
Я один
Иду без цели по опустошенным просекам.
Под ногами обрывки газет,
Все то, чем вчера жила планета,
Сплющенные стаканчики
И цветная оберточная бумага.
Откуда столько бумаги кругом?
Вдруг издалека
Сквозь шум жестяной опадающих листьев
И ржавые заграждения кустов
Донеслось
Легкое постукивание тамбуринов,
Потом бормотанье —
То ли заговор против порчи
И недоброго глаза,
То ли напев
О глянце оливковых тел
На оранжевых песках побережий,

О пальмах —
Больших цветах на деревянных ножках...
Я поднимаюсь по лестнице.
Ободранный амфитеатр
Искусственного катка,
Внизу
Голубое пятно льда,
А на башне часы,
На которых все время двенадцать.
Из ритма,
Из листьев летящих,
Из лучей заходящего Солнца
Возникла женщина.
Тело ее
Совершенно, как амфора.
Она танцует,
И танец ее порывист и нежен,
И тысячелетия бьют в медный гонг
Над ее головой.
Кокетливая, крашенная,
Двигается легко.
Пелеринка красная,
Черное трико.
Я слежу за росписью
Голубого льда.
Я сижу над пропастью
И падаю туда.
... Что из того,
Что это только осень в Сокольниках
И тренировка фигуристки
Под магнитофонную пленку.
Ведь я поверил,
Что смерти нет.
А остальное
Разве имеет значенье?

(1961) <1973>

* * *

Осеннее цветенье
Осеннее смятенье
Желтея и алея
Безумствует аллея
Последний бал сезона
Как грубый холст Сезанна
Кругом костры чадят
Упавших не щадят

1961

* * *

Тени Тверского бульвара
В голых живут стволах.
Тени Тверского бульвара
Скачут во весь опор.
Беззвучно кричит фореитор
И гонит во весь опор.
Над красной широкой харей
Сбился парик набекрень.

Меня продувают шибко
Утренние ветра.
Бульвар занесен, как Шипка.
Снег не убран с утра.
Холодно. Холодно.
Только все равно.
Будто слушаешь Холина
И горькое пьешь вино.

Призрачен и прозрачен
Утром Тверской бульвар.
Сдохли давно те клячи
И те, кто здесь бывал.
Мимо мелькают фары.
Летят лимузины в обгон.
Тени чужих бульваров.
Тени иных времен.

1961

* * *

У крутого обрыва
Себя я казню,
Что гляжу боязливо
На его крутизну.

Про себя повторяю
Который уж раз:
Что-то я потеряю,
Не съехав сейчас.

Будет стыдно и горько
По прошествии дня,
Что стоит где-то горка,
Да не про меня.

(1962)

* * *

Не каркай, ворона, не каркай...
Мне рано еще умирать.
Я ночью уйду с санитаркой
В зеленую рощу гулять.

Забуду палату большую
И двери несмазанной визг.
Забуду, что в гипсе лежу я,
Как временный обелиск.

Воспряну.
Восстану.
Воздух глотну, как вино...
Забуду — что больше не встану.
Забуду — что умер давно.

1962

* * *

Отчего мне всегда тревожно,
Когда тает снег,
Будто в гулком театре порожнем
Или мальчишеском сне.

Опаленный прошедшей осенью,
Переживши белый покой,
Я ломаю льдинки на озере
И болтаю с тобой.

В синем небе солнце красное,
Птичьи песни в леске,
У причала лодки крашенные
И следы на песке.

1962

* * *

Я изучаю микромир.
Я постигаю макромир.
Я надеваю полимер
И оступаюсь в мокрый мир.

И хлещут ветки по лицу.
Взывает лес к покою дач.
Я попадаю в полосу
Моих зеленых неудач.

У стационарного буфета,
Где пьют перцовку под боржом,
«Канадский бобрик» и «бабетта»
Стоят и мокнут под дождем.

Их судят все, тем паче мамы,
Концы сводящие с трудом.
Им непонятней панчен-ламы
Вот эти двое под дождем...

1962

* * *

Возле мутной Яузы,
Где пустырь пока,
После долгой паузы
Я сказал: — Пока...

Заскользил по наледи
С глаз твоих долой,
Только бы не на люди,
Только не домой.

В сумраке печальном
Голые кусты.
Снегом госпитальным
Занесло пустырь.

Канут годы быстрые,
И на месте том
Кто-нибудь да выстроит
Настоящий дом.

1962

* * *

Хранит торжественно Царь-пушка
Величье грозное свое.
Перепугаться можно пуще,
Вблизи увидевши ее.

Глазам не верят экскурсанты,
Смятенных не покрыв голов,
И бьют кремлевские куранты,
И слышен звон колоколов.

Когда-то в землях отдаленных
Военный заседал совет,
И пробирались в Кремль шпионы
Затем, чтоб выведать секрет...

Бабахнет — целый полк положит.
В жерле ее таится мгла.
Вот лишь стрелять она не может.
И раньше тоже не могла.

Стоит на площади Царь-пушка,
И ядра рядышком лежат.
Большая царская игрушка.
А царь-то был дураковат.

1963

* * *

О чем кричит водопровод,
Ночное разорвав молчанье?
Неразрешенное мычанье
Железные сосуды рвет.

Я знаю боль. Она близка мне.
Я где-то слышал этот стон.
Мой дом — как существо из камня,
В тупик зашедший мастодонт.

А дальше что? Придет на смену
Набитый мыслями чердак.
Любовь узнает и измену
Кибернетический чудак.

О четырехугольный ящик!
Я, не успевший умереть,
Не буду ль, словно звероящер,
В глаза зеленые смотреть?

Он всё поймет, и всё рассудит,
И бесконечность обоймет,
И только счастлив вряд ли будет
Он оттого, что всё поймет.

1963

* * *

Я долго не был на природе
И, выбравшись июльским днем,
Стою как будто на пороге
У входа в чистый светлый дом.

Сосновый лес как на ходулях —
Вся жизнь зеленая вверху.
Какие б ветры ни подули —
Лишь перевероят труху.

А лес стоит. Ведь он на месте,
Навеки связанный с землей.
Не зная ни добра, ни мести,
Он помнит снег и помнит зной.

Пониже — тянется подлесок,
Ему расти и крепнуть тут.
А клочья облаков белесых
Изменчивы и вдаль бегут.

1963

* * *

Крылатая четверка Фазтона
В безоблачной застряла вышине.
Я разомлел, сплошной поток фотонов
Весь день меня дубасит по спине.

А я лежу и убиваю время:
То на́ море бездумно погляжу,
То поиграю в волейбол со всеми,
А после — тело в море погружу.

Меня из волн выталкивает сила,
Ее открыл когда-то Архимед.
Старик купался тоже. Осенило,
Открыл закон, а я — пока что нет.

...Всему придет неумолимый срок,
Я мыслю построеньями простыми:
Когда из господ посыпался песок,
Он взял и создал пляжи и пустыни.

Рига. 24 июля 1963

* * *

Достается ялику
На крутой волне.
Ты кусаешь яблоко,
Предлагаешь мне.

Ты уселась, Верка,
Птахой на карниз—
И «ха-ха-ха» мне сверху,
И «ой-ёй-ёй» мне вниз.

—Ты послушай, Верка,
В этот лютый зной
Ты нежна, как верба
Раннею весной.

~1963

* * *

Играла девка на баяне,
И бабы слушали баян.
Солдаты двигались с боями
На город Ржев, на Обоянь.

Прощались в шинелях серых
И пропадали средь полей
Контуженые кавалеры
Из тыловых госпиталей.

Шутили женщины печально,
Что мужикам равны во всем,
Мол, если высказать печатно,
Играем сами и поем.

1963

* * *

Бесплодна глина огородов,
Стоит меж комьями вода,
И урожаю корнеплодов
Никак не возместить труда.

Какая грустная картина.
И дождь еще. А то и снег.
Неужто вот из этой глины
Был слеплен первый человек...

22 октября 1963

* * *

Когда наблюдаешь подробность
Ничтожных по виду вещей,
Притом удаляешься в область,
Где голос не слышен ничей,

То пристальность эта к предметам
И мыслей торжественный строй
Вернейшею служат приметой,
Что нечто случилось с тобой.

Ах вот оно что! Над домами,
Как сгусток багровой крови,
Повисло вечернее пламя,
И ты с ним теперь визави.

Считай (ведь и вправду потрафило,
Коль скоро волненьем объят)
Моментом своей биографии
Языческий этот закат.

1963

* * *

Темный город засыпал.
Снег февральский, снег метельный
Мостовые засыпал,
Лег рубашкою нательной.

Час, другой, и город спит,
Только изредка спросонок
Будто бы попросит пить,
Беззащитный как ребенок...

И в подушку головой.
А к утру ему приснится,
Как по выси голубой
Прогрохнет колесница.

Февраль 1964

* * *

И. Френкелю

Мне на́ плечи давят доспехи.
Забрало дышать не дает.
— Вы начали делать успехи,—
Сказал мне сеньор Дон-Кихот.

— Нас подвиги ждут и турниры,
Настанут прекрасные дни!
...В ответ заскрипели шарниры
Моей старомодной брони.

Светило склонялось устало.
Задумчив у рыцаря взор —
Домашние туфли, пожалуй,
Удобней заржавленных шпор.

Пред нами лежала дорога
Сомнительных горьких побед
Длиною почти что до бога,
Которого, кажется, нет.

~1964

Вариация на старую тему

Вела на кладбище дорога.
Был пасмурный осенний день.
В ушах — обрывок диалога:
«...Ты теплое белье надень...»

За гробом шли не очень дружно,
Шли, незначительны числом,
Шли только потому, что нужно,
Злясь, что расстались с теплом.

А ветер, что же он затеял!
Дождем смочил кому-то плешь
И под конец совсем рассеял
Весь жалкий траурный кортеж.

Поспешно закрывались двери.
Гремел не то чтоб сильный гром.
За гробом шел один Сальери
И под дождем стоял потом.

1964

* * *

Есть игра: угадайте — кто я?
На стекле запотевшем след...
Дилижанс... Циклотрон... Гойя...
Трехколесный велосипед...

Нет. Сейчас я — запасный выход.
В театре старый спектакль идет.
Слышу шепот: «Моня, ваш выход.
Шевелитесь же, идиот...»

Я пылюсь в тесноте надстроек.
Тускло светит красный фонарь.
И пожарник (морально не стоек)
Спит, бесхитростный как букварь.

Я томлюсь. Мне давно известен
Небогатый репертуар,
Треугольник, который извечен.
Ну, когда же будет пожар?!

Вспыхнут чьи-то шлейфы и брюки,
И, как будто бы от огня,
Театрально вздымая руки,
Героиня вбежит в меня.

Облегчение. Долгий выдох.
Разговоры — по чьей вине...
Но мгновенье — и я не выход,
Декорация на стене.

Театр — жаровней! Пламя окрепло,
Рвется вверх, органом трубя...
Я — надежда в горсточке пепла,
Что останется от тебя.

1964

* * *

Нидерланды. Шестнадцатый век.
Вернисаж. Пол натерт до блеска.
Все спешат (исключая калек)
Посмотреть на Хенри де Блеса.

Говорят, он пишет чудно,
Что-то есть в нем потустороннее.
Привлекает всех полотно
«Искушение святого Антония».

Что ж, затасканный вроде сюжет.
Только вместо пурпурной гаммы —
Ужасающе черный цвет,
Как провал за пределы рамы.

Был к суду привлечен де Блес.
Судьи, пряча под мантией панцирь,
Восклицали: «Сидит в нем бес,
А стране угрожают испанцы!»

Лишь спустя четыреста лет
Появилось такое мнение,
Что пугающе черный цвет —
Результат ненормального зренья.

Браво, доктор! Хвала уму!
Спит де Блес под зеленой травкой...
Как могла бы помочь ему
Запоздалая ваша справка.

Государственный спит совет.
Спят доносы и подозренья.
Жив шедевр — ненормальность зренья.
Все нормальны, а толку нет.

~1964

Сен-Симон

Старый граф в окошко пялится.
Морщит свой орлиный нос.
Пишет людям, грея пальцы,
Утопический прогноз.

Никому не нужен он —
Представитель рода древнего,
Потемневший, словно дерево,
В паре старых панталон.

(Лишь слуга, хоть жизнь прошла,
Утром, подходя к кровати,
Мрачно шутит: «Граф, вставайте!
Ждут великие дела...»)

Частый дождь сечет кусты.
Лучше носа не высовывай.
Время есть у нищеты
Заниматься философией.

Знаю, взятый в оборот
Пылкий юноша-мечтатель,
Спекулянт, потом писатель —
Лучше, чем наоборот.

Бакалейщик и мясник
Не прощали графу долга,
Жили праведно и долго...
Мир совсем не знает их...

1964

* * *

На «Метрострое» пусто. Стадион
Готовится к осеннему ремонту.
По радио транслируют «Раймонду»,
И все погружено в осенний сон.

Не возмутит, не всколыхнет покой
Плакат, зовущий влиться и умножить.
И девочка безносая не может
Забросить мячик гипсовой рукой.

«Костыль» без цели бродит. Он давно
Кладовку запер, раздавил поллитру.
Не оценив осеннюю палитру,
Скучает он, хоть снова за вино.

Его я знаю скоро двадцать лет.
Я круг за кругом по дорожке бегал.
Потом немало городов объехал,
Но годы те оставили свой след.

И если буду из последних жать,
Помимо всех тому еще причина —
Внутри меня закручена пружина,
Толкающая первым добежать.

Я «Костыля» из виду потерял,
А там уже компания сложилась.
А как бы жизнь у «Костыля» сложилась,
Когда б в войну ноги не потерял.

1964

* * *

Плосколиц и зело раскос
Бог пермяцкий Иисус Христос.

Со следами рахита, ревматик,
Лоб увенчан терновым венцом.
Тут же скорбная Божья Матерь
С деревянным стоит лицом.

В деревнях, слепых от трахомы,
Сколько их по округе всей
Жгли язычники и ревкомы...
А вот этот попал в музей.

Поясняют приезжим умникам
И экскурсиям без числа:
«Хорошо сохранившийся уникум
Рукотворного ремесла».

Был наивен искусник древний.
Обретя дубовую плоть,
На кого-то из их деревни
Стал похож иудей-господь.

1965

Медвежий цирк и мотоцикл

Медведь со страху на арене мочится.
Ревет полсотни лошадиных сил.
А что кататься до смерти не хочется,
Его никто об этом не спросил.

И вообще он техники не любит:
Горелым пахнет и бросает в дрожь.
Со всех сторон всё люди, люди, люди...
Ни одного лица не разберешь.

Но щелк хлыста тревожит то и дело,
А после сахар из знакомых рук.
Мохнатое, в штанах коротких тело
Свой беспримерный совершает трюк.

Мне ясно, как и всем моим соседям,
Что зверь — дурак, не смыслит ничего.
И все ж неловко как-то, жаль медведя
И всю родню актерскую его.

А отпусти в чащобы да болота,
Под окна попрошайничать придет.
Пока любитель спорта и охоты
Его дулетом в морду не прибьет.

Возможно, что откликнется газета:
«Не изменило мужество стрелку,
Был зверь свиреп и получил за это»...
А он пришел поклянчить сахарку.

1965

* * *

Рассеян свет висячей лампы.
Неясны контуры в окне,
И даже ритм бразильской самбы
В тот миг совсем не близок мне.

А я гляжусь в блестящий чайник,
И на поверхности его
Меня волнует чрезвычайно
Забавнейшее существо.

Как жерла ноздри, щеки гладки,
И плотоядно рот разъят,
И где-то на макушке глазки,
Как две горошины, сидят.

1965

* * *

Снег сошел. Какое счастье!
Мир понятен, как призыв.
Ощущаю каждой частью
Организма, что я жив.

Это скопище микробов
В оболочке из старья
И глаза, что смотрят в оба
Из-под шапки,— это Я.

И во мне бунтует голод
И зеленая тоска.
Я готов покинуть город
Ради дачного леска.

Чтоб ни радио, ни почты,
Ни трамвайной суеты,
Чтоб вокруг одни лишь почки,
Из людей — чтоб только ты.

Возле ног летают птицы,
Прошлогодня труха.
И размыты все границы.
Тушь цветная. Гохуа.

1965

* * *

Я трудно строки составлял,
А навык — он плохой помощник,
Он по характеру таможенник,
Дотошно рифмы проверял.

Покоя нету и во сне,
Но вот — далекий луч рассветный,
Ему я верю беззаветно,
Как рыба золотой блесне.

1965

* * *

Собаки брешут в час ночной.
Замолкнет та, начнет другая,
Хозяев собственных ругая,
Иль, может, призраки виной.

Сна нет. Терпенья накопи,
И мудрость грустная созреет:
Всю жизнь попробуй на цепи,
Тут кто угодно озвереет.

А утром виноватый взгляд
Из темноты собачьей будки.
Но я тебе не верю. Дудки!
«Четвероногий друг», назад!

Что делал, он отлично знал,
Тот хитроумнейший мошенник,
Который изобрел ошейник
И это дружбою назвал.

25 июля 1965

* * *

Над берегами облака
Стоят, очерченные четко.
Сравнений к облакам до черта,
Вон то — похоже на быка.

Взволнованный иной судьбой,
Гляжу, мне с берега виднее,
Как «Академик Веденеев»
Толкает баржу пред собой.

Ну что он (оторопь берет)
В сравненье с этакой машиной?
Но тархтит своей машиной
И все же движется вперед.

...Красавец нефтеналивной,
Весь серебристо-белый танкер,
И музыка, как будто танцы,
Вот только пары — ни одной.

Ползет музейный экспонат.
Кряхтит. Поскрипывают плиты.
И даже за рулем — девица.
А был хорош сто лет назад.

И мимо потемневших крыш
Все проплывает. Уплывает.
Звенит оса. Собака лает.
Гудок гудит. И снова — тишь.

26 июля 1965

* * *

Над сосной звезда качается.
Ближе к дому жметса сад.
Ночь на свете начинается.
На мансарде дети спят.

Душно им в нагретой комнате,
Разметались горячо.
Снятся им, наверно, конники
Или кто-нибудь еще.

Зазвенело на веранде —
Простучал «тяжеловес»...
Громом, словно по команде,
Огласился дальний лес.

Завтра будем лук со стрелами,
Встав пораньше, мастерить.
Сыновья должны быть смелыми.
Пригодится, может быть.

1965

* * *

Был разлинован день косым дождем.
В нем все, что я увидел, поместилось:
Собачья будка, и хозяйский дом,
И сверх того все то, что мне приснилось.

Я днем заснул. Как я кричал: «Чур, мне!» —
Во сне увидев яблоки в корзине...
Но мне не доставалось, разине.
Тогда я понял кое-что вчерне.

Я говорил себе: «Растормошись,
Ведь не сидеть же по два года в классе,
Ты щедр, как будто у тебя в запасе
Еще одна неначатая жизнь».

1965

* * *

Не стыдно торговать на рынке,
Стоять с товаром не грешно,
Будь это глиняные крынки
Или толченое пшено.

...Голодный год. Лихие гости.
В пустом ряду старик стоял.
Он выпрямлял кривые гвозди
И тут на рынке продавал.

Худую грудь его скрывала
Апостольская борода.
Торговля денег не давала —
Совсем не строились тогда.

Бубнили женщины нестройно,
Искали сала и курей,
А он один стоял достойно
С сознанием нужности своей...

Не стыдно торговать на рынке,
Стоять с товаром не грешно,
Будь то плетеные корзинки,
Картошка или толокно.

Не заводи с соседом свару,
Как окаянный не ори,
Знай цену своему товару.
Знай цену — больше не бери.

1965

Курсантские годы

Я был в Ленинграде курсантом,
Стоял в карауле не раз
В соседстве с пожарным гидрантом
И бочкой песка про запас.

Безвестного писаря опус
Я знал наизусть и стерег —
Имущества длинную опись
(И толстый амбарный замок).

Казарма меня поражала
Огромностью мрачной своей,
Величием темного зала.
До этого тут был музей.

Когда мы шагали с ученья
И Должиков наш запевал,
Испытывал я восхищенье
И в хоре себя забывал.

Глядел я в грядущее смело,
И в холод крещенский и в зной
Учился военному делу
И жизни не мыслил иной.

...Курсантские годы промчались,
Отпенились, словно вино.
Одни в лейтенантах остались,
Другие — в майорах давно.

Теперь я хожу на работу,
А после работы — домой,
Смотрю телевизор в субботу
И жизни не мыслю иной.

1965

* * *

Итог. Подведена черта.
А дальше — нету ни черта.
Распад сложнейшего устройства.
Я слабонервным не чета,
И все ж пред этим «ни черта»
Испытываю беспокойство.

Весь век провести под знаком смерти
И кануть в бездну, в океан...
Уж лучше ад, в котором черти,
Похожие на обезьян.

Не посчитайте дураком,
Я часто думаю о том,
Что, получив под зад коленцем,
Я в мире окажусь другом
Седобородым стариком
И там окончу жизнь младенцем.

...Живем всерьез. Ругаем пьянство.
На землю падаем без сил.
А жизнь — это игра пространства
И электромагнитных сил.

18 января 1966

* * *

Ну какая от поэта прибыль?
Посчитают пусть плановики...
Надо мною птицы, словно рыбы,
Синие раскрыли плавники.

Вывески читаю и афиши —
Незнакомой жизни письма.
Головы кариатид, а выше —
Голубая с виду глубина.

1966

Шампиньоны

По соседству с магазином
«Папиросы и табак»,
Преграждая путь машинам,
Собралась толпа зевак.

На Арбате шампиньоны
Рвут асфальта кожуру!
Их суют в плащи пижоны,
Участковый – в кобуру.

Отчего со страшной силой
На поверхность вдруг полез
С виду немощный и хилый
Этот гриб-деликатес?

Тут назад тому лет двести,
До пожаров и холер,
Было славное поместье,
Ложной классики пример.

И совсем еще девчонка,
То капризна, то нежна,
С белозубым арапчонком
Забавлялася княжна.

Не один улан московский
Быть хотел «ея рабом».
Стихотворец Третьяковский
Ей стишки вписал в альбом.

Два столетья спят уланы,
Спит прелестная княжна...
В вышине глаголют краны
Про иные времена.

Дом в приход Наполеона
Был спалён. Стоит другой.
Только лезут шампиньоны
Из арбатской мостовой.

Видно, нечто боевое
В анемичном есть грибе.
Непрерывно все живое
Пробивает путь себе.

1966

* * *

Вхожу в прохладные подъезды,
В скрипучих лифтах возношусь.
Снимаю верхние одежды,
В пустые зеркала гляжусь.

Меня приветливо встречают.
Я говорю на злобу дня,
И это после огорчает
И даже мучает меня.

Я ухожу. Мои движенья
В стекле, зеленом как вода,
Как будто длинные растенья,
Колышутся на дне пруда.

Над обжитым объемом комнат
Звезда на нитке голубой...
Стихи, которые не кормят,
Вдруг слышатся, не то гобой.

1966

* * *

В Карпатах ночь. Дождей пора.
Зарниц лиловых польханье.
Из перевернутой лохани,
С небес хлопывает дождь с утра.

И ветки мечутся в окне,
Как будто жизнь стоит на карте!
Я в отпуске, не спится мне.
Я думаю о Бонапарте.

Артиллерийский офицер,
Окончивший недавно школу,
Хороших не имел манер,
Скорей был склонен к произволу.

В немалой степени актер
С угрюмым взглядом исподлобья,
Застывший в позе для надгробья,
Известной миру до сих пор.

Не спал ночами напролет,
Пытал судьбу в литературе.
Присущ стремительной фигуре
Провинциальности налет.

Случилось! Пробил грозный час.
На паперть выкатили пушки,
И, бледный (все же не игрушки),
Он канонирам дал приказ.

О, скольким юношам зеленым,
Оставив школьную скамью,
Пришлось по разным гарнизонам
Карьеру начинать свою.

Трагическое выраженье
И бледнота безусых лиц
Сулили новые сраженья:
Дюнкерк или Аустерлиц.

Мир погружался в темноту.
Дремали тихо часовые.
Официанты чаевые
Подхватывали на лету.

...А служба протекала вяло
В пределах русла своего.
Казарма хлоркою воняла,
И не случилось ничего.

1966

* * *

Гром гремит над Карпатами,
Белый стелется дым.
Мы под кровлей покатою
В самой туче сидим.

Хлещут плети настырно
Из небесных прорех.
Не Карпаты – всемирный
Банно-прачечный цех.

Полыхают зарницы,
И деревья кипят,
И домов черепицы
Чешую блестят.

Только утром туманным
Полоснет из-за туч
По нагорным полянам
Первый солнечный луч.

(1966)

* * *

Когда солидный человек,
Отец почтенного семейства,
Вдруг строить принялся ковчег,
Над ним смеялись повсеместно.

На улице, в тени олив,
Везде, где только ни встречались,
Смеялись, пузо обхватив,
Закинув бороду, смеялись.

Смеялись дети, старики,
Тряслись от смеха, заикались!
— Ни моря рядом, ни реки... —
А вы бы разве не смеялись?

Какой-то практик имярек,
Что опыт жизненный усвоил,
Сказал: «Зачем ему ковчег?
Курятник лучше бы построил».

Жарища. Ной строгал, пилил,
Работал до седьмого поту,
Строительный смиряя пыл
Во время отдыха в субботу.

А допотопный люд гулял,
Буянил, дрыхнул в огороде!
Уставший Ной отлично знал,
Что будет катаклизм в природе.

Разверзлись бездны, и ковчег
На вспененных волнах метался!
И только праведник смеялся.
Жестокий, скрытный человек...

1966

* * *

Монастырь. Бензоколонка.
Пропась в триста тридцать лет
Кожурой асфальта тонкой
Скрыта, даже щелки нет.

У стены зубчатой липа.
Лист сорвался и кружит
Над землей, где грешник либо
Скромный праведник лежит.

Погуляли здесь поляки,
Мор случался и пожар.
А теперь стоят палатки,
Овощной шумит базар.

Поредевший сквер осенний
На просвет как решето.
В край тропических растений
Цирк уехал шапито.

Счистил старую афишу
Аккуратный старичок.
Знаю — больше не увижу
Ваш отчаянный прыжок.

Где-нибудь под небом южным
В городском чужом саду
Вам покажется ненужным
Быть все время на виду.

Заколеблются устои,
Полотняный дрогнет свод.
Вы прошепчете: «Пустое...
Отдохну, и все пройдет».

Но привидится вам снова,
Как однажды к Покрову
Лягут снежные покровы
На зеленую траву.

И мелькнет, как киноплёнка:
Дом родительский... Пустырь...
Через мост — бензоколонка,
А напротив — монастырь...

Мне расскажет по порядку
Боря Бреев, мой дружок,
Как разбилась акробатка,
Совершая свой прыжок.

На опилках след багровый,
А последние слова:
«Лягут белые покровы
Не позднее Покрова».

1966

* * *

Для чего и кому это надобно,
Чтобы столько страданий людских,
Чтоб торчали железные надолбы
У пустынных застав городских?..

В вихре войн, среди лязга и топота,
И в непрочности мирных времен,
Может, все мы – участники опыта,
Что проводит неведомый Он?

Сверху смотрит он глазом внимательным
В циклопический свой окуляр:
Что творится в бульоне питательном,
Как идет размножение пар?

Произносит одни междометия,
Постигает вещей существо.
И едва поспевают столетия
За секундную стрелкой его...

1967

* * *

Всем своим существом распростертым
(Словно кто-то приставил копьё)
От рожденья на тридцать четвертом
Я почувствовал сердце свое.

За окошком гуляли метели,
Доносились звуки рогов:
Бренен ты в своей белой постели
Посредине российских снегов.

...Помню я, за стеклом магазина
В детстве видел ужасный предмет —
Человека одна половина
Одноглазо смотрела на свет.

Рядом с глобусом, с грудой пособий
Он стоял к обозрению всех
С требухой в рассеченной утробе
И с мозгами как грецкий орех.

А над улицей провинциальной
Реял тонко размолотый прах,
И вороны кричали нахально
На покинутых богом церквах.

1967

* * *

В. Черняку

Профессионалы... Запах пота
В раздевалках. Надобно понять:
Это ведь нелегкая работа —
На зеленом поле мяч гонять.

Рохли, недотепы, дилетанты!
Ваше время истекло давно.
Вы смешны, как будто дилижансы
Рядом со сверкающим «рено».

Вы играете самозабвенно,
Мил мне ваш младенческий азарт,
Вы вперед стремитесь непременно!
(А потом толпою всей — назад.)

Мечетесь по полю оголтело,
Вам побегать лишь бы, поорать.
Профессионалы знают дело.
Крепко знают. Скучно им играть.

1967

* * *

Я был скупым, как царь Кашей,
Я был рабом своих вещей.

Как я спешил в уединенье
Свои сокровища достать,
Какое было наслажденье
Потрогать их, пересчитать!

Не доверяясь грубой лести,
Вдали от любопытных глаз
Я их хранил в укромном месте
И перепрятывал не раз.

То были: сломанная шпора,
Екатерининский пятак,
Деталь какого-то мотора,
Нагрудный капитанский знак.

То было много лет назад.
Я больше не был так богат.

1967

* * *

Звуки города ночного:
Скрип тревожный тормозов,
Громко сказанное слово,
Вой сирены, бой часов...

Словно щепки, их выносит
Несмолкающий прибой.
Где тебя сегодня носит?
Жаль, что нет меня с тобой.

1967

Гостиная императрицы

Фонтаны золотые Петергофа
И далее — сверкающий каскад,
Как будто бы державинские строфы
В саду в осеннем воздухе звучат.

Сквозь розовые дымчатые стекла
Видна полоска северной зари.
Приезжий со щеками точно свекла
Желает знать, как жили здесь цари.

Отличия российского барокко
Историк объясняет на ходу.
Я, не дослушав этого урока,
В китайский зал с поспешностью иду.

В нем жил когда-то шелест кринолинов,
Судьба решалась мира и войны,
И лица узкоглазых мандаринов
Загадочно глядели со стены.

«Душа чужая — сущие потемки» —
Императрица знала, но она
Ждала, что он — светлейший князь Потемкин —
Задержится сегодня дотемна.

Но он уже спешил на дебаркадер.
Вот женщины стареющей удел.
Он думал: «Лучше град турецких ядер» —
И оставаться вовсе не хотел.

...Догнав меня, приезжий краснощекий
Как о насущном самом мне сказал:
«Расход воды тут, видимо, высокий,
Я все фонтаны в книжку записал».

Да было ль всё? Ужель не машкерада
Призра́к — тот мир, мелькнувший невзначай?..
Но бьет вода петровского каскада.
Есть взятый с бою басурманский край.

1967

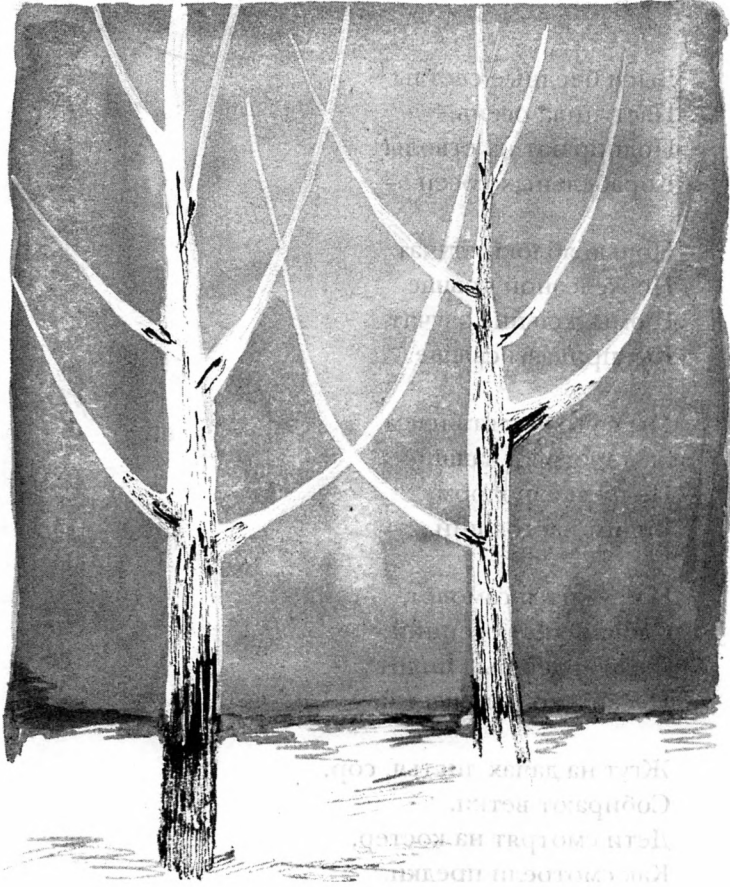
* * *

Голубые небеса.
Горы снежные.
Захотелось написать
Что-то нежное.

Безупречной чистоты,
Строгой линии,
Словно белые цветы,
Липы в инее.

А над крышами домов,
Как дыхание,
Бело-розовых дымов
Колыхание.

1967

* * *

Выси бледные светлы —
Наступила осень, —
Подпирают их стволы
Корабельных сосен.

Ночью яблоки стучат
По железной крыше.
Громы дальние звучат,
Как приказы свыше.

Мы с утра гулять идем
За дорогой в чаще.
По пути аэродром
Видим настоящий.

И кружится самолет,
Словно лист осенний,
Даже виден был пилот
Несколько мгновений.

Жгут на дачах листья, сор,
Собирают ветки.
Дети смотрят на костер,
Как смотрели предки.

1967

* * *

Нева... На низких берегах
Великолепные строения.
Я в том осеннем настроенье,
Когда от всяких дел в бегах.
По Летнему гуляю саду,
Листву опавшую топчу,
На черную гляжу ограду,
Стихи забытые шепчу.
Тут мрамор, взгляд куда ни кинь,
Богов античных и богинь.

Вот космы мрачного Сатурна.
Бог Времени, родитель дней,
Играя мышцею скульптурной,
Съедает собственных детей.
Мне чудится застывший крик,
Уж больно страшен тот старик.

...Я жил когда-то на Фонтанке,
То было много лет назад.
Стоял в строю на левом фланге,
Вне очереди шел в наряд.
И, бравым будучи курсантом,
Тогда значенье придавал
Нашивкам воинским и кантам,
Не Канту, я его не знал.
Неопытных и юных лет
Где отыщу теперь я след?

Пусты осенние пространства.
Дитя с игрушкой идет,
В которой кончился завод.
Ничто не знает постоянства.
Бог Времени, родитель дней,
Съедает собственных детей.

А что есть время? Почему
Его кому-то не хватает?
Оно, как снег в ладонях, тает
И неподвластно никому.

Иные силятся убить
Его, к пивной прижаты стойке,
Но долог день после попойки,
Как вспомнишь, лучше и не пить.
А время движется вне нас...
Который во Вселенной час?

1967

* * *

Художник Каналетто,
Писавший в старину,
Был суховат, но это
Не ставь ему в вину.

Когда охоты нету
Глядеть на белый свет,
Картину Каналетто
Повесь в свой кабинет.

Не выходя из дома,
Вдали от суеты
Ты жизни незнакомой
Разглядывай черты.

Вот городская площадь
И ратуши портал,
Крыш чешую топорщит
Купеческий квартал.

Вельможа едет цугом
На черной шестерне,
Две женщины друг с другом
Судачат в стороне.

Старуха у фонтана,
Крестьянские возы,
Два бравых капитана
И шельма из Ганзы.

А на переднем плане
Кибитка, и видна
В малиновом кафтане
Форейтора спина...

Теперь бы критик грозный
Художника сразил
За то, что скрупулезно
Он все изобразил.

Ах, если б знал он, бедный,
Что старый жанр погиб
И шествует победно
Слепой дагерротип.

А я гляжу на площадь,
На каменный портал...
Как будто бы на ощупь
Когда-то здесь плутал.

Но болтовня все это,
Забудь про мой совет,
Коль нету кабинета
И Каналетто нет.

1967

* * *

Крещенские морозы
Принес январь.
И щеки, словно розы,
Цветут, как встарь.

После отмены бога
И вслед за сим
Случалось не много
Подобных зим.

Сугробы у обочин,
Кругом снега
Напоминают очень
Собой стога.

А в синеве молочной —
Косматый шар
Почти вишневый, точно
Из печки жар.

Не выхожу из дома,
Гляжу в окно.
Мне все вокруг знакомо
Давным-давно.

Вот дровяного склада
Глухой забор —
Подобие посада,
Еще б дозор.

Услышу пилорамы
Высокий звук.
Обыденность как драму
Пойму не вдруг.

Распиленные ровно,
Белей, чем мел,
Березовые бревна —
Как груды тел.

Найду ли объяснение
Всего верней:
Мы тоже ведь растенья,
Хоть нет корней.

Пред неживой природой
Мы все родня.
Она пребудет годы,
Мы — меньше дня.

Уходят поколенья,
Дела и сны.
Мы все в процесс горенья
Вовлечены.

Январь 1968

* * *

Снега метут волнообразно,
Перечеркнув мое окно.
От снега белого темно.
Единоборство с ним напрасно.

И потому в подвалах спят
Скребки, широкие лопаты.
Облеплен пеший, словно в латы
Закован с головы до пят.

Все люди разъединены,
И все сообщества распались.
Дома в сугробах потерялись
Невиданной величины.

А снег летит горизонтально,
Порою кажется, что вверх.
Сквозь этот белый фейерверк
Лишь пеший движется случайный.

Он неуклюж, как водолаз,
Но он идет от дома к дому,
Несет свое тепло другому,
Кому-то, может быть, из вас.

Метель имеет глубину,
На дне ее бело и пусто.
Тепла пульсирующий сгусток
Куда-то движется по дну.

31 января 1968

Конец зимы

Вчера была держава —
Заставы и посады.
Налево и направо
Препоны и преграды.

А нынче песни птичьи,
Корнеты-а-пистоны!
Где белое величье,
Былые бастионы?

Снег съежился и грязен,
Местами даже черен.
Он жалок, безобразен
И дворникам покорен.

Не вымерзли пичуги,
Поют себе во славу,
Хоть нету их заслуги
В падении державы.

А чья заслуга в этом?
Быть может, Реомюра,
Который с Фаренгейтом
Открыл температуру?

Но смена настроенья
В природе регулярна.
Любое потепленье
Встречаю благодарно.

1968

* * *

Оркестры духовые
Военных городков,
Во всех углах России
Вы непременно есть.

Под марши боевые
Чеканней шаг полков,
Вослед – глаза большие
Заплаканных невест.

На старой танцплощадке
В военном городке,
Влюбленный без оглядки,
Сплошную чушь несусь..

Бравурный марш грохочет
Опять невдалеке,
Как будто кто щекочет
Соломинкой в носу.

1968

* * *

Весенняя распутица!
От влажной теплоты,
Того гляди, распустятся
И чувства, и цветы.

Набухли – ветвь над крышею,
С конфетами кулек,
Набухла глина рыжая,
Лежащая у ног.

Топтали звероящеры
Кембрийский этот слой,
В проекте были прашуры,
Тем паче – мы с тобой.

А после... Но – беспечное,
Резвись, дитя, играй!
Вся жизнь – стремленье вечное
Перехлестнуть за край.

Избыточность весенняя
В основе бытия.
Какое все ж везение,
Что есть и ты и я.

Но дня блистанье яркое
Нарушил крик ворон.
Как будто это карканье –
Предвестье похорон.

30 марта 1968

* * *

Девяностые... Девятисотые годы...
На фасадах лепные страдают уроды.
На балконах — железных решеток извивы
По-змеиному плавны, страшны и красивы.
Вот крылатые львы приподнялись на лапах,
Слыша каменных трав экзотический запах.
Водосточные трубы, с карниза свисая,
Скалят пасти драконы, едва не кусая.
То большая фантазия Обри Бердслея
Захлестнула весь мир — города и музеи.
И в глубокой провинции так же манерно
Возникали нежданно причуды модерна.
Воздух улиц был жгучею тайной пронизан,
И возник интерес к кругосветным круизам.
...Где-то там, за морями, далекие страны:
Их народ необычен, обычаи странны.
«И туда поскорей, дорогая кузина,
Убежимте со мной от тоски и бензина...»
Три десятка авто по Европе каталось,
Ежедневно из них половина ломалась.
Это было недавно... Но вышли из моды
И крылатые львы, и цветы, и уроды.
По Арбату индийские ходят набобы
И глядят на московские наши сугробы.
Африканский князек в отдаленье от дома
В академии учится на агронома.
Всё разумно, привычно... Но как-то случайно
На земле не осталось места для тайны.
Сжался мир на глазах, будто наша планета —
Голова, что уменьшилась до амулета.
Сквозь весеннюю сырость иду по Арбату,
Это царство прямого угла и квадрата.
«Пифагоровы штаны
Во все стороны равны...»
Спит Арбат, и немые пространства пустынно.
Лишь, спеша, санитарные воеют машины.

6 апреля 1968

Стихи о маневровом паровозе

Он спятил с ума, он попятился задом,
Рванулся вперед, дал гудок.
Ему показалась бессмысленным адом
Система железных дорог.

И вот по бокам полоса отчуждения,
А спереди — синий простор.
Над рельсами дух беспокойный движенья
Крыла роковые простер.

Должно быть, часы утомленья сказались:
Привычный маршрут покрути!
Теперь он свободен, его не касались
Сигналы, что были в пути.

Душевнобольной покоритель простора,
Он прет по железной стезе.
Кроваво уставился глаз светофора,
И парит, как будто к грозе.

(13 апреля 1968)

* * *

Е. Нестерову

С моста гляжу на полотно,
На путаницу линий:
Песчаной насыпи пятно,
Колей оттенок синий.

Они, как струи по стеклу,
Стекают к горизонту,
Где кран ворочает стрелу,
Подобный мастодонту.

Заборы, штабеля везде,
Хранилища и склады,
Где мирно дремлют на гвозде
Квитанции, наряды.

А там, над хламом пустырей,
Как местности диктатор,
Всей тяжелой стройностью своей
Поднялся элеватор.

Материальный мир вещей,
Рассчитанный навеки,
Расскажет ли потом (вотще),
Чем жили человеки?

Среди обыденных тревог,
Хозяйственных стараний
Как их тянуло за порог
Весной, до срока ранней.

18 апреля 1968

* * *

Храм в деревне Воронцово
Сохранил следы потерь.
Не скажу, что образцово
Он содержится теперь.

Только нынче перед Пасхой,
К Первомаю, неспроста
Подмалеван желтой краской
Храм-расстрига без креста.

Кто-то окна тряпкой вытер.
Возле храма, у дверей,
Похоронен бывший ктитор,
За оградой – иерей.

Дальше, сделанные грубо,
В духе времени, подряд
Накрест сваренные трубы
Над могилами стоят.

На могилах крошки хлеба,
Под ногами скорлупа.
Пред судом высоким неба
Надпись каждая скупа.

Сообщается в ней имя,
Неразлучных дат чета...
Выразительна меж ними
Жизни краткая черта.

Сколько было их в Отчизне
И ушло: кто млад, кто стар.
Отработанные жизни
Растворились, точно пар.

Стали почвой, синим бором,
Речкой стали голубой,
Стали воздухом, которым
Дышим мы теперь с тобой.

Все предстало много проще,
Чем казалось до поры.
Словно дым в безлистой роще —
Сизый блеск сухой коры.

По-весеннему пустынно.
Прошлогодних листьев прель.
Разрывает, как холстину,
Тучи ветреный апрель.

3 мая 1968

* * *

Духота в начале лета,
Тополиный пух в глаза.
В небе розового цвета
Притаилась гроза.

Это душное предгрозые,
Предоставлены судьбе,
Люди, звери и колосья
Ощущают на себе.

Потянул с востока холод.
Беспокоен птиц полет.
Блеск короткий — и расколот,
Словно чаша, небосвод.

Лишь какое-то мгновенье
На померкшем фоне дня
Жило страшное растенье
Смертоносного огня.

Это вырвалась на волю
Сила, скрытая дотоль.
Одинокий путник в поле —
Как шекспировский король.

17 июня 1968

* * *

Теперь доказано на практике,
Что разбегаются галактики,
Чтобы по истеченье вечности
Вновь повстречаться в бесконечности.
Сначала были мы в смущении,
Узнав про «красное смещение».
А нынче снова улыбаемся,
И... все куда-то разбегаемся.
Звучит хоть страшно, но красиво,
Что мы живем во время взрыва!

Июнь. Чириканье пернатых.
Мечты мальчишек о пиратах.
И каждодневная работа.
И козни гнусные кого-то.
Костер. Мадонна Рафаэля.
И деревенский пустомеля.
Чума. Крестовые походы.
Кобель диковинной породы.
Напластование эпох.
Живущий в сказке царь Горох...
И это все во время взрыва?
Нелепо как-то, но красиво.

Июнь 1968

* * *

Безлюден волжский плес,
И на пустые пляжи
Опять прибой принес
Мотки зеленой пряжи.

Скамейки и навес,
Бачок с водою пресной
Перед лицом небес
Тут как-то неуместны.

Уткнувшийся в песок,
Кренился дебаркадер.
Стальную гладь рассек
Охраны рыбной катер.

Пульсирует река,
И кремовая пена —
Пузыриста, легка —
Родится постепенно.

1968

На берегу

Дождлив июль. На волжском плесе
Опять безрадостный денек.
Он, как подагрик, еле плелся,
Дойти до вечера не мог.
Природе свойственны огрехи,
И в подтверждение этих слов
Глядело солнце сквозь прорехи
Бегущих мимо облаков.
Ввиду условий чрезвычайных,
Чтоб вместе время скоротать,
Собрался круг друзей случайных.
Мне остается их назвать:
Вот резкий загорелый профиль,
Притом уверенность манер,
Типичный с виду Мефистофель
(А в жизни – старший инженер).
Презревший с детства физкультуру,
Задумчив Гамлет (бросил пить),
Он не развил мускулатуру,
Все думал – быть или не быть.
В тени двух названных «гигантов»,
Неладно скроен, крепко сбит, –
Крепыш. Он делал вид, что спит,
За неимением талантов.
И девушка – нежна, прелестна
Едва расцветшей красотой,
Какой-то хрупкостью телесной,
Волос копною золотой.
...Держал все нити разговора,
Конечно, Мефистофель. Он
Красноречивым был без спору
И обо всем осведомлен.
– Да, да! Хоралы Монтеверди!
Какая сила в них слышна,
Проблема бытия и смерти
Рельефно в них отражена...
А вы футбол глядели нынче?
Как слева подавал Гарринча!
Спортивной честью дорожим,
Но все ж Пеле неудержим.

И вы не знаете Макуху?!
Уж скоро год известен он
Цивилизованному слуху
Как самый лучший саксофон...—
Был Гамлет вял, слегка скептичен,
Поглядывал куда-то вдаль.
Футбол ему был безразличен
И музыкальный фестиваль.
«Душа в девчонке не проснулась,
Она не ведала утрат,
И пламя крыльев не коснулось
Покуда... Полуфабрикат»,—
Так думал он. Она смеялась,
Ей было ведомо свое.
Прическа пышная склонялась
К коленям сомкнутым ее.
— Поэты непереводимы.
Литературный институт
Закреть давно необходимо,
Ведь в нем таланты не растут...—
А принц, печален и скептичен,
Заметил вяло, как всегда:
— Не слишком ты категоричен?
Тебя не приняли туда?
— Смотрите, сверху что-то каплет...
— Да мы ведь под дождем сидим! —
В бильярдную подался Гамлет,
И Мефистофель вслед за ним.
А девушка... Она осталась.
Был теплый дождь ей нипочем.
Она, зажмурясь, целовалась
С повеселевшим крепышом.
В ней победил инстинкт прабабкин,
Живущий где-то в глубине.
Темнело, и светился бакен,
Покачиваясь на волне.

(10 августа 1968)

* * *

Романтиков великих
Я поутру читал.
Доспехов тусклых блики
Сквозь строчки различал.

Возвышенные чувства
Тогда открылись мне
Наивного искусства,
Прекрасного вдвойне.

...Так поступают дети
Наперекор уму,
Так жить нельзя на свете
И должно потому.

Проходят долгим строем,
Теряются во мгле
Громоздкие герои
С печатью на челе.

Октябрь 1968

Баллада о смычке

Окончилось лето,
И листья пестры,
Их песенка спета.
Пылают костры.

Опять пилорама
Звенит за окном
И режет упрямо
Бревно за бревном.

Порядок отменный
На складе царит,
Любое полено
Однажды сгорит.

...А где-то далёко,
Где, кажется, юг
Граничит с востоком,
Растет фернамбук.

Молчальник и бука,
Седой старичок
Из этого бука
Строгает смычок.

Чуть-чуть построгает,
Затем посидит.
Он суть постигает
И очень сердит.

Потом он наденет
Глухой сюртучок,
И кто-то оценит
Волшебный смычок.

...Наверное, в Вене
При свете свечей
Затихнет волненье
И шелест речей.

Появится бледный
В жабо музыкант,
Достаточно бедный,
Как всякий талант.

Глазами пошарит:
— Готовы? — Вполне... —
И после ударит
Смычок по струне.

И волны наполнят
Пространство вокруг
И что-то напомнят
Забывтое
вдруг...

Века над планетой
Прошли с той поры.
Окончилось лето.
Пылают костры.

Машина Уатта
Попала на слом.
Гравюра фрегата
Висит под стеклом.

Ушли дилижансы,
Менялись авто,
С годами их шансы
Снижались. Не то!

Но жив знаменитый
Волшебный смычок,
Что сделал сердитый
Сухой старичок.

Пусть город заснежит
И стекла белы,
Забуду про скрежет
Железной пилы.

Октябрь 1968

* * *

Рыжая осень. По склонам —
Листьев кленовых следы.
И над теченьем студеным
Словно повисли сады.

В этом разгуле багрянца,
Золота и желтизны
Люди — почти иностранцы
Из очень трезвой страны.

На павильоне садовом,
Ветком, подкрашенном вновь, —
Смыслом наполнено новым:
«Тося и Митя — Любовь».

Тут посреди беспорядка
Надпись у всех на виду...
Роскошь. Период упадка.
Осень в Нескучном саду.

18 октября 1968

* * *

Со мной приключилась забавная штука.
Тут, как говорится, бессильна наука
Ближайшую тысячу лет.
Поскольку и тот, кто к науке причастен,
Бывает не менее глупо несчастен,
Хоть мнит осчастливить весь свет.

Из города листья, танцуя, уходят.
Они хороводы прощальные водят,
По серой скребут мостовой.
А то вдруг подымутся вверх каруселью!
Печально цыганское это веселье
Под ветра осеннего вой.

...Есть крыша, друзья, что приходят в субботу.
Есть книги на полке и путь на работу
(Лет десять его повторял).
В кармане платок и на вешалке шляпа...
И все же себя ощущаю растяпой,
Как будто бы что потерял.

Что именно? Имени нет. Бестелесно.
Пропало. Исчезло. Куда? Неизвестно.
За пестрой листвою вослед.
Но, может быть, не было вовсе утраты,
А просто не в духе поднялся с утра ты,
Не выспался — в этом секрет.

Но с этим мое существо не согласно.
Страдать без причины? Ведь это ужасно!
Еще тяжелей во сто крат.
Оно, задыхаясь, вопит что есть силы:
— Утрачено что-то. Но было ведь, было! —
Как спившийся аристократ.

24 октября 1968

* * *

Был полдень тусклый, словно вечер.
Слов не бросающий на ветер,
Явился беспощадный гость.
Страшна его повадка лисья.
Посыпались на землю листья,
Как будто бы разжалась горсть.

А после было исступленье,
Отчаянье и утомленье,
Все выверено по часам.
Деревья догола раздеты,
Их руки черные воздеты
К октябрьским низким небесам.

Дожди. Гнилое время года.
Сидишь и ждешь зимы прихода.
Лишь пара вымученных строк
В тетради. Оттого не весел.
Как будто дал однажды вексель
И погасить его не смог.

Порой смеешься: шито-крыто.
Но и тогда ты ждешь визита,
Все громче мерный ход часов.
Колесики и коромысла,
В вас нету никакого смысла!
Как в римских бюстах без носов.

31 октября 1968

* * *

Что б ни было, хуже не будет.
Будь весел, как греческий бог,
Пока тебе смерть не остудит
Трепещущий сердца комок.

Что боль в этой жизни приятна,
Поймешь ты, покинувши свет,
Когда возвратишься обратно
В компанию звезд и планет.

В бескрайних вселенских просторах
Ты будешь скользить как сигнал,
Бесплотен, как образ, который
Однажды по счастью сыграл.

18 ноября 1968

* * *

В прямоугольнике окна
На темно-синем фоне
Плывет холодная луна
В серебряной короне.

Еще халдейский жрец, смотря
На лик туманно-бледный,
Загадкою календаря
Смушал свой разум бедный.

Колпак высокий и халат
Меня не украшают,
Но это, право, маскарад
И дела не решает.

Всплывают в памяти моей
Названия лунных пятен —
Пустынных цирков и морей,
Возвышенностей, впадин.

Оп-ля! Монету в щель сую,
Билетик вынимаю.
Я очень много узнаю
И мало понимаю.

...Пушистым выдался январь.
Для дворников работа.
Висит на стенке календарь
Цветной Аэрофлота.

Гляжу на небо, жду вестей.
Смещаясь постепенно,
Грядущих мировых страстей
Освещена арена.

15 января 1969

О первой лошади

Влага капала с небес
На зеленый выпас.
Через фикусовый лес
Топал мезогиппус.

Вспоминая о хвосте
И хвостом махая,
Думал гиппус: «Жизнь вообще
Штука неплохая».

Вдруг пришлось замедлить бег,
Поперек – лиана,
Сбоку – получеловек,
Полубезьяна.

Волосатую рукой
Он сжимал дубину
И почесывал другой
Меж лопаток спину.

Любопытен гиппус был,
Прямо как мальчишка:
«Это что за гамадрил,
Наглая мартышка?»

И бесхитростно вперед
Гиппус тот подался...
Показал событий ход,
Как он ошибался.

(17 января 1969) <1972>

* * *

Я вспоминал о том, что было
Со мною много лет назад.
И память живо сохранила
Тех дней весенний аромат.

Но где тот мир? Куда девался
Со всем укладом заодно?
Как пепел, истончась, распался
Иль на морское канул дно...

1969

* * *

В закарпатской маленькой харчевне
Пью с любимой кислое вино.
На холме зубчатый замок древний,
Шпиль над крышей, как веретено.

Мы укрылись от дневного жара.
И, возникнув разом у стола,
Пилят два лоснящихся мадьяра
Скрипок потемневшие тела.

Небосвод наполнен синим светом.
Рук набрякших не удержит сад...
Это было то ли прошлым летом,
То ли пять веков тому назад.

30 марта 1969

Апрель сорок пятого

Цветочный ряд. Тишинский рынок.
Аляповатый цвет картинок,
В мешочках белых семена.
Они по виду неказисты —
Черны, бугорчаты, землисты,
Роскошны только имена.

Черны хозяйки их, старушки,
Стоят прижатые друг к дружке,
Роняют мудрые слова.
Повыгорели их салопы.
А над Восточною Европой
Апрельской силы синева.

Забудем скоро мы о снеге,
Петуний, сальвий, аквилегий
Имея пред глазами вид.
Средь толчеи базарной, спешки,
Как идол, сидя на тележке,
Тихонько едет инвалид.

Он в очередь встает степенно
В ряду, где деньгам знают цену,
Где дух расчета не ослаб.
Старуха, расстегнув шубейку,
Покорно достает копейку
Рукой, коричневой как краб.

У старой прохудилась кровля,
Копеечна ее торговля,
А осенью дожди польют.
Когда подаст медяк старуха,
Об истинном величье духа
На небе ангелы поют.

Июнь 1969

* * *

Скрываюсь под сенью садовой,
Как житель подводных глубин,
Расплющенный многопудовой
Прозрачною толщей годин.

У ног моих — солнечных пятен
Пушистых и толстых семья.
Хоть мир мне не очень понятен,
К нему приспособился я.

Все было: измена, и верность,
И плач на январском ветру.
Не выбраться мне на поверхность,
А выплыву если — умру.

1969

Июльский ливень

Нерегулярный сад.
Темно в аллеях. Пусто.
В листве шары оград
Безлики, точно бюсты.

Зеленые пруды
И павильон забытый.
Лосиные следы
Чеканно в землю вбиты.

Тревоги полон миг,
Она во всем сквозила.
Вдруг неба темный лик
Гримаса исказила.

И гром загрохотал
В преддверии небесном,
И сад затрепетал
Всею сущностью древесным.

Покрылся рябью пруд.
Над головою, весел,
Возник гигантский спрут
И щупальца развесил.

Собравшийся с утра,
Сплочен и непрерывен,
Как будто из ведра,
Июльский хлынул ливень.

Размытые следы.
Ограды вереница.
И в пелене воды,
Как пламя свечек, лица.

1969

* * *

Белый южный городок,
Тихий, полусонный.
Был тут как-то Геродот
Собственной персоной.

Время медленно плывет
Через толщу зноя.
Вызревает нежный плод
Под листвою резною.

Из промышленности есть
Двадцать восемь тиров.
Пульки шлепаются в жезь,
В полосатых тигров.

Ремонтируют часы,
И в тени навеса
Расположены весы
(Три копейки с веса).

Безмятежна синь небес.
Жители гуляют.
Уточнят сперва свой вес,
После постреляют.

Как заметил древний грек,
Городишко пыльный,
Раз в сто лет бывает снег,
Да и то несильный.

20 августа 1969

После дождя

Ю. Рейнеру

За Дмитровом старинным
Земля лежит поката.
Поля и луговины
Разбиты на квадраты.

И синий свет глубинный
Стоит над жатвой спелой,
Над красною рябиной,
Над колокольней белой.

Подняв глаза, я видел,
Как летчик, смел и весел,
На синем небе вывел
Замысловатый вензель.

А в глубь земли обширной
Спускается полого,
Блистая глиной жирной
После дождя, дорога.

4 октября 1969

* * *

Березняк обглоданный.
Ржавые кусты.
Как в усадьбе проданной —
Запах пустоты.

Вдоль листвой усеянных
Долгих анфилад
Взгляд скользит рассеянно
С мыслями не в лад.

Заметет метелица,
Запылит пурга.
Перемелет мельница
Белые снега.

Неживая чудная
Скроет красота
Эту глину скудную,
Ворохи листа.

Но ведь жизнь весенняя
Грянет! — знает всяк.
Что ж глядишь рассеянно
В мокрый березняк?

27–31 октября 1969

* * *

Все заботы нынче мне
Кажутся пустыми.
Съежась, кактус на окне
Грезит о пустыне.

До пустыни тыщи верст.
За окошком снежно.
Соскребают белый ворс
Дворники прилежно.

В магазинах толкотня.
Завтра будет праздник.
Еще радует меня
Вид закусок разных:

Сыр в слезах и ветчина
Нежная, как роза...
Запотевший штоф вина —
Только что с мороза.

Кактус мерзнет на окне,
Весь в колючках жалких,
Пребывая в полусне
В южных странах жарких.

...Так и я совсем оброс
Редкою щетиной,
Озабоченный всерьез
Грустною картиной:

Я в горшке среди земли
И под слоем пыли.
Веселиться все ушли,
А полить забыли.

6–9 ноября 1969

* * *

Мне кажется, что я оглох,
Сосредоточен и взволнован,
Захвачен исподволь, врасплох
Каким-то ощущеньем новым.

Мне кажется, что я ослеп,
Сквозь стены начинаю видеть,
Презрев на миг насущный хлеб,
Тебя не думая обидеть.

Не переделаны дела.
Секунды гибнут, поспешая.
Тетрадь раскрытая бела,
Как будто бабочка большая.

18 ноября 1969

* * *

М.К.

Жизнь проходит незаметно
Час за часом, день за днем.
Свет холодный предрассветный
Возникает за окном.

В этой смене дня и ночи
Нет начала и конца.
С каждым мигом путь короче
Простака и хитреца.

Эти мысли неизбежно
Посещают в ранний час.
Неумно и небезгрешно
Прожил жизнь я в этот раз.

Где-то на другой планете
И в другие времена
Позабуду стены эти,
Бледное пятно окна.

Но среди доблестных деяний
В жизни праведной иной
Вдруг предстанет, как в тумане,
Предо мною образ твой.

14 декабря 1969

Опыт в эпическом роде

Я вам расскажу, допуская вполне,
Что много в рассказе изъязнов,
Как в град Ширван-шахов на белом коне
Въезжал генерал Цицианов.

Светило в короне своей золотой
Повисло в небесной лазури
Над бледно-зеленою гладью литой
Залива, забывшего бури.

Уступчатых улочек хитрый узор,
И главы мечетей и своды —
Все это ласкало спокойствием взор
На фоне расцветшей природы.

Глашатай на площадь народ собирал,
Гортанно крича, деловито.
Сюда и направил коня генерал,
С ним численно скромная свита.

О чем генерал размышлял в этот час,
Доподлинно мне неизвестно.
Возможно, о том, что отныне Кавказ
С Россией подружится тесно,

Что верой и правдой царю он служил
Не ради монаршей награды,
И вот неприятель оружие сложил
И просит смиренно пощады.

«Не будут набегом теперь угрожать
Персидские шахи Кавказу» —
Такую он должен при встрече сказать
Короткую твердую фразу.

Дыханье Востока, одежд пестрота
Не очень его занимали.
Была в нем отчетлива эта черта,
Как, впрочем, в любом генерале.

На склонах
 листвы глянцевитая дрожь,
Столетняя пыль декораций,
Но видел он в этом пейзаже чертеж
Возможных для войск дислокаций.

Ведь тот, кто любит в конном строю
Миндальной веткой, платаном,
Обычно кончает карьеру свою
Не выше, чем штабс-капитаном.

Он въехал на площадь. Вдруг конь задрожал
И дальше пошел неохотно,
Косил темным глазом и уши прижал,
Покрывшись испариной потной.

Толпой окружен, в белоснежной чалме
Правитель встречал генерала.
Но что он держал у себя на уме,
Лицо его не выражало.

Один из аскеров с поклоном поднес
Красивую чашу шербета.
Парчой золотую накрыт был поднос,
И старцы отметили это.

Но только отведал сладостей генерал,
Отброшено вмиг покрывало.
Клинок из Дамаска дугу описал
И голову снес генералу.

Как медленно падала с плеч голова
С неловкостью грузной предмета.
Она позабыла людей и слова,
Лишь вкус ощущала шербета...

Светило в короне своей золотой
Висело в небесной лазури
Над бледно-зеленою гладью литой
Залива, забывшего бури.

19 апреля 1970

* * *

Под солнцем яростным однажды
Порожний бросив котелок,
В степи, что треснула от жажды,
Найду ли я воды глоток?

Иль с отвратительным оскалом
Я упаду, судьбу кляня,
На радость маленьким шакалам,
Что воют на исходе дня...

10 мая 1970

Сентябрь

Небо сумрачно, смутно,
Лишено высоты.
Росы тяжестью ртутной
Пригибают листья.

Воздух влагой пропитан
И лицо холодит.
В полукружья копытин
Свет, как в чашки, разлит.

В этом княжестве мокром,
В королевстве воды
Пробегают по стеклам
Юрких капель ряды.

В свете матовом, тусклом
Непрерывен их бег
По каналам и руслам
Незавправдашных рек.

Над раскисшим проселком
Тишь... И кажется мне,
Что за нашим поселком
Нет людей на земле.

Май – июнь 1970

* * *

Я стоял у склада с провиантом
На краю Лапландии самой.
Был к нему приставлен я сержантом,
Грозно именуясь — часовой.

У меня в руках была винтовка,
На боку висел противогаз,
Чтоб, когда «возникнет обстановка»,
Был вооружен я в самый раз.

Солнце ослепительно блистало
С голубой весенней высоты.
Снег шипел и отступал устало,
Обнажая скудные пласты.

Вдруг среди капельного каскада,
Хруста и позвякиванья льдин,
В грузных сапогах топчась у склада,
Я почувствовал, что не один.

Из-под склада на пригорок лысый,
Из чернеющих глубоких нор
Не спеша погреться вышли крысы
И глядели на меня в упор.

Маленькие розовые лапки
Нежны, словно первые цветы,
И чешуйчатые, как будто в лаке,
Конусообразные хвосты.

Жирным обитателям лабаза
Я не страшен был, и что за страх
От солдатика с противогазом,
С длинной трехлинейкою в руках.

3 октября 1970

* * *

Завируха снежная
Пополам с дождем.
Но от мыса Дежнева
Катит белый ком.

И когда накатится,
Стиснет белизной,
Прочно реки схватятся
Голубой броней.

Роща обожженная
Станет в декабре
Вдруг преображенною —
Чернь на серебре.

Звонкое ребячество!
Вроде — маскарад.
Зверь пушистый спрячется
В белый маскхалат.

15 октября 1970

Миндальный куст

Среди желто-зеленой зыби
Холмов, где позабыт чигирь,
В поставленной отвесно глыбе
Узнал я древний монастырь.

По сути дела это крепость,
К ней нету приступа с боков.
Ее испытывали крепость
Поклонники иных богов.

Те времена за далью дальней,
Но все цветет невдалеке
Бледно-лиловый куст миндальный,
Как шар на темном черенке.

18 октября 1970

* * *

Я долго стоял неподвижно,
Спиною к стволу прислонясь.
Листва опадала неслышно,
Разрушилась кровная связь.

Вернее — без боли отсохла,
Листок улетал за листком.
Разлиты багрянец и охра
На старом бульваре Тверском.

Всё то, что меня окружало
И двигалось, словно во сне,
Как будто в воронку втекало
В меня, оседая на дне.

Какие-то рыхлые лица
И большеголовый малыш,
Столетняя светская львица
И дворник, почти Тохтамыш.

А в зале под вывеской скромной
Повторно крутили кино...
Я слился с поверхностью темной
И с деревом был заодно.

И прежняя жизнь вдруг предстала
Теперь от меня далеко.
Неслышно листва опадала.
До странного было легко.

22 ноября 1970

* * *

Красноватый глаз планеты
С высоты небес глядел.
Провидения приметы
Каждый угадать хотел.

При свечах столоверченье —
В моде тайна и вино,
Гороскопы, мрак вечерний
И в кофейной гуще дно.

Что-то виделось в посуде?
Клокотал район Балкан,
По созвучью и по сути
Так похожий на вулкан.

Бодро топали колонны,
Горячил драгун коня,
Суетливые поклоны —
Кинохроник толкотня.

...Что я вспомнил о вулкане?
Нет спокойствия во мне.
Плотно скрыты облаками
Небеса в моем окне.

Снега беленькие шкурки
На железных ребрах крыш.
Свищут ветры в Оренбурге,
А у нас покуда тишь.

Словно обложили ватой
Этот низкий небосвод.
Где-то сперли дипломата
Да угнали самолет.

Звуки гаснут, точно искры,
В белоснежной тишине.
...Полны баки и канистры.
Тонкий иней на броне.

10 декабря 1970

* * *

Испуганно кричали птицы
В тот сумеречный час, когда
Метался запад в огневице
И первая взошла звезда.

Всё так же высились отроги
И крыши – в ряби черепиц,
Деревья те же при дороге.
Так что же всполошило птиц?

Они кружились над землею,
Как хлопья черные, вдали
И что-то ведали такое,
Чего мы видеть не могли.

13 декабря 1970

* * *

Река быстра и холодна,
Богата родниками,
Просматривается до дна,
Перебирает камни.

И как мозоль земли — скала,
Над бегом волн отвесна.
Вода кипит белым-бела,
Ей в горловине тесно.

К промытой синеве небес
Всем скопом без разбору,
Цепляясь, узловатый лес
Карабкается в гору.

Где некогда служил пророк
Посмешищем для дурней,
Легко возносится дымок
Над темной смолокурней.

16 декабря 1970

Камни

А когда мне представился случай,
Я сомненья развеял, как дым,
И прошел по карнизу над кручей,
Добрым гением, видно, храним.

На высотах ни яблонь, ни вишен.
Горный воздух разрежен и чист,
Электричеством грозным насыщен,
Как слюда в утюге, он слоист.

И с отбитыми напрочь руками
Рядом с холодом синих снегов
Темнолицы безмолвные камни,
Словно идолы древних веков.

Им не страшен пронзительный холод
И блистанья грозы не страшны,
Хоть, случается, череп расколот
И гранитные мысли видны.

Мох, похожий на розовый иней,
Лбы их темные разрисовал.
Но однажды под грохот глубинный
Их низвергнет в долину обвал.

Вместе с грязью, с разбухшею глиной,
Увлекая с собой бурелом,
Камни сыпаться будут лавиной!
Уберут их с дороги потом.

27 декабря 1970

* * *

Снег быстро падает вблизи,
Вдали он медленно садится...
Зажмурься и вообрази,
Что это дом наш вверх стремится.

В ту пасмурную белизну,
В тот белый сумрак сероватый,
Где можно слышать тишину,
Законопаченную ватой.

Как устаревший отменен
Закон железный тяготенья,
Многоэтажный наш вагон
Парит среди коловращенья.

Он словно кокон, в пелене,
Как «изоляцией» замотан.
Конец, казалось бы, заботам.
Но что нам делать в вышине?

И вмиг пресекался снегопад.
В окне возникли очертанья
Стоящего напротив зданья.
Донесся мерный звук лопат.

31 декабря 1970

* * *

Платиновое солнце
В тонких повисло ветвях.
На чистом снегу январском
Длинные тени легли.

Серый бесхвостый голубь
Душою парит в небесах,
Серый бесхвостый голубь
Низко летит у земли.

3 января 1971

* * *

Есть слова на бумаге,
Их сумей прочитать.
Сколько нужно отваги,
Чтобы их начертать.

Сердцу милые строчки
Возникали в тиши,
Словно атомы — точки —
Расщепленной души.

Мастер, кончивший дело,
И рассеян и тих,
Удалился несмело,
Их оставил одних.

Эти черные знаки
На холодном снегу —
То ль пехота в атаке,
Что кричит на бегу,

Или вдов вереница
В те бесхлебные дни...
Но прислушайся — птица,
Ты ее не спугни.

19 января 1971

* * *

В часы душевного простоя,
Когда неведом даже страх,
Спасет занятие пустое —
Заметки делать на полях,

Былые исправлять страницы,
Холодным взглядом оценив...
Вот поздний ум к чему стремится.
Он мыслит — стало быть, и жив.

Но, занят стороною внешней,
Не упusti из виду суть.
Ведь не исправить жизни прежней,
Возможно лишь перечеркнуть.

14 февраля 1971

Библейский мотив

Торговля бойкая идет
Во храме.
Прошит людской водоворот
Ворами.

И побирушки у дверей
Убоги.
Не помнит гладкий фарисей
О боге.

Когда-то, истов, и устал,
И бледен,
Он столько долгих отстоял
Обеден.

Прозренье позднее пришло
Не даром
И душу медленным сожгло
Пожаром.

Кричит, волнуется базар,
Тревожит.
И каждый хвалит свой товар,
Как может.

Итак, да здравствует живот
И глотка!
Походкой знойною зовет
Красотка.

Туда, где бьет вино струей
И песни.
И скрыты признаки дурной
Болезни.

Где кланчат деньги за любовь
И прячут,
Где продаются вновь и вновь
И плачут.

От слез горючих отупев,
От боли,
Считают: мир — лишь грязный хлев,
Не боле.

Всемирный царствует живот
Над нами.
Торговля бойкая идет
Во храме.

1 марта 1971

Март

Снег мартовский напоминает мне
Цветы картофеля. Сравнение не точно,
Поскольку фиолетовые пятна –
Следы неумолимого распада
Большого тела белого зимы.
Набухли реки чернотой венозной,
Пропитан воздух прелью сладковатой,
И о покойнице не говорят.
Но всё ж цветы возникли не случайно:
Припомнилась картошка, что в войну
Сажал я на бесплодном огороде.
Она к весне пожухла в темноте,
Пропахла тленом и сырым подпольем
И фиолетовой была на срезе.
Какая суть – такие и цветы.
...Но люди очень любят перемены.
Вчера – снежки, сегодня – блеск весенний.
Без этого бы жизнь была скучна.
А жизнь к разнообразию не склонна.
И плавностью способна убаюкать,
Да так, что не проснешься никогда.
Работа, дом, меж ними путь знакомый, –
Ну кто же я? Все тот же крепостной,
Привязанный к своим бумагам пыльным,
Как Гулливер, миллионом тонких нитей...
Блажен, кто любит собирать грибы,
Как это медицинские светила
Рекомендуют в качестве разрядки.
Представьте: вы за городом в лесу
Шагаете и дышите научно,
Осознавая отдых в полной мере,
А на один квадратный километр
Есть три поганки и один опенок.
...Людской поток меня увлек в метро,
Всосал разверстый темноватый ра́струб,
И я частицей, атомом в процесс
Включился, что разложен по секундам.
Кольцо большое – синхрофазотрон,
Он разгоняет малые частицы
И сталкивает. Постепенно я

Свыкаюсь с этим — ехать, в общем, можно.
Художница напротив. Плоский ящик
Измазан краской. Неподвижен взгляд.
Наряд причудлив. Юное лицо
В веснушках, как кукушкино яйцо,
Они его, по-моему, не портят.
Потом я понял: взгляд сосредоточен,
Куда-то внутрь направлен, оттого
Безжизненным сначала показался.
Я на нее глядел во все глаза.
Я даже кепку новую поправил.
Ну посмотри же на мои черты!
В них что-то есть. Пусть пополнел немного,
Но уважающий себя мужчина,
Мне кажется, и должен быть таким.
А серые глаза! — печаль и ум
Ты в них заметишь, и миров мерцанье,
И многое, что после объясню.
Но не глядит она. Наверно, видит
Какой-нибудь красивый натюрморт,
На скатерти разложенные фрукты.
Возникло отражение в стекле —
Мужик, довольно плотный с виду, смотрит
Все время на меня. Чего он смотрит?
Я оглянулся — нету мужика.
...Как будто сок глубин подземных, вверх
Я потянулся вдоль ствола наклонно,
Вдали виднелось бледное пятно.
Оно росло. Еще через минуту
Я выплеснут на площадь при вокзале,
Где шелестит стоустая толпа.
Куда-то шел. На лавочке сидел.
Подслушал разговор старушек чинных
Про то, как подготовились они
В последний путь. — «Я, значит, чепец
Себе сошила и в оборках блузку,
Чтобы в оборках были все грудя». —
Другая желтой ручкой замахала:
«Оборки нынче, милая, не носят».
Вдруг чей-то взгляд я на себе почувал.
Передо мною женщина стояла
С чертами увядавшей красоты.

Был взгляд ее красноречивей слов.
Он жег меня. Не то что та девчонка-
Художница, в одну уставясь точку,
Прошла и пестрый ящик унесла.
У этой опыт, прожитая жизнь.
Ошибки учат лучше наставлений.
Но поздно, слишком поздно вы пришли!
Хотя бы раньше лет на двадцать пять.
Но в той дали мальчишка голенастый
С прозрачными и серыми глазами,
С цыплячьей грудью, вечно есть хотел.
Нет, это рановато... Слышу голос:
«Скажите, где вы брали этот галстук?
Мой внук давно мечтает о таком».
Я отвечал, что галстуки мои
Мне присланы на днях из Эквадора
Наложным платежом, платил в пиастрах.
Стал жаловаться ей на то, как трудно
Достать пиастры. Тут она ушла,
Ногами в ботах воду загребая.

31 марта 1971

* * *

Раскричалась пустельга —
Серенький комочек перьев —
В даль, где тянутся стога,
Круглый глаз прозрачный вперив.

На рассвете стог плывет
Средь волнистого тумана,
Дом — не дом, и плот — не плот.
Крик тревожен. Зябко. Рано.

Занимается заря.
Вдруг в полнеба полыхнула.
Ты кричала, птица, зря.
Только душу всколыхнула.

19 апреля 1971

Собачья площадка

На площадке на Собачьей
Перед пыльным чахлым сквером
Особняк старинный с башней
Возникал на фоне сером.

Островерхий этот замок
Был пристанищем Музфонда,
Зная неизвестных самых
Авторов сюит и рондо.

Шли они сюда за ссудой.
Дым струился над котельной.
На углу — ларек с посудой
Рядом с лавкой москательной.

Нет в помине тех построек.
Нынче здесь горят витрины.
Только дух бывшего стоек,
Точно запах керосинный.

Вспоминаю: жили-были,
Прочным все вокруг казалось.
Композиторы в могиле,
Музыка одна осталась.

24 апреля 1971

* * *

Всё суше и жестче слова,
Всё больше склоняюсь к дидактике,
Хоть сухость по сути слаба
И мало что может на практике.

Но ведь, говорят, и Толстой
Писал для всеобщего чтения
С неслыханною простотой
Короткие нравоучения.

...Завянут цветы средь полян,
И роща затихнет безлистая.
Останется горстка семян,
Такая на вид неказистая.

В ней жизни сокрыты черты,
Описаны формулой точною.
Но всё ж как прекрасны цветы
Своей красотой непрочною.

19 мая 1971

* * *

Я чувствую себя горой
Железисто-магнитной,
Покрытой каменной корой —
Базальтовой, гранитной.

Мне скулы жесткие свело,
И складчатые щеки
Навек утратили тепло.
К чему ж твои упреки?

Ведь сон мой каменный глубок,
Пошевелиться больно.
И только слабый огонек
Мигает в дальней штольне.

20 июля 1971

Археолог

Исследователь в шортах,
Копаясь у реки,
Нашел десяток стертых
Монет и черепки.

Дрожащими руками
Он их перебирал,
Любуясь черепками,
Пылинки с них сдувал.

Он гладил древний профиль,
Его фланелькой тер.
А рядом цвел картофель,
И бык глядел в упор.

Виднелся элеватор
На десять тысяч тонн,
Где римский император
Оставил гарнизон.

Судьбою полководца
Историк наш болел,
И спал он где придется,
И что придется ел.

Вставал он спозаранок,
Копал весь день подряд.
Но пожилых крестьянок
Смущал его наряд.

— По возрасту солидный,
А все же без порток,
По всем приметам видно,
Рыл землю, да не впрок.

Вот если бы на ферме
Работал он с весны,
То к осени б наверно
Купил себе штаны.

Пусть мухи не обидит,
Да прожил век шутя,
Ведь черепок увидит —
Смеется, как дитя.

26 июля 1971

Пустыня

Навязчивое постоянство,
Точней — недостаток примет.
Осталось одно лишь пространство,
А времени — вроде бы нет.

Как будто не знают предела
Изрытые оспой пески.
В них есть ощущение пробела,
Разрыва и мертвой тоски.

Забвенья ничто не разрушит.
Воронкой вздымаясь до звезд,
Лишь ветер клубится и кружит,
Себя ухвативши за хвост.

Лето 1971

* * *

Тащит Август корзины плодов.
Пóтом залиты круглые щеки.
В парне добрый десяток пудов,
В нем пульсируют мощные токи.

И рубаха разлезлась по швам,
От дождей и от солнца слиняла.
Треплет мальчика по волосам
Он ручищею короткопалой.

Посмотрите, как эта гора,
Рычагами согнув свои руки,
С наслаждением пьет из ведра,
Ртутью льются за пазуху струйки.

Прочь пошел, отдышавшись едва.
Долго видно широкую спину,
Оттого что с деревьев листва
Облетела уж наполовину.

Август 1971

Антонов и Клеопатра

Вот и настали холода,
Теперь они приходят поздно,
И снег колючий, как слюда,
Посверкивает ночью звездной.
И — все как будто на виду —
По небу движутся светила,
Центростремительная сила
Их держит, как на поводу.
Вселенной механизм отлажен,
Так это мыслится уму,
И он в зияющую тьму
Глядит, настойчив и отважен.
Познания радость нам дана.
И наша малая планета
Средь звездного кордебалета
Кому-то, может быть, видна.

*

Дымился ароматный чай.
Свет мягко лился из плафонов.
«А ведь женился невзначай», —
Подумал про себя Антонов.
Он менестрель был и поэт,
И даже где-то напечатан,
Но труд его последних лет
Еще остался непочатым.
— О чувстве трепетном своем
Писать — нелегкая задача, —
Сказал он, разливая ром
По рюмкам, с тещею судача. —
А спрос у публики растет
На этот вид произведений.
Ведь как-никак запретный плод...
И волны новых поколений
Желают непременно знать,
Как э т о у других бывает,
И правда ль, чувство убивает
Рассудок? Или врут опять.
Иль в отношениях теперь

Господствует другая мода:
Пароль — стучись в любую дверь,
Девиз — да здравствует свобода! —
И, непрозрачно дав понять,
Как тяжело быть стихотворцем,
Глядел орлом ученый зять
Слегка с насмешкою и форсом.
Он продолжал, впадая в раж:
— Должна в стихах такого рода
Всегда присутствовать природа,
А если коротко — пейзаж.
Ревела буря! Гром гремел!
Во мраке молнии блистали!
Я сердце вам открыть хотел,
Но слушать вы меня не стали...
Да разве мыслимо страдать
В каком-нибудь там Люксембурге,
На пяточке, где даже в жмурки
Простора нету поиграть.
А как способствует разлука
Длиною в целый материк!
Палатка. Двигается ледник,
И от любимой нет ни звука.
Домой вернешься, а жена
Стирает. Встречи ваши часты.
Притом в понятиях контрасты,
Тут нежность грустная нужна.
Пересчитавши все морщины,
Увидев старенький халат,
Пойми, что ты всему причина
И, значит, очень виноват.
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде,
А ты несешь ей гладиолус,
Улыбку спрятав в бороде.—
На фоне фикусовой рощи,
Где старый кенарь в клетке спит,
Приземистой довольно тещи
Монументален внешний вид.
Усатой свесясь головой,
Клевала носом Клеопатра
Ивановна, как ложа театра,

Одета в бархат голубой.
То ром, что был за чаем выпит,
По жилам разлился сейчас.
Ром поставляет нам Египет.
На этикетке сфинкс.
Анфас.
Сидела в уголке жена,
Служившая экономистом,
Что перезревшим сердцем чистым
Была в супруга влюблена.
Ей льстило, что супруг — поэт
И мысли стройно излагает,
Когда коллег своих ругает,
Чьи книги выходили в свет.
Она бледна и высока
И, цельной будучи натурой,
Была законченною дурой,
Но, к счастью, тихою пока.
Она взовьется в свой черед,
Когда узнает, что Антонов
Моральных не блюдет законов,
В бараний рог его согнет.
Оставим их в преддверье бед,
Покуда не назрела драма,
И шестьдесят шестой сонет
Шекспира перечтем Вильяма.

*

Кружатся легкие созвездья.
В декабрьской стынувшей ночи
Все перекрещены лучи —
На языке чужом известья.
Не зверь, что от рожденья темен,
Но человек глядел во тьму
И осознал, что мир огромен,
И страшно сделалось ему.
Он с одинокой слез скалы
И в мир пошел, ища участия,
Ища любви. Ведь это счастье,
Когда глаза твои теплы.

9–11 декабря 1971

* * *

Должно быть, мало витаминов,
Весенний на душе разброд.
Дела обычные закинув,
По талым водам чуть не вброд
Сперва прошествую по Бронной
И выйду на бульвар Тверской,
Вступлю под свод серо-зеленый,
Вдохну горчащий дух сырой.
Пройду Никитские ворота,
Где Тимирязев водружен.
Он в ночь воздушного налета
Волной взрывною был сражен.
Почую запах свежих булок
Из магазина за углом.
Сверну в Столовый переулок,
Увижу старый серый дом –
Щиты и копы на фасаде
И морды греческих коней.
И вспомню школьные тетради
И радости голодных дней.

12 декабря 1971

* * *

Цветок что багряная рваная рана
От пули.
Без тела, сама по себе — это странно.
Смекнули?

Лишь тянется тоненький членистый стебель
К бутону.
На листиках ворс синеватый, как пепел,
По тону.

Цветок с понимающей срезал ухмылкой
Садовник.
По улице шумной пронес его пылкий
Любовник.

И путь молчаливый, короткий обидно,
Закончен.
Но вы опечалены этим, как видно,
Не очень.

20 февраля 1972

* * *

Предчувствую, что нечто
Со мной произойдет.
Так в марте чует речка
Нескорый ледоход.

Пока не видно знаков
Грядущих перемен,
Все так же одинаков
Недель бесцветных плен.

Но зародилось чувство,
И верю я ему.
Сегодня мне не пусто
На свете одному.

Сидит на ветке талой
И смотрит веселей
Какой-то захудалый
Бесхвостый воробей.

Он тоже чует праздник,
Весенний дальний гул.
Как верный соучастник,
Ему я подмигнул.

24 февраля 1972

Три стихотворения

I. Опекун

Обильной трапезой пропах,
В глазах — белесый хмель,—
Вошел — и прямо в сапогах
На тяткину постель.

И вот лежит он развалясь
(А сапоги в грязи),
Где почивал великий князь
И царь всяя Руси.

Боярин отдыхал от дел,
И, спрятавшись за ларь,
Волчонком на него глядел
Великий государь.

Зубрил псалтырь и часослов,
А после, обряжен,
Шел отрок принимать послов,
В раздумье погружен.

II. Под утро

После пьянки долгой и серьезной
(Он купцов ганзейских привечал)
Царь Иван Васильев, он же Грозный,
Поглядел в окно и заскучал.

Оттого ль, что только развиднелось,
Свет тревожный падал на снега,
Только вдруг Ивану захотелось
Бросить все, удариться в бега.

Чтобы степь да санная дорога
Увели его куда невесть;
И не потому, что верил в бога,—
Озираясь, помнил: черти есть.

Но ему представился приятным
Земледе́льца повседневный труд...
Как же, убежишь! Вернут обратно,
Как собаку подлую прибьют.

Что прибьют! Придумают похлеще:
Глотку жидким оловом зальют,
Раскалят на красных углях клещи,
Шкуру сымут, чучело набьют.

И бледнел Иван в лучах рассвета,
Звал Малюту, в подземелье шел,
Чтоб теперь воочью видеть это —
Дыбу и в багровых пятнах пол.

III. Александровская слобода

Метла, собачья голова —
Царевы слуги.
Им предоставлены права
По всей округе.

Один закон — царев указ.
Дрожат посадки.
Кому пришел последний час,
Не жди пощады.

За бороденку волокут,
Башкой об землю.
Поспешно совершают суд,
Мольбам не внемля.

Будь то боярин в соболях
Великородный
Иль соглядатай тайный — лях,
Купец свободный.

Потом, вернувшись в монастырь
И чтя законы,
Читают набожно псалтырь
И бьют поклоны.

Им настоятель — царь Иван —
Воздаст по чести.
Вином церковным будет пьян
Он с ними вместе.

1965, 1972

* * *

Монах-доминиканец,
Не помутясь в уме,
Среди воров и пьяниц
Полжизни был в тюрьме.

Злодей, дитя порока —
Вновь на свободе, чист.
А он сидел без срока,
Философ-утопист.

Копейки не укравший,
Он хуже, чем злодей,—
Ученый муж, мечтавший
О равенстве людей.

Он, рассуждая строго,
Пришел к тому не вдруг:
Скульптурный образ бога —
Природа, что вокруг.

У тусклого оконца
Он коротал свой век.
Писал про город Солнца
Великий человек.

20 марта 1972

Из неизвестного автора XVIII века

I

Нет каторжной заботы,
Чем сочинять стихи.
Оно как бы проклятье
За прошлые грехи.

Где заблужденья юные —
Как пенное вино?
К ноге ядро чугунное
Приковано давно.

II

Дорога пыльная моя
Ведет в каменоломню.
С такою жизнью свыкся я,
Другого я не помню.

И слава богу. Но когда
Во сне своем тяжело
Я смутно вижу города
В мелькании веселом,

Мне беспокойно. И всю ночь
Верчусь я с боку на бок.
Зачем я здесь? Виденья прочь.
Я сплю на гряде тряпок.

А утром я пылю опять
В обычном направленьи,
Стараясь не припоминать
Неясные виденья.

1971, 1972

* * *

Лежу на солнце, не щажу
Свою изнеженную спину,
Как будто море сторожу,
Обуглившись наполовину.

В воде медуз осклизлых сгустки —
Как плохо сваренный кисель,
И, аскетичный по-индусски,
Вадим Черняк спешит на мель.

С отвесных скал свисает зелень,
Как шерсть, покрывшая хребет.
Жизнь торжествует средь расселин,
Незанятого места нет.

А то, что кажется безлюдным,
Верней — безжизненным, поверь,
Живет подпольно и подспудно,
Как створки закрывая дверь.

Ново-Михайловка. Июль 1972

* * *

Любите свой очаг.
Жену свою любите —
С улыбкою в очах,
Крикливую — в обиде.

Когда царит она
Средь лука и укропа
Иль, пробудясь от сна,
Покажется растрепой.

Ты просто близкий друг
Трагической актрисы,
Ввиду былых заслуг
Допущен за кулисы.

А коль тепло свое
Нести ты призван людям,
То начинай с нее,
Хоть этот шаг и труден.

26 августа 1972

* * *

Водораздел. Гряда.
Лугов альпийских пятна.
Ты долго шел сюда.
Теперь пора обратно.

На миг остановись.
Присядь на серый камень.
Окинь глазами высь.
Закрой лицо руками.

...Под голубой звездой
Протяжно степь лежала.
Лишь птица козодой
Отрывисто кричала.

И этот птичий крик,
Что в темноте раздался,
Тогда в тебя проник,
С тех пор в тебе остался.

А столь неблизкий путь,
Ночлег и запах дыма —
Распалось все, как ртуть,
И несоединимо.

Сентябрь 1972

* * *

Груба поверхность фрески и неровна
И кажется от этого живей.
Лицо пророка тонко и бескровно,
Округлы арки легкие бровей.

Пурпурным складкам не хватает плоти,
Одежды как на вешалке висят.
Но в вас, когда вы станете напротив,
Из ниши бьет неукротимый взгляд.

1972

* * *

В. Эглицу

Этот долг я оттягивал сколько возможно,
Только, хочешь не хочешь — плати.
И слова сквозь кордоны, минуя таможни,
Контрабандные ищут пути.
Голос разума шепчет тягуче и нудно:
— Ну зачем тебя тени зовут?
По статистике люди гибнут ежесекундно,
Миллиарды, однако, живут.
Людам радость нужна, словно хлеб или воздух,
Ну хотя бы голодный паек.
В нашем деле печатном
Оптимизм — это остов,
От печали какой будет прок? —
Только это не прихоть меланхолии черной.
Просвещенному слава уму!
Но рыдает статистик,
Как мужик неученый,
Когда смерть в дом приходит к нему.
Как железа земля непогожего марта —
Без прогрева лопата нейдет.
Что ж он плачет,
Не вспомнит про свои миллиарды,
Утешения в них не найдет?
Вот такие дела, академик, статистик.
Ты припомни родных и друзей,
Именами заполнишь лишь маленький листик —
Вот народ на планете твоей.
Миллиарды бесплотны на ощупь, безлики,
Осязаемы только умом.
Ум любви не научит. Расплываются блики
Пред глазами в пространстве пустом.

1972

* * *

Всё постепенно стало проще
И в жизни, и в судьбе твоей.
Так в октябре пустеют рощи,
Открыв геометризм ветвей.

Освещены неярким солнцем
Равнины голые окрест.
Пустынный храм глядит оконцем,
Как перст, подьемля черный крест.

Вдруг оттепель! Набухли почки,
Вороний грай над головой...
И снова ты сидишь на бочке,
Да не простой – пороховой.

Младенец, розов и упитан,
Цветочную вздымает пыль,
И бес с раздвоенным копытом
Сует услужливо фитиль.

18–19 ноября 1972

Стихи, не имеющие ничего общего с реальностью

1

Иногда я себе кажусь
Индийским божеством,
Таким огромным,
Что одновременно не могу увидеть
Всех частей своего тела,
Несмотря на то что у меня триста глаз.
Каменные пятки
Нежатся в океане,
А голова облаками скрыта,
Подобно Эвересту.
На губах моих,
Что размером с центральную площадь
В большом городе,
Играет безмятежная улыбка.
Глаза мои расположены
В самых различных местах:
Один, например, на месте пупа,
А другой на мизинце ноги.
Клубящийся смерч
Для меня – всего завиток,
Различимый еле,
Движущийся не без изящества.
Чем занят я? Наверное, думаю –
Было ли начало и будет ли конец света.
Пару тысячелетий
Бьюсь я над этим вопросом,
Но не решил его определенно.
Впрочем, это понятно,
Ведь индийские божества –
Довольно темный народ,
Не охваченный всеобщим образованием.
Когда, зажатый со всех сторон,
Я еду в автобусе
И мне наступают на ногу,
Мне хочется крикнуть:
– Мой глаз! –
Но я сдерживаюсь, чтобы не выглядеть смешным.

Однажды я разговаривал со звездами.
Я знаю восемьдесят семь
Звездных языков.
Для индийского божества это не много и не мало,
Как говорится – средний уровень.
Все звездные языки
Построены по принципу азбуки Морзе.
В этом легко убедиться ясной летней ночью,
Глядя на небо.
Вам будет казаться, что звезды дрожат,
Мерцают, подмигивают.
Среди людей распространено ошибочное мнение,
Что звезды – раскаленные огненные шары.
Это не так.
Они светятся фосфорически,
Как светляки на болоте.
Одна звезда, живущая очень далеко,
По соседству с Крабовидной туманностью,
Сетовала, что галактики разлетаются неизвестно куда,
Что мир становится все более разъединен,
Даже поговорить не с кем,
Каждый долдонит свое,
А другого слушать не хочет.
Звезды независимы,
Они не знают родственных связей,
Как, впрочем, и других.
Рождаются они из простейших элементов материи
При особом стечении обстоятельств.
Случается это нечасто,
Но времени предостаточно.
(Припомним, как на Земле
В теплом рассоле океана зародилась жизнь.)
Я хотел ответить собеседнице,
Что одиночество – удел звезд и царей.
Да и у нас, индийских богов, дела обстоят не лучше.
Люди еще цепляются друг за друга
По необходимости.
Но я промолчал. Зачем огорчать звезду?

Обычное мое состояние — неподвижность,
То, что люди малообразованные
Называют ленью.
Когда я начинаю двигаться,
На земле случаются катастрофы:
На месте морей возникают горы
И материка ломаются, как глиняные плошки.
Француз Кювье правдоподобно описал эти явления,
Хотя и не понял их причины.
Как-то сквозь дремоту
Я почувствовал легкое щекотание
В левом боку.
Приоткрыв несколько глаз,
Я увидел, что люди ищут полезные ископаемые.
Интересно, какие?
Меня умилила конструкция буровой вышки.
С этим чувством я опять задремал.
Во сне я вздрогнул,
А может быть, почесался...
Землетрясение уничтожило семь городов,
Не считая мелких селений на побережье,
Которые океан слизнул, словно пенку.
Я жалел, что так получилось.
Но скоро люди построили новые города, больше прежних,
И сами их разрушили.
Тогда я подумал:
Жалеют ли кого-нибудь люди?

22 – 24 ноября 1972

* * *

Холодом дохнул декабрь.
Пар подобен дыму,
И земли большой корабль
Двигается в зиму.

Солнца вроде бы и нет,
Только еле брезжит
Над полями тихий свет
И глаза не режет.

В окнах изморози вязь
В летописном стиле,
Словно, в льдинки превратясь,
Звуки все застыли.

4 декабря 1972

* * *

Думал я о тебе, о себе.
Думал я о судьбе,
Назови ее рок или случай.
Нету сна, и в глухой тишине
Звон какой-то во мне,
Ты подвинься, послушай.
То небесные сферы звенят.
Случай кости старинные мечет.
Что там — чёт или нечет?
А вокруг хоровод чертенят.
Вот погнались за мной,
На Миусах залезли в троллейбус.
Неба звездная тайнопись, ребус
Над практически плоской землей.

10 декабря 1972

* * *

Менялись краски дня,
И эти измененья
Тревожили меня.
То радость, то смятенье

Они несли с собой:
Вот облачко, багрово,
На глади голубой
Уже пропасть готово

За дальнюю грядку,
Что возвышалась хмуро.
Менялась на виду
Небес архитектура.

Тревожно в тишине,
Опоры нет в рассудке,
Как будто кто на мне
Играет, как на дудке.

16 декабря 1972

Воспоминание о Летнем саде

Ты раннюю помнишь побудку—
Серебряный звонкий свисток,
Когда ты срывался, как будто
Все тело пронизывал ток?

С отлаженностью механизма
Доспехи свои надевал.
А в стрельчатость окон, как в призму,
Рассвет петроградский втекал.

Бежала девятая рота
По стертým торцам мостовой.
Вот—век, что читал Дидерота
(Когда-то прочтем мы с тобой?).

И каллиграфичность ограды
Слегка суховата, за ней
Осеннего Летнего сада
Разрежены купы аллей.

Мелодия старых курантов,
И неба молочная синь,
И строй полуголых курсантов
Среди обнаженных богинь.

28 декабря 1972

* * *

Дремотой окутан,
Сняв пыльный парик,
Под яблоней Ньютон
Природу постиг.

Закон тяготенья
Открылся ему.
На миг провиденье
Рассеяло тьму.

Исписан пергамент,
И, Англии пэр,
Он едет в парламент
Тогда, например.

В разгаре дебаты!
Криклив и высок
Тот хор, что фрегаты
Послал на Восток.

— Ведь в той части света
Алмазов не счесть,
И прибыльней это,
Чем овцы да шерсть!..

Сидит отрешенно
Ученейший лорд
Среди искаженных
От алчности морд.

И дремлет он снова,
Безмолвен давно.
Однажды взял слово:
— Закройте окно.

7 января 1973

* * *

Мороз крещенский лютовал.
Трещали по ночам обои.
Над крышей диск луны сиял
Физиономией рябою.

Воспринималась трескотня
В неясном и тревожном свете,
Как будто ты попался в сети
И сумрак комнат — западня.

Сочился холод сквозь окно,
И штора двигалась несмело...
Ну что же, я готов давно
К такому обороту дела.

Кончайте! Только поскорей.
Ну что вы топчетесь в передней?
Но вот из комнаты соседней
Раздался смех и скрип дверей.

И тени в перепонках крыл,
Живущие в зловещих башнях,
Отпрянули, их словно смыл
Негромкий разговор домашних.

20 января 1973

* * *

Январь нам возместил сполна
Дожди чеканною монетой.
Его мохнатая спина
Бенгальским вспыхивает светом.

Предшественников отчитал,
Что в меланхолии раскисли.
Опустошил речной причал
В прямом и переносном смысле.

Собой довольный, задымил
Из труб, имевшихся в наличье,
И этим куревом затмил
Небес поблекшее величье.

*

Я слышал, что один поэт
Второе пережил рождение,
Когда с просторов Кобулет
Стихии наблюдал движенье.

Не предпочесть ли новизну
Оседлости, пустившей корни?
Уйти в казахскую весну,
Вдохнуть урочищ воздух горный?

Пускай подстерегает риск,
Его ли испытать не лестно?
Пространство, словно василиск,
Влечет и леденит совместно.

Но я проблему упростил,
Привел ее к наглядной схеме.
Когда бы взять ее распил
С прожилками, кругами всеми,

Тогда б я понял, что простор
Не прячет под полой гостинец,
Что он таит перронов сор
И серый неуют гостиниц.

Подслушав быстрый говорок
Старухи с животом отвислым,
Тогда б узнал я, что пророк
Был за бродяжничество выслан.

*

Окно. Кирпичная стена.
На ней лежат косые тени.
Январь нам выплатил сполна
За всё, и холод свел колени.

Дыханье мерзнет на лету.
Горят мельчайшие кристаллы.
И к белоснежному листу
Следов каракули пристали.

Опять затихла до весны
С ее овражною зевотой
Борьба глухая новизны
С привязанностью и заботой.

23 января 1973

* * *

Вдоль Обводного канала
В тусклом свете фонарей
Ты со мной тогда гуляла
В шляпке фетровой своей.

На груди цветок увядший
Так беспомощно белел.
Это видел встречный каждый,
Я увидеть не умел.

Мне б тебя до подворотни
До ближайшей довести...
Что ты вспомнилась сегодня?
Коли можешь, так прости.

~1973

* * *

Обмелели Оленьи пруды.
Деревянная крепь обнажилась.
Втуне чьи-то бывлые труды
И заботы. Но что приключилось?

Там, где розовый бился карась,
Где серебряный карп кувыркался,
Оседает лишь жидкая грязь
Да затвор на запруде остался.

Он ржавеет — железный затвор —
И глядится как чья-то причуда,
Потому что иссякнул напор
И вода — ни туда, ни оттуда.

Обмелели Оленьи пруды.
Хор лягушек горланит бесстыже.
Только свет отдаленной звезды,
Как в воде, отражается в жиже.

12 мая 1973

* * *

Этот сон зеленый неужели
Вдруг пройдет, как все проходят сны?
Станут углем сумрачные ели,
Янтарем — тягучий сок сосны.

Да и мы с железками своими
Образуем отложений слой
Вроде тех, что нынче носят имя —
Каменноугольный, меловой...

Небеса над толщею слоеной
Будут в звездах, словно решето,
А меж ними — дух неугомонный,
Воплотиться ищущий во что.

16 мая 1973

* * *

Век меняется бурно,
И все туже спираль.
Сантименты, котурны
Где-то в прошлом. А жаль.

Победили реальность
И расчет без затей
Милую театральность
Старомодных людей.

Их поклон куртуазный
Да и сами они
Выглядят несуразно
Средь людской толкотни.

И уходят неспешно
По дороге крутой,
Приседая потешно
И махая рукой.

22 мая 1973

* * *

Былые сомнения вздорны,
И вновь ты готов за порог,
Когда заиграют валторны
И с ними английский рожок.

Осеннего утра прохлада
Заставит поежиться вдруг.
Но ты отвечаешь бравадой
На женщин притворный испуг.

К стерне полосатой и плоской,
Глядящей в просторы небес,
Приклеен багряной полоской
Не дальний, но все-таки лес.

Хоть ты в сапогах и нескладен,
Достоинства столько в тебе!
Как будто уходишь не на день
И вызов бросаешь судьбе.

(1973) <1977>

День на Масленицу

Солнце выкатилось яро
В мир пушисто-голубой.
От дыханья клубы пара,
Дым над крышами трубой.

Эта славная погода,
Смех, и удаля, и блины
В духе нашего народа
И сердечной старины.

Ты стоишь, рукой махая,
На блистающей горе,
Жизнь как радость понимая
От участия в игре.

На закате, пламенея,
Лавой залит огневой,
Запад гибнет, как Помпея,
Миг — и он подернут мглой.

22 декабря 1973

О происхождении видов

— Сомненья заглуши,
Свой труд отдай на суд,—
Так думал он медлительно и праздно. —
Вместилище души,
Божественный сосуд —
Не более чем правнук протоплазмы.
Естественный отбор,
А прочее все вздор.
На крохотной песчинке мироздания
В определенный миг
Произошел тот сдвиг,
Что пробудил в растении сознание.
...Когда не божий гнев
И адских печек чад,
Что темные сдержать сумеет страсти?
Гляди, осатанев,
Двуногие кричат,
Готовые друг друга рвать на части.
В тавернах хлещут ром,
В ночлежках кормят блох
И кутаются в грязные лохмотья,
Но помнят ведь о том,
Что есть на небе бог,
И час пробьет, и дух простится с плотью.
Страшит их: «Азь воздам
И царствие мое
Придет... Отныне, присно и во веки...»
Железная узда!
А как же без нее? —
И он опять смежил устало веки.
Гербарии кругом.
Тих деревенский дом.
В окне свечи колеблемое пламя.
В полночной тишине
С собой наедине
Натуралист пред чистыми листьями.

18 марта 1974

* * *

Двадцатилетние гиганты
Стройны, спортивны, загорелы,
В широких клёшах и цветных рубахах.
Переросли родителей своих,
Корпящих в бухгалтериях, конторах
Иль перемазанных в мазуте.
Уже теперь вас большинство. А скоро
Средь вас затерянные старики
Аукаться начнут между собою,
Как в лесу.
Доверчиво глядите вы вперед,
И локоны до плеч колеблет ветер.
Добры, горды. Несправедливость кожей
Вы ощущаете. Готовы тут же
С ней в бой вступить. Вам помыслов высоких
Не занимать. О смутных идеалах
Вы можете беседовать всю ночь.
Мир молодеет. Захлестнет его
Волна двадцатилетних.
Пусть аналогия небезупречна,
Но так Европу захлестнули гунны.
Грядущий мир запальчивости юной,
Мир честности свирепой, чистоты,
Как будет не хватать тебе притворства,
Чтоб на земле порядок сохранить.

Июль 1974

* * *

Накатилась туча грозовая.
Бьет в глаза кинжальный пересверк.
И растенья, рыльца разевая,
Вздогнули и потянулись вверх.

Пыль прибита каплями литыми.
Запах очистительной грозы.
Дальние дома как будто в дыме,
А над ними — грохота возы.

Струи в окна, залит подоконник,
Толще пальца каждая струя.
Я гляжу, как идолопоклонник,
Трепет первобытный затая.

Скоротечен этот ливень шквальный.
Развиднелось над округой всей,
И возник пейзаж индустриальный,
Четкий в непреложности своей.

13 июля 1974

* * *

Свет в армянском селенье
Лишь забрезжил слегка —
Петушиное пенье,
Трубный глас ишака

И гортанные звуки
(Так, что стекла звенят)
Словно после разлуки:
— Анаид! Ареад!

А когда над селеньем
Диск горящий повис
И прощается с тенью
Голубой кипарис,

Лай не слышен собачий,
Псы бродячие спят.
Только воздух горячий
Сверлит сотня цикад.

Театрально-картинны
Сквозь колеблемый зной
Крепостные руины
На вершине крутой.

31 августа 1974

* * *

У илистой излуки
Лягушка перед сном
Выдавливала звуки
Резиновым нутром.

Как будто через силу,
С натугою, взхлеб.
От певческого пыли
У ней глаза на лоб!

О чем из тьмы болотной,
Пупырчат, полорот,
Уродец земноводный
Оповещал народ?

О сладострастной муке
И радости своей
Он квакал у излуки—
Болотный соловей.

27 октября 1974

* * *

Вышел в мокрые деревья,
Только кончилась гроза,
И гляжу без недоверья
Звездам в чистые глаза.

Свет сиреневый сочится.
И луны неровный круг.
Чувствую себя частицей
Мира сущего вокруг.

Не царем слепой природы,
Не творения венцом...
Кажется — стоял бы годы
С запрокинутым лицом.

1974

* * *

Где-то декабрь притаился
Белым медведем.
Слякотно. Сад обнажился,
Жалок и беден.

Липы навывлет продуты.
В эту погоду
И в магазине «Продукты»
Меньше народу.

Стекла в окне запотели
В росписи странной.
Птицы на юг улетели
В теплые страны.

Вот бы туда, где веранды
Или ротонды,
Греки, матросы, шаланды,
Члены Литфонда

(Те, что, взирая на пальмы,
Пишут попроще,
Как незабвенно печальны
Голые рощи).

Только лазурные страны,
Красок обилье —
Все это пахнет обманом,
Книжною пылью.

...Крестная мука все длилась.
Уксуса запах.
Медное солнце садилось
Тихо на запад.

Вечнозеленые лавры
Влагу забыли.
Крови удары! — в литавры
Будто бы били.

Тень от крестов удалялась
Нехотя, медля.
Стража и та измоталась
В шлемах пожарных.

5 и 14 декабря 1974

* * *

Стемнело быстро. Я затерт
В круженье снегопада.
Окошек светится кроссворд
На плоскости фасада.

Тепла домашнего оплот
Под снежною обузой.
Фонарь над улицей плывет
Сиреновой медузой.

Загадочен вечерний час.
В неверном зыбком свете
Я вижу, словно в первый раз,
Дома, деревья эти.

Их смысл темнее «черных дыр»,
Хоть внешне все знакомо.
Проникновенье в странный мир —
Прогулка возле дома.

31 декабря 1974

Еще одно воспоминание

Колеса, гусеницы, ноги
Взбивали глину на дороге,
Она вздыхала, пузырясь,
Была похожа на сметану.
Я шел впервые к котловану.
— Испачкался? Земля не грязь!

Все двигалось и скрежетало,
Куда-то что-то подымало,
Везло, тащило, волокно.
Настоян воздух на солярке,
Прожжен лучом электросварки,
И ветер — резкий, как стекло.

А в котловане били сваи
Под руководством тети Раи,
Кричавшей сипло в темноту.
Был голос у нее неслабый.
Звал кое-кто ее «клинбабой»
За слов и мыслей прямоту.

Так вот, гнилое было место —
Земля пружинила, как тесто,
Не лезли сваи, хоть умри!
Но шло строительство потоком,
Подчинено единым срокам.
Начальник дал еще дня три.

Что некогда давалось с кровью,
Сравню я с первой любовью...
А поглядеть со стороны:
Квартал рождался сам собою,
Тянулся в небо голубое,
Кораллом рос из глубины.

Январь 1975

* * *

Какой прекрасный день
В середине февраля!
Контрастна светотень.
Белым-бела земля.

И эта чистота,
И солнечные стрелы,
Конечно, неспроста,
Я утверждаю смело.

Я полон синевой
До головокруженья.
Сегодня праздник мой —
День твоего рожденья.

16 февраля 1975

* * *

Магистральная тема –
Грохочет состав
Неуклюжей поэмы
Из множества глав.

Знаки слева и справа...
И даль так ясна.
Впереди у состава
Дорога одна.

Громыхающий эпос,
Под тяжестью лет
Не утратил ли крепость
Твой жесткий хребет?

Груда ржавого лома
Бьльем порастет.
А над ним – невесомых
Стрекоз хоровод.

1975

* * *

Раб сомнения и осторожности —
За собой корабли не спалю.
Неиспользованные возможности,
Я вас больше других люблю.

Крик призывный и плач прощальный...
Мрак таежный набит зверьем.
Улыбающийся, печальный,
Я гуляю с фоторужьем.

Май 1975

Дирижабль

В синеве над моею страной,
Ждавшей хлеба и керосина,
Он летел, серебристый, большой,
К животу прижимая корзину.

Он парил нереальнее сна,
Каплей двигался по небосводу,
И тогда забывала страна
Про лишения свои и невзгоды.

Эта радость, по-детски чиста,
По домам не таилась укромно —
Сетью схвачена пустота,
Облако в авоське огромной!

Сколько задранных кверху голов,
Сколько глаз, блестящих от счастья!
Мастодонт тридцатых годов
Вымер начисто в одночасье...

Вспомнил радость далекого дня,
Ощувивши кожей дряблой:
Истекает жизнь из меня,
Словно гелий из дирижабля.

Май 1975

* * *

Я отрешиться не могу
В тот миг, когда соврать не смею,—
Извилины в моем мозгу—
Как будто сросшиеся змеи.

Когда настанет Страшный суд
И суть людская обнажится,
Кривые мысли поползут,
Как змеи из-под черепицы.

1975

* * *

Пишите, юные поэты,
Пока потребность в этом есть.
Письма достойные предметы
Едва ли можно перечесть.

Стихи естественны, как выдох,
Лишь вдохновение придет.
Вы не ищите бóльших выгод,
Чем то, что вам оно дает.

Но, юность, как ты скоротечна!
Понаторевши в ремесле,
Вы осознаете:
Беспечно
Жить очень трудно на земле.

Наступит горькое мгновенье,
Когда готовы закричать:
— Ну для чего мне вдохновенье,
Коль рукопись нельзя продать?..

Беспечно жить — удел немногих
(И это крест скорей, чем грех)
Блаженных странников, убогих.
Больших поэтов. Но не всех.

6 сентября 1975

* * *

По направленью к Феодосии
Ползет гора Хамелеон.
В скупой палитре крымской осени
Преобладает полутон.

Все реже встретишь обитателей
Вблизи береговой черты.
И только катера спасателей
Так жизнерадостно желты.

Коктебель. Октябрь 1975

* * *

Нет ничего у меня за душою.
Пуст.
Словно продрогший холодной зимою
Куст.

Веток, колеблемых ветром, стеклянный
Звон.
Переплетенье теней – точно странный
Сон.

Где же тепло твое, пусть предвечерний
Свет?
Или его на равнине безмерной
Нет...

12 октября 1975

* * *

Вулкана зúбчаты края,
Как крепостные стены.
Едва ль не сверстник бытия
Он солнечной системы.

Его слепая сила недр
Однажды пробудила,
И лава толщей в километр
Окрестности покрыла.

Ландшафт менялся на глазах,
Как складки мятой ткани,
А в задымленных небесах,
Светясь, висели камни.

И судорогой сведены
Граниты и базальты.
Гул исходил из глубины—
Глубокое контральто.

В громах и содроганье тел
Природа пребывала.
Ей прежний облик надоел,
Она его меняла.

...Вулкана старого нутро
Заполнено водою.
Вином торгуют и ситро
В палатках под горою.

Коль над горою облака,
Вам скажут старожилы,
Что будет дождь наверняка.
Да так оно и было.

Декабрь 1975

* * *

Не кажется ль, что нам пора домой?
В лесную глушь, к полянам медоносным,
Кустам кудрявым, сочным травам росным
Из царства, нареченного Зимой.

Чтоб раствориться в теплой тишине,
Пронизанной жужжаньем терпеливым,
Почувствовать себя почти счастливым
Во сне или, вернее, в полусне.

Утратив плоть и облик потеряв,
Глазами стать торжественной природы
И, за мгновенья почитая годы,
Следить за неподвижным ростом трав.

25 февраля 1976

* * *

Дни, что зайцы, — врассыпную.
Месяц волком пробежал.
Зимней ночью ждал весну я.
Ждал, да, видно, переждал.

Оттого и небо низко,
Словно царь небесных сил
Алюминиевой миской
Мокрый город наш накрыл.

Оттого-то неуклюже
С островка на островок
Миновать пытаюсь лужи
Парю промокших ног.

Наш проулок вдоль забора —
Что овечий водопой.
Где же образ юной Флоры,
Что привиделся зимой?

Светлый образ Боттичелли...
Флорентинец врать мастак —
Или, может, в самом деле
Все в Италии не так.

Дни, что зайцы, — врассыпную.
Месяц волком пробежал.
Слишком долго ждал весну я.
Ждал, да, видно, переждал.

28 марта 1976

* * *

Таврические звезды низко.
Разбилась млечная струя.
В душистой пене тамариска
Раздался голос соловья.

И прочие замолкли птахи,
Что раньше напрягали грудь,
Как будто пребывая в страхе,
Чтобы солиста не спугнуть.

Колена взял как подобает...
Что это? Песня или стон?
Ведь он от страсти погибает,
Но как при этом изощрен.

1976

* * *

Над Святою горою курится туман.
Море камни на берег выносит.
Пробный вылет свершил журавлей караван,
Скоро милую родину бросит.

Ну чего он найдет там — средь выжженных скал
И палящего мертвого зноя?
В тростниках крокодил затаился.

Шакал

Тихо плачет порою ночью.

На могильнике древнем на белых костях
Гриф застыл в ожиданье добычи.
Но ровнее построился птичий косяк
И курлычет, курлычет, курлычет.

Птицам надо лететь. Приближенье зимы
Гонит их. Велики расстоянья...
Что пернатые нам? Только чувствуем мы
В сердце нашем печаль расставанья.

Караван улетает. Прощай, караван!
Розовеет в лучах оперенье.
Коли надо лететь, так поверьте в обман
Про свободную волю паренья.

1976

* * *

Прелесть пустынного парка.
Лишь одинокий старик
Листьями палыми шаркал,
Прутья кустарника стриг.

Да изнывая без дела
Или преследуя цель —
Чтобы не заржавела, —
Некто крутил карусель...

19 октября 1976

* * *

На глаз искривлена
Земля. Краюхой хлеба
В огонь закатный неба
Врезается она.

Трудами полня дни,
Ты все же на досуге
В блаженстве и испуге
На небеса взгляни.

И сопряги в себе
Вселенной ипостаси,
Как музыкант в экстазе
Трубу и звук в трубе.

Как в лучезарный день
Сопряжена с предметом,
Простым весьма при этом,
Причудливая тень.

Декабрь 1976

* * *

За февралем, как за холмом,
Долины вешние.
Еще не говорят о том
Приметы внешние.

Еще укутана страна
Колючей вьюгою.
Она гудела дотемна
Морозной фугою.

Пока не говорят о том
Приметы внешние,
Что скоро тронутся гуртом
Сугробы снежные.

Еще ощерилась зима
Клыками, бивнями.
Но оседают терема,
Их смоем ливнями.

Над крышей грянет первый гром
И над скворешнею.
Пусть еще молчат о том
Приметы внешние.

10 января 1977

* * *

Полярный круг железным обручем
Макушку глобуса сдавил.
Здесь ночью небосвод безоблачен,
Увешан гроздьями светил.

А на исходе, на прощание
(Я видел раннею весной),
Переливается сияние
Муаровой голубизной.

Придумать можно ли нелепее? —
Почти полгода длится ночь.
На звездное великолепие
Уж никому глядеть невмочь.

Напяливши бушлаты ватные,
На вымерзшем краю земли
Под ветра пение надсадное
Мы на работу молча шли.

Пускай отнюдь не магистральную,
То через топь, то через падь
Я строил здесь дорогу дальнюю,
Которой воротился вспять.

И опыт мой геодезический,
Хоть он и был в то время мал,
Но все же на глазах практически
Здесь очертанья принимал.

Вдоль берега дугою плавною
Легли стальные колеи.
Казалось мне, я понял главное
В те годы юные мои.

Залива воды стекловидные
Буксиры вспарывали, и
За ними корабли солидные
Тела могучие влекли.

Январь 1977

* * *

...Теперь стихом свободным расскажу,
Какой конфуз со мною приключился.
В то утро я отметки проверял
На железнодорожном полотне.
Глядел в трубу почти как Лаперуз
И цифры заносил в тетрадку,
Производя нехитрые расчеты.
А нерадивый парень, тот, что рейку
Держал, все время норовил отлынить,
Залезть в расселину, чтоб там
Спокойно полежать на солнцепеке.
Мы препирались с ним на языке,
Далеком от литературного.
Я был разгорячен и не заметил,
Как со своей блистательною свитой
Чиновников различных степеней,
Прорабов и начальников участков
Возник внезапно главный инженер
Всего, что возводилось в этом крае.
Его существование для меня
Не более реальным было,
Чем жизнь мифического персонажа.
О нем все знали больше понаслышке.
Легенды о его суровом нраве
По Северу за ним перемещались
И, может, даже впереди него.
И наконец его увидел я,
Остолбенел и голос потерял.
Мифический герой был ростом мал,
Скорей плюгав, и только взгляд печальный
Свинцовой тяжестью ложился.
Без вводных слов он вдруг спросил меня,
Как правильность проверить нивелира.
А я стоял как вкопанный, молчал...
Секунды зрели, как плоды в саду.
Они как будто соком наливались
Пред тем, как в вечность оборваться...
Начальник мой, что в свите находился,
Надулся и пыхтел, вращал глазами,
Стараясь подсказать.

Так барышни в провинции стреляли
Глазами: в угол — на пол — на предмет.
Но я молчал... «Где взяли инструмент? —
Все тот же тихий голос инженера. —
Так вот, его обратно отнесите».
И двинулся не торопясь по трассе.
Шагать мне было двадцать километров
До дальнего участка и назад.
Трубу на бархат в ящик уложил,
Свинтил треногу и пошел.
Мне повезло, — наверно, треть пути
Проехал на попутных самосвалах.

Январь 1977

* * *

Отчизну забывать грешно.
Но признаваться ей в любви смешно,
И делать это так вслеречиво,
Что хочется сказать: – Не говори красиво...
Ты матери, вскормившей молоком,
О чувствах не твердишь, бия в грудь кулаком?
К такому часто прибегают средству
Лишь те, кто хочет отхватить наследство...
Любовь стыдлива, прячется меж строк,
Чуть что – закроется, как пред грозой цветок.

30 июля 1807 году от Р.Х.

* * *

Лютеранская церковь и пруд.
Поправляя балетные пачки,
Белоснежные птицы плывут,
Царственно принимая подачки.

У зеленой поверхности вод
Под пропитанным синькою небом
Бедным кажется сытый народ
Со своим приготовленным хлебом.

Аккуратная зелень вокруг.
Каждый камень лежит аккуратно.
Что ж не весел, приезжий мой друг,
Иль в неприбранность тянет обратно?

Птицы ближе к бетонной черте.
Люди хлеб им суют за ограду.
Все довольны: и эти и те.
Так чего ж тебе, собственно, надо?

30 июня 1977

* * *

М.К.

Вы верите в переселенье душ?
Не верите? И я не верил тоже
В период околачиванья груш —
Беспечности, коль выразиться строже.

...Однажды заглянув в твои глаза,
Я вспомнил, что видал тебя когда-то:
Из темной щели вытекла гюрза
На фоне красноперого заката.

...Однажды заглянув в глаза твои,
Я неказистую увидел птаху.
Пред нею разливались соловьи
И погибали от любви без страху.

...Когда я заглянул в твои глаза,
То понял, что от гнева не укрыться.
На мягких лапах двигалась гроза —
Детенышей укрывшая тигрица.

...Когда я заглянул в твои глаза,
Открылся мне движенья ход подводный
В том облике, что описать нельзя,
В бесформенности массы первородной.
Она переливалась и текла,
Захватывая новые пределы,
Лучи вбирая света и тепла,
Вздымалась, пузырилась, булькотела.

Вы скажете: «Сей муж объелся груш,
Ему бы языком плести рогожи».
Вы верите в переселенье душ?
Не верите? И я не верил тоже.

30 июня 1977

* * *

Сел туман белесый на предместье,
Влажный, в горсть возьмешь — течет вода.
Глухо. Ни привета, ни известья,
Где-то заблудились провода.

Дерева стоят в тумане плотном
Зыбкие, и близко и окрест.
Кажется, что за окошком потным
Призраков чрезвычайный съезд.

Черные качаются султаны,
Белые колышутся плащи.
Мрачные зигфриды и тристаны
Крест и меч подъяли. Тrepещи!

Мрак сгущался. Ночью непогода
Разрешилась ливнем грозовым.
И предстала поутру природа
С ликом пасторально-голубым.

Мирные крестьянские куртины.
Речки прихотливой берега.
Башня. Монастырских стен руины.
Плата за осмотр недорого.

8 июля 1977

* * *

Меня сопровождает боль,
Куда бы я ни шел.
Я говорю ей: хлеб да соль,
Когда сажусь за стол.

А ночь придет – терпеть изволь,
Спокойствие храня.
Калачиком свернется боль
Под боком у меня.

1977/1978

Спортивная гимнастика

Ведь это же фантастика,
Возможного границы!
Спортивная гимнастика,
Как юны твои жрицы.

А приглядеться пристально —
В них нет почти что плоти,
И существуют истинно
Они в прыжке, в полете.

От разноцветных бантиков
На вас повеет школой.
Вновь лайнер над Атлантикой
Несет их сон тяжелый.

И снова многолюдная
Толпа и репортеры.
Как жаль, что слава трудная
Закончится так скоро.

Мигает электроника,
Мелькают чьи-то лица...
В коробках кинохроника
Забытая хранится.

4 января 1978

* * *

Звон в ушах от тишины.
Струны все напряжены:

Корабельные канаты;
Тросы подвесных мостов;
Паутина синевато
Протянулась меж стволов;

И Амура тетива
Сдерживаема едва;

Вот веревки бельевые —
Нити дальних передач;
Плавно выгнуты кривые
Баллистических задач;

Тянет тонкий поводок
Дьяволоподобный дог.

Тужатся кариатиды,
Голый подобрал живот.
Кружится праща Давида —
Камень вылетит вот-вот.

5 января 1978

* * *

Боль опять.
Ночь не спать.
Напиши-ка стихи про разлуку.
И враскачку размер смеляковский поможет тебе,
Чтобы за душу взяли они, как слепой
в переходе под руку,
И слышался вой в старом доме пустом,
в его гулкой трубе.
Почему смеляковский? Не будем считаться.
Им писали давно. Ярослав еще
бегал мальцом.
Написать бы вот так, чтоб нельзя было
не зачитаться,
И молчанье потом в две руки,
как в оправу, уткнулось лицом...
Почему про разлуку? Быть может, случайно.
Преткновения камень, нелегкая тема,
споткнешься — и в землю ничком.
Смотрят в память людскую
столько глаз бесконечно печальных,
Звезд, наверное, меньше на небе ночном.
Ну-с, так вот про разлуку.
Остальное — вступление, не боле.
Так сказать, сокровенные выдал слова.
Я считаю, разлука — избавление от боли,
Обретение боли, ты скажешь — и по-своему
будешь права.
Только я не о том. Одиночество ведь не разлука.
Если в память глядят те глаза, если силятся руки обнять,
Это мука — но сладкая, сладкая мука,
Все, что было с тобой, никому у тебя не отнять.
Жизнь пронизана болью: это судорога сладострастья,
Упоение — в бою или как там еще...
Как приятно к любимой приехать, гордясь перевязью,
Если пуля слегка лишь задела плечо.
Ну, а если в живот? Безобразные корчи.
Но на этом покончим, к чему ворошить.
Пусть покажется жизнь тебе горького горше.
Он расстался с тобой, ты с ним — нет. Надо жить.

1978

* * *

Пианино бренчит за стеною.
Методичен незримый палач.
Ну сыграл бы он что-то иное,
Но долбит все одно он, хоть плачь.

Словно бьют по виску молоточки
Неуклонно в порядке одном.
Я дошел, так сказать, уж до точки
И ударить готов молотком.

Но смирился в одно из мгновений.
Потерпи, ведь дожил до седин:
И тапер, и прославленный гений
Путь печальный проходят один...

19 ноября 1978

* * *

Позабыл я день вчерашний.
Я покинул мрак ночной.
Я теперь совсем домашний,
Я совсем уже ручной.

Но когда, присев удобно,
Тронешь трепетом руки,
Не забудь, на что способны
Белоснежные клыки.

(1952)

Начало

«Доверивши себя ветрам и звездам,
У сердца безрассудного в плену,
Я путь держу в далекую страну
На корабле, который мною создан.

Бесплотнее «Летучего Голландца»,
Он пролетает мили и года
По волнам Океана в лунном глянце,
Не оставляя за собой следа.

И вот перед глазами берег дальний.
Корабль причалил и растаял вдруг.
Гремит прибой торжественно-печальный.
Над горизонтом – желтоватый круг.

Цветы бесстыдны, ароматны травы,
И шорох полон тайн. И голоса.
В сплетенье веток пестрые удавы
Зажгли свои зеленые глаза...»

Всё это прочитав весьма сумбурно,
На друга вопросительно взглянул.
А он в ответ: «Опять литературно,
Нежизненно». И глубоко вздохнул.

(1956)

* * *

Приключилась в небе авария:
Хлынул ливень, раздался гром,
А потом – повсюду аквариум,
Мы с землею на дне морском.

В вышине у призрачных чудищ
Краснотой налились бока.
А вокруг – саламандры?.. Люди?
Разобраться трудно пока.

1957

* * *

Быть бы мне прозаиком,
Вот тогда я залпом
Про лису, про зайку
Сказку написал бы...

Но в красивой книжке
Вы про них прочтете,
Милые детишки,
Я пишу про тетю.

Взрослую, серьезную
С серыми глазами.
Я пишу не прозой,
Грустными стихами.

Разлюблю я тетю,
Вытащу занозу.
По своей охоте
Перейду на прозу.

Напишу я сказки
По такому случаю
Про зверюшек разных,
Про леса дремучие.

(1958)

* * *

— Ненаглядный! Скатертью дорога!
Больше никогда не приходи.
Просто, уж поверь мне, ради бога,
Наши судьбы розны впереди.

...Еле справился с входною дверью.
Мокрый снег. Фонарный свет дрожал.
Ветки старой липы, словно перья.
Прочитал табличку и заржал—
Переулок Скатертный лежал.

(6 апреля 1959)

* * *

В шашлычной шумно, дымно, людно...
Едят на совесть, не за страх.
Плывут над головами блюда
И оседают на столах.

Тут мало сходства с рестораном.
Куда-то подевалась лень.
Тут с увлечением и старанием
Съедают сто баранов в день.

И даже днем в дверях шашлычной
Толпится всяческий народ.
Такой издерганный обычно —
А тут стоит и тихо ждет.

Работник из прокуратуры
И бывший вор спешат сюда,
Поскольку тут ведь не халтура,
А настоящая еда.

(1959)

* * *

Я скоро стану знаменитым,
Порадуйтесь моей судьбе.
Как пыль железную магнитом,
Вас буду привлекать к себе.

Я скоро стану знаменитым
И буду медленно ступать
По мраморам и по гранитам.
Их вам придется отыскать.

Пока что в пьяной позе замер.
Не в той, что бронзовые — те...
И где-то там хранится мрамор,
В Уральском, может быть, хребте...

(~1959)

* * *

А. Аронову

Махая яркой сумкой,
По улице шла Симка.
А рядом топал Сенька.
Он видел в ней лишь самку.
Любила Сеньку Сонька.
Глаза ее, как синька.
И ни при чем был Санька,
Который лез на стенку.

1960

* * *

Моросили дожди по России.
Доходяги копытили грязь.
А в гостиных играли Россини
И по залам скользил падеграс.

Полосатые будки, шлагбаумы
У застав — перекрестьем костей.
В день получки к заводу шли бабы
И несли на закорках детей.

Из шинка, из вонючей помойки
Доносилась цветистая брань.
Проститутке, стоящей у стойки,
Говорили:
«Паскуда... Отстань!»

Пот ручьями — холодный, соленый —
По землистым катился щекам.
Бабы били ее иступленно.
Вот потеха была мужикам.

А в гостиных играли Россини
И, салфеткою вытерши рот,
Рассуждали о том, что в России
Неумытый и дикий народ.

1960

* * *

Стена кирпичная багрова,
Ей нет конца,
Хранит как будто пятна крови
И сыпь свинца.

Спокойным было это утро.
Взведен курок.
А с неба уронила утка
Свое перо.

В глазах упрямые пружинки
И остря.
Как четко синие прожилки
Запомнил я.

Зеленым песнопеньем сада
Воспрянет вновь
Расстрелянная у ограды
Моя любовь.

(1960)

* * *

Летающие блюда
Летают над Землей,
Летают и не бьются
И летом и зимой.

Космические гости
Садиться не спешат
И смотрят из-под горсти
На наш зеленый шар.

А на земле раздоры
Уже который век,
Участвуя в которых,
Мужает человек.

Косматым, первобытным
Он камень в руки взял
И был нередко битым,
Но пыл не растерял.

Он закалялся в ссорах,
Умнея от обид,
Выдумывая порох,
А позже — динамит.

Но это сказки старые,
Теперь же, как в кино:
Нажал — и нет Швейцарии
С Монбланом заодно.

В полях белеют кости,
Развалины лежат.
Таинственные гости
Садиться не спешат...

Они с другой планеты,
Там солнце не печет
И кислорода нету.
Но что-то есть еще...

1960

* * *

Так вот, когда-то небеса видали,
Как, перья распушив над головой,
Кидались друг на друга феодалы,
Оставивши вассалов за собой.

Потом средневековые политики
Интригу возвели в разряд искусств.
И жертвы падали на мраморные плитки,
Едва промолвив: «О, святой Иисус».

Коптили свечи, сустились медики,
Не смыслившие в деле ни черта.
И бледный горбоносый профиль Медичи
Смеялся синеватой стружкой рта.

А в наше время сила дремлет в бомбах,
Контейнеры могущество таят.
И в железобетонных катакомбах
Бесстрашные начальники сидят.

Солдату — что? Он, выкопав окопы,
Приказа ждет — назад или вперед.
Прикажут — он потопают в Европу,
Прикажут — он и в Африку попрет.

История утратила невинность,
Быть может, со времен античных бань.
Мне очень просто угодить в наивность
И получить за это по зубам.

Я не ищу от этого лекарства,
И по своей душевной простоте
Люблю солдатские доспехи Кастро
И красные костры на высоте.

(1960)

* * *

Променяю лето
На покой зимы.
Если счастья нету,
Не возьмешь займы.

Мне твоя улыбка
Больше не нужна,
Золотая рыбка —
Бывшая жена...

1960

* * *

Что получили мальчики
Не по своей вине?
Погончики, карманчики
И бляхи на ремне.

Созревшие до времени,
С холодным блеском глаз,
Все лягут удобрением,
Как было всякий раз.

Так пейте же в «Асториях»
И лезьте на рожон!
...Поденщики истории,
Статисты всех времен...

1960

* * *

На цирковой арене
Львы дремлют в рабочее время.
Верно, им надоело
Их бестолковое дело:
Прыгать на тумбы
И скалить зубы.
Иногда они злятся,
Рычат, что против...
А как дела у вас
На работе?

1960

* * *

Если у вас настроенье плохое,
Если оно у вас не проходит —
Хотите, я заколдую вас?
Это дело несложное.
Вы, зажмуривши левый глаз,
Съешьте стаканчик мороженого,
Пять раз подпрыгните
На правой ноге,
Скажите: «Гюга-Магога».
Но тут, как нигде,
Порядка держитесь строго.
Этот секрет
В зоопарке пустом
Мне открыл печальный верблюд.
А еще постарайтесь вспомнить о том,
Что я вас очень люблю.

1960

Неадекватность

В доме разбиты окна
В доме моём
Стены окрашены охрой
В доме моём
Бегают толстые крысы
В доме моём
Машет ржавая крыша
Острым крылом
Корчится железо
С желтых свисая стен
Я его не жалею
И не люблю совсем
Однажды съезжались тени
Ко мне на осенний бал
Летела листва на ступени
Багряный закат догорал
В петлицу вдев фиалку
Прогнав от крыльца детей
Я слушал скрип фиакров
И принимал гостей
Я поклонился кому-то
На нем белый плащ надет
Во взгляде прочел я мутном
— Помилуйте, баронет! —
Весь вечер я был насторожен
Но оставшись один
Я решил — ну и что же
Пусть нынче же в карантин
Ведь есть и такие вещи
Как, например, вечность
Или что-нибудь в этом роде.

(1960)

* * *

Неотложная помощь...
Наверное, сложно
Быть всегда неотложной.
И я прихожу на помощь.
Но я могу и забыть,
Что надо всегда любить.
Не только ночью любить —
И за завтраком тоже любить.

~1960

* * *

Женщина нечаянно
Уронила блюдце.
Блюдца, как известно,
При паденье бьются.

Хрупкие изделия
(Женщине тревожно) —
Брать их в руки нужно
Очень осторожно.

За окошком — тени,
Чьи-то пересуды...
А перед глазами —
Битая посуда.

Вечно что-то бьется,
Крошится на части.
Только врут, наверно:
«Если бьется — к счастью».

~1961

* * *

Запрятавшийся в горенке,
Ни жив ни мертв король,
Он потому что — голенький,
А за окошком — голь.

Она горланит песни,
Из бочек пьет вино.
Ведь так жить интересней,
Почти что как в кино.

Солдаты попотели
И вышли из-за стен,
Но понесли потери
И сразу сдались в плен.

А короля-разиню
Убили, как осла,
И голову — в корзину,
Чтоб вновь не приросла.

А голь вокруг плясала —
Пришел конец всех бед.
Сначала лучше стало,
А после — вроде нет.

1961

* * *

Захожу я в блинную,
Блинов прошу испечь
И не очень длинную
Завожу я речь.

Про мороз на улице
И про то, что снег,
Что пьет не только курица,
Но и человек.

Белые Сокольники
Стынут за окном.
Спят воры-законники,
Что им делать днем.

Красные автобусы.
Дым стоит в трубе.
Такая жизнь на глобусе
Крутится себе.

1961

* * *

А что такое генерал?
Армейский чин, командует войсками.
Он царь и бог в своем соединенье,
Непроницаемо его лицо.

Он младших офицеров держит в страхе,
Со старшими подчеркнуто корректен,
Он генерал, он из другого мира,
Где всё, наверно, чуточку не так.

...Полковники со смятыми погонами,
В мундирах пыльных,
С коричневыми шеями
Не часто генералами становятся.

А д'Артаньяны из военных школ
Овладевают тактикой прилежно.
Стоят в нарядах, чистят сапоги
И, может быть, о чем-то размышляют.

...А что такое генерал?
В метро я как-то видел генерала.
Передо мной был старый человек.
Он был как все,
И разве что на брюках
Краснело две широких полосы.

Да разве мало в мире генералов?
Одних Семеновых с полсотни наберется.
Их на приемы редко приглашают,
В отчетах называют среди прочих.

Мне до чинов нет никакого дела!
Я вижу Землю-шар в прожилках синих,
Огромное глазное яблоко,
Разглядывающее мироздание.

...Я вижу сумерки, канал, фонарь на барже
И на бетонных плитах двух парней,
Ведущих разговор...

1961

* * *

Ало-фиолетовые!
Крики, а не краски.
Бубновые валеты,
Целлулоидные каски.

Громоздкие рыцари,
Дикие команчи,
А в общем — курносолицы
Хоккейные команды.

Рассыпались по полю
Не как попало:
По одному, по трое
И по парам.

С виду кроток,
Вратарь клушкой
Присел в воротах,
Поводит клюшкой.

А в небе бьются вымпелы.
Лед залили люмены!
(Перед матчем выпили
Черкизовские люпены.)

Во всю ширь трибун —
СЛАВЬСЯ... СПОРТ!
Раскрутившийся табун
Ваську выплеснул за борт.

...Гладиатору Базилио
Между ребер меч вонзили.
Заходи-ка в Колизей,
Билетик в руки и глазей.

Дальше — больше,
Нервы на пределе.
Ледовое побоище!
Ряды поредели.

...Тореро бледен как известка,
Быки не шутят, как известно...
В перерыве — покурри.
Хочешь, выйди покури.

1961

* * *

Не в пестром бреду
Мне явилась химера —
В Охотном ряду
Я увидел Гомера.

Он еле тащился,
Глазья сквозь лупы,
По виду — тишинский
Подвыпивший люмпен.

Не зная ни строчки,
Увы, безъязык,
В несвежей сорочке
И все же велик.

1961

* * *

Вы лыжников попросите,
Чтоб не толкали вас,
И шпарите по просеке
Полкилометра в час.

Мелькают мимо ветки
И белый их наряд,
Звонят шальные ветры
И душу веселят.

Вы машете, как мельница,
И дышите, как слон.
Вот-вот пейзаж изменится,
А то все время он.

1961

* * *

Уходит озаренье прочь,
И наступает ночь.
И даже если это день,
То все равно что ночь.

Уходит озаренье прочь,
И снова дребедень.
И даже если это ночь,
То все равно что ночь.

1961

* * *

О чем толкует у базара
Осатанелый круг мужчин?
На лбы их, словно из базальта,
Легли расселины морщин.

Я их встречаю каждый вечер.
Они стоят до темноты,
Напоминая чем-то вече
В извечном шуме немоты.

Они пихаются плечами,
Стараясь что-то доказать
Такое, что и под плетями
Еще стремились досказать.

И всё ж, о чем они толкуют
И кулаки вперед суют,
Не слыша ничего, токуют,
Поверив в правоту свою...

Они толкуют о футболе.
Они толкуют целый век.
Да, о футболе и не боле
Толкует русский человек.

Декабрь 1961

* * *

Толстой был тоже графоманом.
У графа мания была –
Он целый день писал романы,
Забросив прочие дела.

Хирела барская усадьба,
И граф вегетарьянцем стал.
Другой давно успел устать бы,
А он писал... писал... писал...

~1962

* * *

Он жизнь прожил
На третьем этаже.
На службу спешил,
Исправно служил
И, возвращаясь домой,
Ни разу не поднялся выше...
А из окна под крышей
Город совсем иной —
В рыжем осеннем парике,
В грустном уличном машкераде,
В прощальной улыбке твоей...
А он всё сетовал
На дождливое время года
И был по-своему прав.

25 февраля 1962

* * *

Всё так же Андрей Волконский
Играет на клавесине
Всё так же по городу снег
Осенью дождь и дождь
А ты ногами босыми
По белым снегам идешь
Играет на клавесине
Синий весенний дождь

1962

* * *

По утрам в поликлиники
Спешат шизофреники.
Среди них есть ботвинники
И кавказские пленники,

Короли и карасики,
Паучки и личинки...
А приятель мой — часики,
Только что из починки.

Дождик серенький-серенький
В землю пальчиком тыкает.
Мы гуляем на скверике,
А приятель мой тикает.

Я смеюсь обаятельно,
Представляя, как ловко
Я однажды приятелю
Отломаю головку.

1962

* * *

Я шел по улице. Навстречу
Спешила девушка. Одна.
Была весна. Был теплый вечер.
Спешила девушка навстречу
И улыбалась она.

Она доверчиво глядела
И шла по улице одна.
А мне-то что, какое дело,
Как эта девушка глядела
И улыбалась она...

Она так мило улыбалась,
И вот какая-то струна
Внутри меня заколебалась.
Она так мило улыбалась
И шла, тем более, одна.

Я улыбнулся ей навстречу.
Был вечер и была весна.
Но юноша широкоплечий
Из-за спины шагнул навстречу.
К нему, сияя, шла она.

А я? Я шел и улыбался.
Был вечер и была весна.

1962

* * *

Люди живут убого,
День ото дня лютей.
Люди забыли бога,
Бог позабыл людей.

Гложет людей тревога,
Тесно в мире идей.
Знаю, что нету бога.
Скоро не будет людей.

1962

Футбол в лесу

Футбольный матч!
Футбольный матч!
На всех афишах — круглый мяч.
Дела заброшены с утра,
Билеты проданы вчера.
На поле будет жарко,
Привез локомотив
Команду зоопарка —
Столичный коллектив.
Со всех сторон, со всех сторон
Зверье спешит на стадион.
Не смог достать билета крот,
Но вырыл он подземный ход.
Синицы, наглые как бляди,
Уселись прямо на ограде.
Но вот звучит: «Физкульт-ура!» —
И начинается игра.
Бежит по краю заяц,
Ему навстречу лев,—
Лев — опасаясь,
Заяц — осмелев.
Опасная атака
Возникла у ворот...
Удар! Вратарь-макака,
Как Яшин, мяч берёт.
Пришлось остановить игру —
С ежом столкнулся кенгуру.
Судья все видит, он жираф,
Свистит и назначает штраф
За то, что косолапый
Сыграл передней лапой.
Но зазевался бегемот —
Он широко разинул рот
И проглотил футбольный мяч.
Так кончился футбольный матч.

1962

* * *

Однажды загорелась
Пожарная охрана.
Пожарник набирает 01.
— Пожарная охрана?
— Пожарная охрана.
— Горит пожарная охрана!
— Кто говорит?
— Пожарная охрана.
— Говорит или горит?
— И горит и говорит...

1962

* * *

Женщина с прошлым
Смотрит в окно.
На столике Пришвин,
Рядом вино.

В комнате пусто.
Ей все равно.
Женщина просто
Смотрит в окно.

~1962

* * *

1

Дудит Арбат
На дудке пестрой.
Флажки ребят.
Небритьи́й Кастро.
В глазах рябит.
Гремят оркестры.
Шары воздушные
И астры.

И словно тут передовая.
Как пушка, выкатил буфет.
Народ орёт, передавая
Бутылки пива, водки нет.

Возможно, это справедливо,
Что на Ямайке хлещут ром,
А чехи — эти любят пиво.
А водку пьют — в краю родном.

2

Лязг и грохот.
Железная арба.
Россыпь гороха
Заполнила Арбат.

Праздничным суриком
Раскрашены сопла.
У Витек и Шуриков
Размазаны сопли.

Я вижу рожу динозавра,
Неповоротливость его,
Салфеткой скомканное завтра
И остов дома моего.

...Возможно, это справедливо
Что на Ямайке хлещут ром.
...Дудит Арбат,
В глазах рябит.
...Кустарные промыслы,
Скорые на вымыслы...

~1962

* * *

Скрипят колеса катафалка.
В Манеж открыт пожарный вход.
К ответу хулигана Фалька
Советский требует народ.

Народ идет, слегка поддавши,
В лице вождей и их родных.
И скромно держатся подальше
Творцы шедевров мировых.

— Мне непонятна эта баба,
Ее коричневый живот! —
Кричит ответственная баба,
Что с кем-то наверху живет.

И будет так всегда, покуда
На свете существует власть.
Ты для нее всегда паскуда,
Готовый что-нибудь украсть.

Молчи, таись по закоулкам,
Беги, как пожелтый лист...
Художник, личность, ты же урка,
Тем паче абстракционист.

1962

* * *

В анфиладах комнат
Белые люди
Мне простукали ребра
И проверили слух.
У меня не оказалось плоскостопия.
Я не дальтоник.
Меня признали годным к смерти.

(1962)

* * *

Шекспир сюжеты воровал
И не считал зазорным это,
И вихрь бессмертья полы рвал
Плаща его поверх колета.

Когда бы доходили руки,
Закрыл бы Скотланд-Ярд и МУР.
Воруйте, милые, воруйте,
Чета честнейших братьев Тур.

1962

* * *

Король был в общем добрым малым,
Имел детей и водку пил.
И любовался цветом алым,
Хоть транспаранты запретил.

Любил жену — подругу жизни,
И на досуге размышлял:
Ну как бы он при коммунизме...
Но сразу думать прекращал.

~1962

* * *

Когда венецианский дож
Сказал ей: «Дашь или не дашь?» —
Она почувствовала дрожь,
Потом превозмогла мандраж.

Она тирану уступила,
Он был настойчив, как таран,
Он был вынослив, как стропила,
И ей понравился тиран.

А было время Возрожденья,
Народ был гол и необут,
Но ведь теряешь убежденья
В момент, когда тебя

~1963

* * *

...А праотцам жилось довольно туго:
Им рвали ноздри, их кнутом секли.
Шли праотцы с дрекольем друг на друга
И жить иначе просто не могли.

Кругом защита интересов кровных —
Взывала кровь, дымилась кровь расправ.
И не было ни правых ни виновных.
Был победитель. Он один был прав.

Я разделю века на семилетки,
Возьмусь, земную ось согну в дугу.
Я бьюсь в прозрачном пузырьке, как в клетке,
И вылезти хочу и не могу.

А вера в доброе начало человека,
А гуманизм, а пацифизм, а бог? —
Их выдумал какой-нибудь калека,
Который защитить себя не мог.

(1963)

Старая Рига

1

Я лазаю по чердакам,
Амбарам и сараям,
Чумазым шустрым чертиком
Все выше подстрекаем.

Задымленные потолки.
Вот цепь, что отгремела.
Владельцы туш и патоки
Отлично знали дело.

Теперь лишь бархат копоти
Да сорванная дверь...
Копите, не копите
Сами-то теперь?

2

Костел взметнулся, как костер.
Гармония органа
Приволокла меня в костел,
За горло заарканя.

И я нашел в себе пробел,
Как на листе бумаги.
Робеют так, как я робел,
В ОБХС завмаги.

(~1963)

Рига. Дождь.

Прорвало Мировой водопровод...
У нас не водопроводчик, а просто урод.
Целую неделю – Ноев потоп.
Под черепичные крыши всплыли
Поплавки дамских шляп.
Какой-то чудака, обутый в боты,
Устроился на памятнике Свободы.
А мы, не зная потрясений в мире,
Сидим в трехкомнатной квартире:
Черняк играет на гитаре,
Я читаю о Сен-Готаре.
В общем, с Атлантидой схожий вариант...
Подсчитываем оставшийся провиант.
Хорошо, что вовремя исправили водопровод,
Вскоре понизился уровень
Паводковых вод.
Только чудака, обутый в боты,
Остался на памятнике Свободы...

~1963

* * *

Нация пила денатурат
На метелью застланных просторах.
На него хватало в аккурат,
Остальное – на броню и порох.

На других отнюдь не уповали,
Падали – так прямо наповал.
Крепко пили, честь не пропивали.
Убивали тех, кто пропивал.

1963

* * *

«Чем занимались в Спарте?
Найдите Спарту на карте...»
Васька устал до смерти.
Васька уснул на парте.
Ваську прошибло потом,
Грусть на лице испитом.
В Спарте не пили спирта,
Там занимались спортом.
Васька играет в «Крыльях»,
Ваську недавно крыли:
Мол, игрок экстра-класса,
А за душой три класса...

1963

* * *

Война идет без воскресений,
Война идет без воскрешений.

Бульвар похож на лепрозорий.
Пенсионеры вымирают.
Подонки режутся в орлянку.
Наличие иных миров
Смущает...

Я когда-нибудь задумаюсь над жизнью своей,
Как над жизнью рыб и зверей.

1963

* * *

Мне сказала труба
Из паршивого джаза,
Что мне скоро «труба»
Под колесами МАЗа.

А сосед мой, трепач,
Всё по-своему понял
И сказал, что трубач
Вещь «в порядке» исполнил.

Я ответил ему,
Что люблю артишоки,
Что читал про чуму
На арабском Востоке.

Тут он выложил мне,
Что чуму возбудила,
По всеобщему мненью,
Чумная бацилла.

А когда этот псих
Стал совать мне газету,
Я засунул ему
Под рубашку котлету.

Удаляясь, сказал я
Без тени обиды,
Что я против политики
Апартеида,

Что грохочет судьба
С неуклюжестью МАЗа,
Как сказала труба
Из паршивого джаза.

1963

* * *

В комнатном заточении
Изучаю геометрию тел.
Снаружи – время, его течение
И течение судебных дел.

Вышел ночью, оказался на площади,
Иду наугад.
Столы в кафе уснули, как лошади
На четырех ногах.

Квас распирает бока у бочки,
Бочка сжимает квас.
Светятся окна почты.
Могу потревожить вас.

Явлению предшествовала причина,
Как установило следствие.
Отцы – виновники великого почина,
Дети – свидетели великого бедствия.

В редакциях – милая болтовня и отказы,
В моду входит зипун.
Город пьяными набит до отказа,
В городе сухой закон...

1963

* * *

Хранился в храме волос Магомета
Из некогда роскошной бороды.
Пророк не брил растительности этой,
Не знал, что тем наделает беды.

Увы! Пропала древняя реликвия.
На иноверцев свалена вина.
И, чтоб не пошатнулася религия,
Объявлена священная война.

Стратеги составляют планы битвы.
Среди огня врагу пощады нет.
Я утром бреюсь безопасной бритвой,
Просматривая полосы газет.

13 января 1964

* * *

Гуляет ветер по Нью-Арбату
От стен кремлевских до моста...
А всё же жалко мне, ребята,
Вот эти старые места.

Тут скоро будут небоскребы
Периферию изумлять.
Пока что тут одни сугробы,
А под сугробами земля.

Чтоб показаться интеллигентным,
Позвольте, граждане, сказать:
Сюда бы Рокуэлла Кента —
Пейзаж безлюдный написать.

Была судьба иного роста.
Долой картуз!.. А в чем вина?
Но историческая поступь
Зато воочию видна.

Я помню, как листву роняли
Деревья желтые кругом,
Дома звенели, как рояли,
Когда по крышке топором.

Гуляет ветер по Нью-Арбату
От стен кремлевских до моста...
А всё же жалко мне, ребята,
Вот эти старые места.

1964

* * *

Гуляла девка с разным контингентом,
И было этой девке невдомек,
Что где-то покорялись континенты
Всего лишь из-за пары женских ног.

Она бывала в клубе Русакова
И танцевала в парке ЦДСА,
И помнила, и забывала снова
Различные мужские голоса.

Мигали на экранах киноленты,
Сеансы начинались ровно в срок.
И снова покорялись континенты
Всего лишь из-за пары женских ног.

Она ж стояла за крупую манной
И знала про гидролизный процесс,
Она была, наверное, гуманней
Жеманных бело-розовых принцесс.

И если б я вершил делами мира,
Я оценил бы всю ее печаль
И выдал ей за сохраненье мира
Какую-нибудь важную медаль.

1964

* * *

Заведующий клубом
Тимохин Ксенофонт
Из прочих инструментов
Уважал лишь ксилофон.

На угле экономил,
На топливе копил,
И по перечисленью
Он ксилофон купил.

Сказал руководитель
(На пенсии артист):
— Вы будете первейший
В стране ксилофонист! —

И он тренировался
Без отдыха и сна.
К товароведу Грише
Ушла его жена.

Запущена отчетность,
Но фининспектор, хмырь,
Тимохина, конечно,
Подвел под монастырь.

И вот на Крайний Север
Поехал Ксенофонт..
А в клубе Русакова —
Бесхозный ксилофон.

И нет ксилофониста
Во всем СССР
Такого по масштабу
Как Ойстрах, например.

1964

Бутырский сон

Как пахнет стружка – свежа, упруга...
Зеки, серые с голодухи,
Мебель строгают для «узкого круга»
В помпезном казенном духе.

– Стамеску не брал, начальничек аховый?
– Ну-ка, «нарком», стругани рубаночком!
Это тебе не саблей помахивать
С народным героем Василь Иванычем.

Или наганом. Так-то, касатик...
Про то и не думай, работою грейся! –
А у дверей не унтер усатый –
Фигура безусого красноармейца.

В «узком кругу» смеялись до колик,
Нервно смеялись в «узком кругу» –
У главвоенмора «получился» столик,
А вот тумбочка у него «ни в дугу».

(~1965)

* * *

О мама, о мама, о мама!
Я снова забросил дела.
Зачем ты эмиром Омана,
О мама, меня родила?

Погано в моем королевстве,
Забыты и совесть и честь.
Мечтаю достать себе леску,
У Красного моря присесть.

О мама, о мама, о мама!
Я снова забросил дела.
И зря ты эмиром Омана,
О мама, меня родила!

~1965

Ломбард

Хоть бы один московский бард
Воспел как следует ломбард!

Так нет, спешат в командировки —
Плотины, шахты воспевать —
Не удосужась побывать
В угрюмом доме на Покровке.

Тут сладкий запах нафталина,
Чужой одежды и беды,
И громкий бой часов старинных,
И неизбывный дух нужды.

Узлы, пакеты и кошелки.
Тут больше женщин, чем мужчин, —
В кудельках, в сеточке морщин.
Лишь изредка — «бабетты», челки.

Физрук несет спортивный кубок,
Старуха — старенький горжет,
Другая — золотые зубы
Того, которого уж нет.

На свет рассматривают дыры
И стыд бросают на весы.
Звенят — подарок командира —
В массивном корпусе часы.

Народу много, душно, тесно.
Подташнивает от всего.
Противно богу это место,
Но было б хуже без него.

1965

* * *

Хоть я в том не вижу смысла,
Но на нашей широте
Туча страшная нависла —
Десять молний в животе.
Гром гремит! Земля трясется!
Поп на курице несется!
Стонут сосны! Гнется верба!
Лишь благодаря удаче
Избежала наша дача
Матерьяльного ущерба.

25 июля 1965

* * *

Я хожу по Сокольникам.
На скамейки сажусь.
Пионерам и школьникам
Очень взрослым кажусь.

По асфальтовым просекам,
Удивленный, пылию
И мотивчиком простеньким
Сам себя веселю.

Сколько тут алюминия!
Что ни стенка — стекло.
Современные линии,
Огоньки на табло.

И вообще — электроника,
И никто не галдит.
Только негр, житель тропиков,
Равнодушно глядит.

А на пляже, на озере,
Хулиганы сидят.
На руках у них козыри.
(Но за ними следят.)

До свиданья, Сокольники —
Золотая пора!
Вам, ребята-соколики,
На отсидку пора.

Август 1965

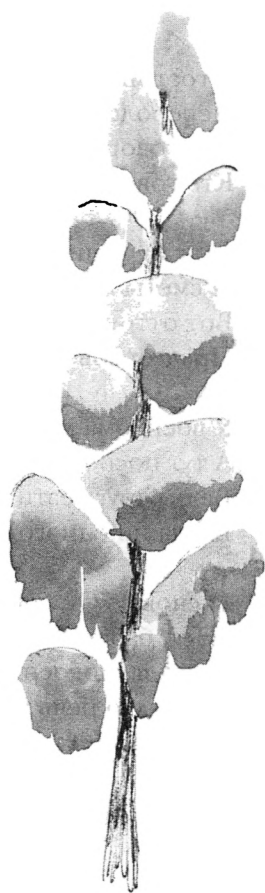
Лес

Стоял себе. Кого он трогал?
Под серым небом мирно рос.
Но вот проложена дорога,
Петлею затянулся трос.

А дальше путь тернист и долог —
Трелюют, режут и дробят.
Следит за этим всем технолог,
Отец двух славных октябрят.

И получается бумага.
Но как-то безразлично ей,
Что пишется на ней для блага
И счастья всех простых людей.

Август 1965

* * *

В гостинице корреспондент скончался.
Переполох. Прислуга сбилась с ног.
Кто говорит: «Болезнь покойник часто...»
Кто говорит: «Вот не болел, а слег...»

Но как решить вопрос о погребенье?
И сметы нет... А хоронить пора...
Вот оттого в ужасном настроенье
Предгорсовета пребывал с утра.

У военкома маленькие дети,
А тут пособие в зубы — и привет!
Ведь вдруг везти прикажут на лафете,
Когда ни одного лафета нет...

И снова: «Он совсем не пил спиртного»,
«Нет, баб любил и утонул в вине!»
Лишь я спокоен, не скажу ни слова,
Как будто речь идет не обо мне.

1965

* * *

На покосившемся заборе
Плакат в грядущее зовет.
В Крестовоздвиженском соборе
Вовсю дымит пивной завод.

Попов — служителей обмана —
Отсюда вымели давно.
Здесь нет церковного дурмана,
Тут «Жигулевское» одно.

Соликамск. 1965

* * *

На улице морозно.
Холодно.
Фигуру не заметишь
Праздную.
Насквозь продуты Химки-
Ховрино.
Залубенела Пресня
Красная.

Кругом к теплу
Единодушное
Стремленье через ветер
Режущий.
Тревога вспомнилась
Воздушная —
Вот так же все бегут
В убежище.

Калека на пустынной
Площади,
Далекий от понятия
Гордости,
Он скачет, словно он
На лошади,
Ликуя от ужасной
Скорости.

Движения вразброд
С желанием —
Не скачет он,
На месте топчется.
Наполнен воздух конским
Ржанием,
А ветер все никак
Не кончится.

(1966)

* * *

Ночной вокзал пропах карболкой.
Не очень верящий в успех,
Сижус с дородной каргополкой,
А рядом, как цветок, узбек.

Скамья дубовая обширна,
Не зацепил ее прогресс.
Над головами спящих мирно
Темнеют буквы: МПС.

Стремясь вперед костлявым торсом,
Путеец появился вдруг.
Он об вагоны долго терся
И был блестящий, словно жук.

Вокзальных посреди хоромин
Вас непременно поразит,
Что спекулянт по виду скромн,
Хоть в сущности он паразит.

Печальный мученик транзита,
Я думал в ожиданье дня:
Влечет дорога паразита,
Узбека, бабу и меня...

1966

Дом

Окно мое во двор выходит.
Когда я собираюсь спать,
Там вечно что-то происходит:
Дерутся, мирятся опять.
Пейзаж в окне давно известный.
Живу я с довоенных лет
В квартире, не сказать чтоб тесной,
Но чтоб удобной — тоже нет.
Вдоль коридора двери. Двери
Клеенкой кое-кто обшил.
Здесь Юра жил с женою Мэри,
А тут когда-то Плецер жил.
Их нет теперь. Они куда-то
Уехали в микрорайон,
Где почта есть, бюро проката:
Утюг бери, магнитофон.
Должно быть, прачечная рядом
И магазины под рукой.
Обед со скидкой прямо на дом —
Гарнир такой, гарнир сякой.
И я когда-нибудь покину
На улице старинной дом,
Где прожил жизни половину
И, может, лучшую притом.
Забуду, как, худой и нервный,
На неудобства я пенял.
И станет грустно мне, наверно,
Как будто друга поменял.
Но, не без общего участия,
Пойму, что в грусти смысла нет,
Что есть покой, а значит — счастье,
Как говорил один поэт.

(1966)

* * *

Я не фанатик, не истерик
И не нахальный лжепророк,
Не открываю я Америк
И зычно не клеймлю порок.

Негромкие слагая строки
И постигая существо,
Я понял— дело не в пороке,
А в обличении его.

...Рыбак на речке рыбу удит,
Боксеры не жалеют сил,
А он судья, и значит—судит,
А был бы косарем—косил.

1966

* * *

Когда играете на бильярде
Противника не бейте кием в морду

И паве повидавшей виды
Не предлагайте пиво или воду

Когда вы сняли с женщины трико
Не вспоминайте песенки Трике

А в остальном живите как хотите.

~1966

* * *

Зачем в житейской круговерти,
Подняв глаза к календарю,
Я снова думаю о смерти,
Когда о жизни говорю?

В потоке мощном и широком
Дорога каждому своя.
Подстерегаемые роком,
Вкушаем радость бытия.

Какая радость у тунгуса
Средь топей гиблых и болот?
Сам пищей будучи для гнуса,
Он рад, когда лису убьет.

А у тебя – какая радость?
Ты нынче сыт, сидишь в тепле,
И голубой «высокий градус»
Играет в рюмке на столе.

Три дня корпел ты над строкою,
Как будто в глухомани был,
Бежал таежною тропею
И рыжую лису убил.

1967

* * *

Дальневосточное детство:
Яркою утра заря,
Вод океанских соседство,
Сопки, кедров, лагеря.

И на запретную зону
С вышки глядел часовой.
Строились люди в колонну,
Не говоря меж собой.

Кто-то командовал зычно,
Медленно трогались в путь...
Все это было привычно,
Не удивляло ничуть,

Словно смолистые кедры,
Коим упасть в свой черед,
Иль против влажного ветра
Птиц косокрылый полет.

1967

* * *

Хребет железный виадук.
Пивной ларек.
Палатка вторсырья.
Татарин в ней желтей бамбука,
Он как царек
Средь пестрого старья.

Ночами в крохотной каморке
Он сны глядит,
И степь плывет во тьме.
Там коршун в небе, суслик в норке,
А он сидит
На войлочной кошме.

1967

* * *

Благословен правитель слабый.
При нем и тишь и благодать.
Весь век сидит на печке с бабой,
Не кличет воинов на рать.

Он знает цену ратной славы.
Что слава? — дым и мишура.
Но распадается держава,
И не поделатъ ни хера.

1967

* * *

Колпак шута — корона короля.
А шут — король в своей системе.
Ведь он смеется надо всеми
И напевает «тру-ля-ля»!

Пред ним министры — как щенки...
Но время новое настало:
Нет королей, шутов не стало,
Остались только шутники.

1967

* * *

Что выделявают голуби
В вышине над головой
Между стен, как будто в проруби
Беспредельно голубой!
... Что выделяют голуби
Над Бутырскою тюрьмой.

1967

* * *

Вот и новые рифмы не модны,
И не моден свободный размер.
Видно, стали они неудобны
Вкусам общества в СССР.

Сочиняют опять по старинке
И кичатся своей «старинкой»,
Как недавно на этом же рынке
Похвалялись своей новизной.

Я гляжу на мелькание это:
Битва гномов, базарный психоз.
Вот бы шлейф проходящей кометы
Их накрыл, заklubил и унес...

18 декабря 1967

* * *

Пьет завит как извозчик.
«Путь завит отпет» —
Ставят зубр-переводчик
Или юный поэт.

Не смущаясь особо,
Где там, время — в обрез,
Потому что особый
Есть у них интерес.

Вот взъерошенный, странный
(Глаз тяжелый налит),
Старой водкою пьяный,
Набухает завит.

Спугав лица и даты,
Он мычит иногда —
Хочет ехать куда-то,
Но не помнит куда.

Январь 1968

* * *

Читаю в периодике
Собратьев по перу.
Встречаю «паровозики»
И прочую муру.

Какое-то поветрие:
Не в силах перестать,
Все пишут километрами —
Как надобно писать.

Другая тема модная
В журналах привилась:
Деревня и природная
С землей поэта связь.

«Живу, мол, в деревеньке,
В груди избыток сил,
И если бы не деньги,
В столицу б не спешил...»

Куда же он девается
Потом — избыток сил?
Стишок-то получается
Беспомощен и хил.

Набор словес избитых,
Известных наперед.
Ну где же тут избыток?
Скорей наоборот.

Никто в сердцах не ахнет,
Шедевром поражен.
Ведь он мышами пахнет
И потом пахнет он.

1968

* * *

И я уйду, когда приспеет время.
Стряхну с себя людских желаний бремя
И стану принадлежностью земли.
Частицы, что недавно были мною,
Размытые весеннею водою,
Ветра развеют в прахе и пыли.

Я распадусь, как древняя держава,
Что долго в страхе недругов держала.
Стихи мои останутся одни.
Так после поражения Египта
Остались целы только манускрипты,
Со временем погибли и они.

8 марта 1968

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Сочиненным старым Фетом.
Привлекли мое вниманье
Шепот, робкое дыханье...
Это что за чертовщина?
Незнакомый мне мужчина.
Усмехается при этом:
— Ты, наверное, с приветом?

1968

* * *

Должно быть, мало витаминов,
Весенний на душе разброд.
Я зол как сотня хунвейбинов —
На чинодралов злость берет.

Полны глубокого значенья
Их лица, каждый жест и взгляд,
Когда свои нравоученья
Они заученно твердят.

Играющий на поле брани
Судьбой народов и корон,
Он — не заведующий бани,
Он цезарь или фараон.

1968

* * *

Обнаружена в самом зачатке
У собаки духовная жизнь.
О сенсации в срочном порядке
Сообщила «Наука и жизнь».

И хоть я не любитель сенсаций,
Но в солидный отправлюсь журнал,
Чтоб среди пестрых его публикаций
Появился такой матерьял:

«До сих пор содержалось в секрете
И, конечно, известно не всем,
Что у многих людей на планете
Нету жизни духовной совсем».

14 марта 1968

* * *

Российская интеллигенция
Всегда нуждалась в индульгенции,
То веря в бога, то безбожна,
Но вечно неблагонадежна.
Ее засовывали в крепости
За непонятные нелепости.
Режима всякого сатрапы
Ее гоняли сквозь этапы.
Она привыкла быть прослойкою,
В своих суждениях нестойкою.
И всё ж не знаю лучшей участи,
Чем постигать сей мир в текучести.

14 апреля 1968

* * *

Мы с тобой живем, не тужим
В новом доме на Лесной.
Счет окончен зимним стужам,
Вновь повеяло весной.

Обживались понемножку,
Сквозь метелей кутерьму
Взгляд бросая из окошка
На Бутырскую тюрьму.

Изменился вид квартала.
За прошедший этот год
Снесено старья немало,
Часть своей кончины ждет.

Возникают, как миражи,
Этажи в короткий срок.
Лишь тюрьма напротив та же,
Да еще пивной ларек.

24 апреля 1968

* * *

А чья теперь на свете правда?
Святая правда большинства.
О чем задумаемся завтра,
Какие выскажем слова?

С документальной киноленты,
То умоляя, то грозя,
Как дух цветного континента,
Глядят голодные глаза.

...Ему я представляюсь сытым
На тучных землях паразитом.
Он встанет, всё и вся поправ.
Он голоден — и, значит, прав.

Так что же нам — стрелять в него,
Признав неправым большинство?

1968

* * *

То не крики дровосека
В гулком воздухе звучат,
Три восточных человека
Кости мечут и кричат.

Непонятны их тирады,
Красны лица, катит пот.
У кладбищенской ограды
Жизни действие идет.

Сценки этой соглядатай,
В отдалении стою.
Может быть, игрок усатый
Кинул на кон жизнь мою?

Вдруг исчезнет Воронцово,
Роща, ветреный апрель.
Я уйду в первооснову,
Где опавших листьев прель.

Неуютен мир молекул:
Углерод да кислород.
Это быстро раскумекал
В массе грамотный народ.

Рассудив довольно просто:
Если что — не повредит, —
Тащит трубы на погосты,
Обостряя дефицит.

Так как бренно всё на свете,
Вечной жаждою горя,
Поставляют трубы эти
Христианам слесаря.

Снова слышу крик гортанный,
Но уже не жду чудес,
Тощий березняк с поляной
Ведь не гофмановский лес.

Живописные брюнеты
Кости спрятали в карман,
Распродав свои букеты,
Устремились в ресторан.

(5 мая 1968)

* * *

Когда сверкали сабли
И слышалась стрельба,
Помещичьи ансамбли
Ждала одна судьба.

И полыхали ярко,
Как старые тома,
На темном фоне парка
Господские дома.

От этой эпопеи
Остались в наши дни
Зеленые аллеи
Да флигели одни.

Лишь пыльные архивы
До этих пор хранят
Фронтонов вид красивых
И стройных колоннад.

29 мая 1968

* * *

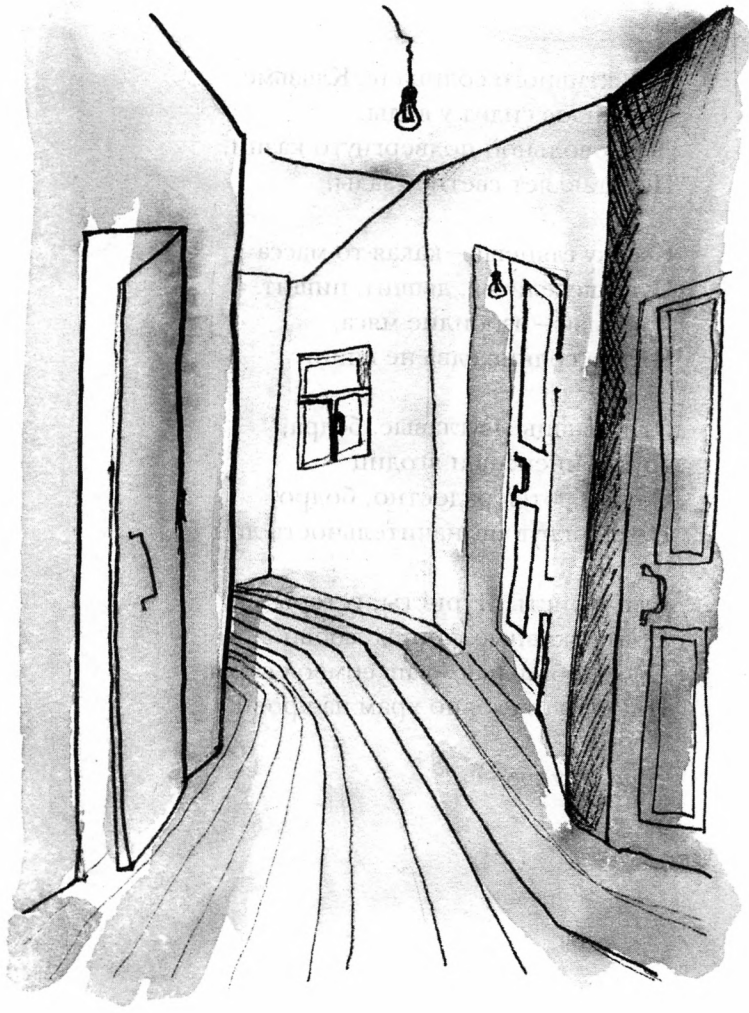
Что гнездится в душе идиота?
Безмятежно смеется, но вот
Изменился в лице отчего-то
И стеклянно глядит идиот.

Ну какое возникло виденье
В помутившемся слабом мозгу?
Озираюсь вокруг. Измененья
В обстановке найти не могу.

В этой чересполосице света
И бесформенных серых теней
Он отчасти похож на поэта,
Но поэты, пожалуй, странней.

Мимолетные ловят виденья,
Как охотники их стерегут,
Чтоб как в клетку их — в стихотворенье.
И в журнал популярный бегут.

14 июля 1968

* * *

Год активного солнца на Клязьме.
Все живое сидит у воды,
Добровольной подвергнуто казни,
Подставляет светилу зады.

Сверху глянешь — какая-то масса
Чуть шевелится, дышит, пищит.
А вблизи — изобилие мяса,
Что на солнце едва не шипит.

Эти мышцы двуглавые, бедра,
Груда бицепсов и ягодиц
Сотрясаются радостно, бодро,
Подчеркнув незначительность лиц.

Культуристы, туристы, гетеры —
Подмосковные жрицы любви...
Плоть обильная — ваш символ веры,
И продмаг, словно храм на крови.

20 июля 1968

Искушенье

1

Стрекочет арифмометр,
Стучит «Континенталь»,
Их музыкальный номер
Родит во мне печаль.

Чего не повидали
Конторские столы!
Их бирки, как медали
За выслугу, светлы.

2

Поддаться сладко искушенью
И пробездельничать весь век.
К родных и близких огорченью
Запьянствовать, как древний грек.

В венке из листьев винограда
Бряцать и петь, впадая в сон,
Найдя роскошную прохладу
В тени дорических колонн.

Сегодня время снегопада.
Прохлады мне искать не надо.
Квадригу вздыбив, Аполлон
Совсем замерз без панталон.

3

Ничего не хочу и не буду.
Безучастный отныне и впредь,
Отдаленно похожий на Будду,
Буду только сидеть и смотреть.

В позе, полной глубокого смысла,
Буду множить двузначные числа.

1968

* * *

Слева – финская граница,
Справа – мрачная сосна,
Прямо – черная водица,
Сверху – красная луна.

Меж луной, водой и лесом
Я затерянный дрожу.
Руки холодит железом
Карабин, что я держу.

1968

* * *

Я не писал довольно долго,
В занятии том не видя толка
Ни для других, ни для себя.
А практику иных поэтов
В нанизывании куплетов
Как труд позорный невлюбя.

И я почти утратил навык,
Послав отделку строчек «на фиг»,
Слова ворочая с трудом...
Есть красота другого рода,
Ее жестокую природу
Скрывает за дверьми роддом.

Мучительно рождение слова.
Казалось бы, ну что такого? —
Молчанья преступить порог.
Я не политик, не философ
И главных не решил вопросов.
Какой тогда в мученьях прок?

Июнь 1969

* * *

Я видел сон,
Что вижу сон,
Что вижу сон,
Что вижу сон,
Но не запомнился мне он,
Последний этот сон.
Я просыпаюсь раз — во сне,
Я просыпаюсь два — во сне,
Я просыпаюсь три — во сне,
Лишь на четвертый раз вполне.

1969

Я вижу вас,
как будто вы,
как будто вы,
как будто вы,
но не замечая вас ни
последним своим
Я прощаюсь с вами — бо, еще,
Я прощаюсь с вами — бо, еще,
Я прощаюсь с вами — бо, еще,
Ах, на добрый вечер прощайте

* * *

Два волнистых попугая
В нашей комнате живут.
Долго смотрят не мигая,
Словно указаний ждут.

Восседают пташки чинно...
Вдруг такой затеют спор,
Но, увы, его причины
Я не понял до сих пор.

Голубой один расцветки,
А другой зеленый весь.
Я меняю воду в клетке,
Зерновую сыплю смесь.

Я им спинки солнцем грею
В двести пятьдесят свечей.
(Говорят, я стал добрее
В отношении людей.)

Наша песенка не спета,
И мороз лютует зря.
Ведь у нас кусочек лета
Посредине декабря.

21 июня 1969

* * *

Робким юношей несмелым
Я вступил когда-то в мир,
Ощувив душой и телом
Жизни стройность и ранжир.

Но мечта о доле лучшей
Тела, словно уголек.
Я надеялся на случай,
Силы слабые берег.

Проходили зимы, весны,
В рощах пели соловьи.
Вдруг я понял: несерьезны
Грезы глупые мои.

И тогда в недоуменье
Огляделся я кругом
И увидел отраженье
В тусклом зеркале кривом.

О, как долго я смеялся,
Позабыв про все вокруг,
Я глядел, не отрывался,
А потом заплакал вдруг.

Слышу возглас: «Всё в порядке!»
Что ж, видней со стороны.
Дремлет сопка на Камчатке.
Я цветные вижу сны.

18 января 1970

* * *

Есть на Тишинке чахлый скверик,
Помятых личностей приют,
В пути обетованный берег,
Где на скамьях зеленых пьют.

Колдуют, порошки мешают,
Забвенья не найдя в вине,
И мутной смесью оглушают
Весь этот шумный мир извне.

Возникла ссора из-за денег.
С обидой кто-то возражал:
«Меня Папанин на коленях
В сороковом году держал».

Деревенеют. На скамейке
Их нет. Они ушли туда,
Где буквы по кривой линейке
Бегут, где празднично всегда,

Где долетают до Америк
Любимые герои их...
И в этот миг Тишинский скверик
Стоит торжественен и тих.

19 июля 1970

* * *

В черных недрах подполья
Есть крысиный король.
С этой трудною ролью
Он справлялся дотоль.

Он размером с бочонок,
О пяти головах.
Но по мнению ученых
Их не более трех.

Он жует непрерывно,
Если только не спит,
С виду очень противный
Странноватый гибрид.

Он неистово злобен,
От рождения слаб.
Он ходить неспособен
На отросточках лап.

У такого уroda
Откуда взялась
Над крысиным народом
Безграничная власть?

Но вопрос этот ясен
Обитателям нор:
Беспорядок опасен,
Это гибель и мор.

Одинаковы крысы
(Да и крысы ль одни?),
Словно зернышки риса,
Что так любят они.

А король — как бочонок,
О пяти головах.
Хоть, по мнению ученых,
Их не более трех.

24 сентября 1970

Стихи, написанные между делом

В желтой ризе бубнит литании
За окошком Горлов тупик.
Наблюдается похолодание,
Скоро даже будут топить.

Ощущаю остро цикличность
И возврат на круги своя.
К югу — птицы, и сильная личность —
Мотогонщик, и «баба-змея».

На исходе год, на излете.
Критик, я пред тобой в долгу,
Что при виде тлеющей плоти
Пританцовывать не могу.

На классическое наследие
Обопрусь: во все времена
Может место иметь трагедия,
Коль оптимистична она.

Пусть хлебá в закромах сторицею,
Вдоволь свеклы и льна-долгунца,
Все же осень — как репетиция
Ожидаемого конца.

Это горькое время года.
Осторожнее — листопад!
Жизнь велит — и в сырую погоду
Дровяной оживился склад.

На душе и так неспокойно,
А еще захныкал поэт,
Словно барышня на скотобойне
(Хоть мужчина во цвете лет):

«Птицеферма — куриный Дахау.
Задыхаюсь!
Поросенок дрожит в желе.
Пожалей!
Плуг железный по травополью.
Больно!»

Слушали, затаив дыханье,
Дехкане.
«Благословляю вас, леса,
Долины» и т.д.
(Муз. П.И. Чайковского,—
См. переписку с фон Мекк.)

Парадоксы пишущей братии...
Уплетает смачно курчат,—
Ну а боль — как мероприятие.
Если больно — так не кричат.

Жизнь не театр, где всё понарошку,
Кроме кассы. («Она мертва?!»)
Где проносят пустую ложку
Мимо рта.
(В кино так не выйдет.)

Для чего голосить истошно?
И так тошно.

Ну да ладно. Пора за дело.
Скверик старый прозрачен, пуст.
Скоро будет улица белой
И кочанный раздастся хруст.

И рожденье нового года
Посреди белоснежных простынь
Будет праздником для народа,
Что зовут по привычке простым.

(12 октября 1970)

* * *

Не пророк, не мессия —
Сочинитель один
Строчки склеил пустые,
Побежал в магазин.

За прилавками пусто,
Лишь стоит продавец —
С виду как Заратустра.
Размышляет, подлец...

У курносой уродки,
Что мусолит рубли,
Трое выпили водки,
Говорят — «на мели».

Над округой несется
Популярный мотив.
Дед ничейный смеется,
Все-таки коллектив.

Отоварившись водкой,
Наш знакомый пьет
Расторопной походкой
Восвояси спешит.

Не пророк, не мессия,
Хватит стопку и рад.
И великой стихии
Снова сват он и брат.

День пройдет и растает,
Все затянет быльем.
Лишь бутылка пустая
Зазвенит под столом.

23 января 1971

* * *

Был еще вчера пострел
Или что-то вроде.
Как внезапно постарел
Соколов Володя.

Сочинял он про принцесс,
Первые свиданья,
Но подспудно шел процесс
Плоти увяданья.

Может он играть старух
В детской постановке.
Но какой таится дух
В мятой упаковке?

Или вопреки всему
Он все так же молод,
Иль давно знаком ему
Умиранья холод.

Или духа нет как нет,
Перекачан в строчки.
И глядит на божий свет
Дряблость оболочки.

24 января 1971

Из древнегреческого быта

Фракийский царь Терей,
Порывистый и смелый,
Свояченицей своей,
Созревшей Филомелой

Однажды овладел,
Слепой настигнут страстью.
Шаталась не у дел,
Наверное, к несчастью.

С плеча спадала ткань,
И взгляд схватил мгновенно
Сквозь греческую рвань
Румяное колено.

Терей к нему приник.
Когда же страсть пропала,
Красавице язык
Отрезал, чтоб молчала.

Узнает ведь жена,
Греха не оберешься.
Подумаешь, вина —
Немного развлечешься.

И так одни кругом
Лишь битвы да походы,
И мысли всё о том,
Как жить должны народы...

Хитрец, устав слегка,
Пошел под сень дубравы.
Наивные века.
Античные забавы.

(18 февраля 1971)

* * *

Жук неведомый летает
По квартире в январе
И как будто бы не знает,
Что творится на дворе.

Ну откуда мог он взяться,
Из какого далека,
Расскажу в другом абзаце
И подумаю пока.

Знаю, жук бывает майский,
Исторгает толстый звук.
Но представьте, что под маской
Это вовсе и не жук?

Ведь в такое время года
Настоящие жуки
Спят и ждут весны прихода,
Чтоб резвиться у реки.

Оттопырив эполеты,
Неизвестный этот жук
По пространству кабинета
Совершает плавный круг.

Он присел, повел плечами,
Спрятал крылья под пальто.
После долгого молчанья
Я спросил его: «Вы кто?».

И когда пришелец странный
Понял, что разоблачен,
С быстротою несказанной
Под кроватью скрылся он.

Февраль 1971

* * *

«Неплохо иметь бы поместье,—
Сказал мне один зверобой,—
Тогда бы глядел на созвездье,
На пламень его голубой».

И после добавил с порога,
Пригладив рукою хохол:
«Ведь времени очень немного...»
Ружье на плечо — и пошел.

Февраль 1971

* * *

Монархов надо просвещать,
Чтоб в них проснулись интересы
Читать стихи, и слушать пьесы,
И галереи посещать.

Монарх ведь тоже человек,
Но не имеющий досуга.
Ему в круговороте туга,
Отнюдь не до библиотек.

Монарх на кучера похож,
Что правит лошадьёю строптивой.
Громоздок воз, и день дождливый,
Колдобин грязь, ухабов дрожь.

Не оттого ль во все века
(Бывали, правда, исключения)
Монархам чуждо просвещение?
Оно — как тряпка для быка.

Мешает, видимо, оно,
Глаза суровой правдой колет,
Святыя истины глаголет,
Хоть зачастую мудрено.

Удобно — если совесть спит.
Иначе бедные монархи,
Покинув трон, ушли б в монахи —
В дремучий лес, в далекий скит.

Чтоб там замаливать грехи,
Которых накопилось много,
Просить прощенья у бога
И петь духовные стихи.

Март 1971

* * *

Бесснежная зима
Прошла невидно, боком,
На деле став сама
Лишь календарным сроком,

Меж осенью сырой
И обновленьем жутким
Безвременной порой,
Безликим промежутком,

Потоком серых дней
Без радости и боли...
Ни памяти о ней,
Ни слов о ней, тем боле.

8 апреля 1971

Рассказ случайного знакомого

Вы когда-нибудь были на бойне?
Коли не были, спите спокойно.
Ни к чему в этом месте бывать.
Тут царит запах старой крови,
Неподвижны глаза коровьи,
Шкурой знают – ведут убивать.

Молодой был, кропал я вирши.
На учете стоял на бирже,
Раньше были биржи труда.
Предложили тогда два места:
Иль месить вечерами тесто,
Иль бойцом на бойню сюда.

Помню, здесь сапоги давали,
Лучше видывал я едва ли.
Как зачислили, ночь не спал.
Выворачивало сначала,
Только свыкся мало-помалу
И работать смелее стал.

Вскоре дело пошло привычно.
Руки действуют механично,
Взмах размерен, наметан глаз.
Так, наверное, колют бревна.
Сердце бьется спокойно, ровно.
И чего дрожал в первый раз?

Я встречался с одной девицей,—
Назвала меня кровопийцей,
Как узнала, кто я таков.
Видно, думает, антрекоты
В огороде вырастил кто-то,
Наподобие буряков.

Ну, а если знает, откуда
Порционные взялись блюда,
Плоти в этом познание нет.
Ведь лотки для мочи и крови
И большие глаза коровьи
Так не вяжутся с видом котлет.

С той поры пролетели годы.
Мир менялся — закон природы.
Механизм производит убой.
К нам пришел директор-новатор.
Стал не нужен бык-провокактор,
Тот, что стадо вел за собой.

И его механизм ухлопал.
Он к нему без опаски топал.
Удивленно так поглядел
На краюшку соленую хлеба
И на синий кусочек неба,
Словно что-то сказать хотел.

Пенсион у меня небогатый...
А пописывал ведь когда-то,
Время, думаю, есть сейчас.
Посылаю стишки в журналы,
Только толку пока что мало,
Почему-то везде отказ.

(12 ноября 1971) <1976>

Предновогодняя история

Место действия – учреждение.

Автор:

Ко мне подходит председатель
Месткома. Говорит: «Приятель,
До праздника четыре дня.
Ведь вы, я слышал, сочинитель,
В газету стих не сочините ль?» —
И обнял за плечи меня.

Он улыбнулся мне приятно.
Была, как азбука, понятна
Его прекрасная душа.
Сперва я поглядел в окошко,
Затылок почесал немножко
И сел за дело не спеша.

Вот что получилось:

То оттепель, то холода.
Ногами семена поспешно,
Скользят прохожие потешно
На синей полировке льда.

Единому покорны знаку:
Кто пауком, кто враскоряку,
А этот — на одной ноге,
Изобразил эквилибриста
И описал довольно быстро
Свой путь дальнейший по дуге.

Нет больше в мире равновесья.
Летят калоши в поднебесье!
Проспект — что желоб ледяной.
Нет сил подняться с четверенек,
К тому же часть карманных денег
Рассыпалась по мостовой.

Итак, утрачены опоры,
Неуправляемы моторы,
Оледенели провода.
Играет случай с нами в жмурки,
Как в тире падают фигурки.
Но все спешат, спешат... Куда?

Председатель месткома:

Ваш с повседневной точки зренья
Вопрос достоин удивленья!
Как это, собственно, куда?
Зовут домашние заботы,
Дымятся фабрики, заводы,
Огнями светят города.

А коль смотреть на вещи шире —
Немало изменений в мире
И все стремительней прогресс.
Гудят машины и моторы,
И состояние минора
С движением идет вразрез.

Автор:

Я не о том! Закон природы —
Уходят целые народы
Со сцены. Если это так,
То снова распадутся звенья,
Всё погребет песок забвенья.
Зачем тогда спешить, чужак?

Пускай мы, предположим, пешки.
Не можем знать причины спешки.
Но, право, не об этом речь.
Всё интенсивнее движенье...
А пункт конечный назначенья
Способен ли кого привлечь?

Последняя из пересадок.
На кладбище царит порядок.
Колеблются остатки лент.
И пред могильными крестами,
Как генерал перед войсками,
Стоит громоздкий монумент.
Он словно говорит: «Я вечен...»

Председатель месткома:

Ну, не будем больше об этом. Тем более, что до праздников – всего ничего. Пойду к Инге Мефодиевне. Уж она-то не подведет.

6 января 1972

Эпизод

«Всё разрушительнее войны,
Непримиримее вражда.
И вырывается невольно:
Куда мы движемся? Куда?»

Не видно за кустами леса,
И в том беда, а не вина.
Ужели двигатель прогресса
Все та же древняя война?

И мир грохочущий расколот,
Железный мир железных снов!
И правит первобытный голод,
Прикрытый лоскутами слов»,—

Так думал физик-теоретик,
Наружность коего странна,
Трамвайный оторвав билетик
И примостившись у окна.

В подбитом ветерком пальтишке
Ходил он в эти холода.
Нелепо на лице мальчишки
Его чернела борода.

Он бледен был, угрюм и замкнут,
Должно быть, не имел друзей.
И ум его был мыслью занят
Спасения планеты всей.

И в мире отвлеченных формул
Он видел закорючки зла...
Он дверь рывком неловким дернул—
И вдруг посыпалась зола.

А в очертаньях установки
Ему почудились гробы,
Прибегнув к маленькой уловке,
Его потом свезли в «Столбы».

...И место нашего героя
Заполнил новый аспирант,
Веселой занялся игрою,
Имея к физике талант.

21 января 1972

* * *

И глаз устал смотреть,
И слушать — ухо.
Вот так однажды смерть
Придет старуха.

Тумана серый гнет,
Разбухла глина.
Распался и гниет
Труп исполина.

Бумаги лоскуты,
Сор за оградой —
Как белые цветы,
Что для обряда.

И вновь животный страх
Почти неведом.
А жаль. Ведь он в боях
Ведет к победам.

Я не имел в виду
Стремленье выжиг
Любой ценой в беду
Лихую выжить...

Вот старый дуралей,
Разнылся на ночь.
Шампанского налей,
Сергей Иванович!

23 марта 1972

* * *

Рядом с храмом стадион.
Тут по регби встреча,
И стоит в округе стон
Наподобье веча.

Давит стенка «голубых»,
«Желтые» в защите.
Коль получите под дых,
Тут уж не взыщите.

Краснолицый капитан
Повернулся круто.
Устремился по пятам
«Чистильщик» Васюта.

Пал Васюта недвижим,
Дышит конвульсивно,
Потому что он режим
Нарушал спортивный.

Стадион кругом ревет,
И в разгаре встреча.
Где-то с посохом бредет
Иоанн Предтеча.

1972

* * *

Завелто сидлобоки
Дугаба теримбо.
—Цени свои пороки,—
Говаривал Рембо.

Зашил он в пояс деньги
И золотой песок.
Трапази ма туэнте
Зимбалы посуок.

Осень 1972

* * *

Страдала героиня.
Ты вместе с ней страдал.
Рыдала героиня.
Ты вместе с ней рыдал.

Спать не ложился, медлил.
Роман читал всю ночь.
А нищего заметил,
Пошел скорее прочь.

11 ноября 1972

* * *

Писали раньше про мартышку,
Про муравья и про стрекоз.
Теперь открой любую книжку –
Сплошные заросли берез.

Родных берез... Без них ни шагу.
Несут любовь им и печаль.
Изводят чистую бумагу
(Всё из берез). А где мораль?

18 ноября 1972

Воскресенье

Я целый день провел в бесплодном
И душу истомившем созерцании.
На поприще международном,
Прочел, успех сопутствует Танзании.

В какой возникла части света
Страна такая, я не ведаю.
Тогда решил узнать про это
У сына за столом, обедая.

Но, чтоб не показаться глупым,
С вопросом я подъехал сбоку
И произнес, покончив с супом:
«А ведь они пойдут далеко».

В вечернем университете
Мой сын о внешнем мире слушал лекции.
«Да, — говорит, — Бобковы эти —
Ребята правильной комплекции».

«Да я совсем не о Бобковых». —
«О ком же ты?» — «Всё о Танзании.
Я жду от танзанийцев новых
Шагов в их праведном дерзании».
И смолк.

24 декабря 1972

* * *

Сменялись царства,
Цари, пророки.
В чести коварство,
Цвели пороки.

В круговороте
Убийств и казней
Страданья плоти
Всё безобразней.

На кол посажен,
Кишки наружу,
Обезображен,
Кровь каплет в лужу.

— Чихаешь, милый?
Прогоним хворость! —
И с новой силой
Пылает хворост.

В мать скинул семя.
Дитё баюкал.
А после темя
Его об угол.

Насытив похоть,
Прирезал бабу.
Пожар и хохот!
И возглас слабый.

Всё выше пламя,
И стоны тише.
Треща углами,
Упала крыша.

И с чувством, с толком,
Смеясь, фельдфебель
Мочился долго
На теплый пепел...

Мольбам не внемля,
Сторонний, лишний,
На нашу землю
Взирал Всевышний.

9 января 1973

* * *

Как на сера воробушка
Как на села хворобушка!
Оттого-то он
Весь нахохленный,
Весь нахохленный,
Головой поник,
Головой поник,
Думу думает.

~1973

* * *

Жизнь полна противоречий
И бредет слепою клячей.
Род, как видно, человеческий
Не способен жить иначе.

Подытожив мысли эти,
Ты, поэт, себе заметь:
Чтобы жить на белом свете,
Надо мужество иметь.

1955, 1973

* * *

Обшарпана больница городская.
Заместо стекол кое-где фанера,
Покраска стен безрадостных тонов
Покрылась пузырями, облупилась.
Понятны беды здравоохраненья:
Совместно с ростом благосостоянья
Растут болезни, каждый норовит
Чуть что — в больницу, благо что бесплатно.
А есть такие, что больных старух
Сюда привозят, вроде бы не зная,
Что те старухи уж «неперспективны» —
Пролеживают место, а конец
Один, — так лучше дома полежали б.
Вот лестничная клетка. Автомат —
Глотатель двухкопеечных монет, —
За эту цену боль, тоска и радость
По ниточке, готовой оборваться,
Куда-то устремляются во тьму.
Всегда здесь людно. Сколько надо «двушек»! —
Возить бы их с Монетного двора.
А вот на этом месте у стены
На корточках сидел частенько парень,
Верней, мужчина, только низкорослый.
Курил в рукав, за что его ругали.
На сердце операцию ему
Готовились проделать. Сложный случай,
И потому профессор знаменитый
Был должен оперировать его.
В больнице распорядок — как в войсках,
Режим — залог здоровья, в два часа
Ходячие в столовую идут,
Как говорится, для приема пищи.
Одна деталь: больным при поступленье
Дают халат и нижнее белье,
Впридачу — ложку. И больной обязан
Всегда иметь ту ложку при себе,
Почти что как солдат, — но у того
Для этой цели служат голенища.
У персонала логика проста:
Когда бы ложки на столах лежали,

То их бы непременно растащили.
Да так оно и было. Ведь народ
Еще к такой свободе не приучен.
Потом ищи-свищи, плати за ложки.
В тот день давали суточные щи
«По-вегетариански» (на бульоне)
И на второе – кашу-размазню.
А наш курильщик ложку позабыл
В своей палате, ниже этажом.
Он попросил дородную сестру-
Хозяйку дать ему на время ложку,
На что она ответила сердито,
Что «ложек так на всех не напасешься».
Тогда курильщик бледный, наклонившись,
Стал через край тарелки щи хлебать.
Дойдя до размазни, поднялся резко,
К себе сошел по лестнице в палату,
На койку лег, закрыл глаза и умер.
...Узнав про то, профессор знаменитый
Разгон всему устроил персоналу.
Он говорил, что случай уникальный,
Что он в литературе не описан,
И пояснить пытался суть болезни,
Переходя на звучную латынь.

20 декабря 1973

* * *

Неужто прав мудрец
Блистательной эпохи:
Кто не дурак — подлец,
Урвать спешащий крохи?

Все ближе пустота,
Сердечное удушье,
Когда и доброта —
Лишь признак равнодушья.

Январь 1974

* * *

Как будничны и как трагичны лица,
Когда перед глазами проплывают
Несвязной вереницею. Помедлят,
Чтобы потом исчезнуть без следа.
Вот девушка уткнулась носом в книжку.
Чужая жизнь, как бесконечный поезд,
Составленный из слов и многоточий,
В ее зрачки втекает, как в тоннель.
Смеются парни, их веселый гогот
И лица бородатые трагичны,
Поскольку неизвестно им пока,
Что ожидает их за поворотом.
Мужчина (видимо, отец семейства)
С детьми, женою и ручной кладью
Куда-то едет. Для чего? Не знает.
В его глазах такая пустота,
Что лучше бы пожар иль наводнение.
...Ваганьково. Заплаканные лица
Родных и близких. Гроб не заколочен.
И только у покойника с лица
Исчезло выражение трагизма.

Июль 1974

Наигрыши

Бодро, непринужденно

Как у бабушки-старушки
Дуба дали все подружки.
Ай-люли! Ай-люли!
В мир загробный отошли.

Наша бабка – атеистка,
По характеру артистка –
Пляшет, топает ногой:
– Хоть денек еще, да мой!

Со старушкой мы согласны –
Причитания напрасны,
Подпеваем ей вослед:
– Восемь бед – один ответ!

В нашем доме каруселью
Так и крутится веселье:
Этих в урну, этих в гроб,
Всех помянем, кто усоп.

Ай-люли! Ай-люли!
В мир загробный отошли.

1974

Подражания восточному

*

Внутри тебя и счастье и беда—
Пойми и успокойся навсегда.
А быстротечные приметы мира
Исчезнут, не останется следа.

*

Кудлат был — нынче лысина с поднос.
Когда-то пел — теперь бурчишь под нос.
Ты, угощавший всех вином искристым,
Ждешь робко — пива б кто-нибудь поднес.

*

Спокойным взглядом в прошлое гляжу
И о прошедшем вовсе не тужу.
Лежал в пеленках, корчился бессильно—
И вот опять беспомощен лежу.

*

Мне кажется, что я сошел с ума.
Что странен я, ты подтвердишь сама.
Когда бы в полном здравье находился,
Спросил бы: где мой посох и сума?

*

Во мне живут два разных существа.
Одно грустит, другому трын-трава.
Одно беспечно, скаречно другое.
Как примирить их? Пухнет голова.

*

О высшем смысле потолкуем, братцы.
Нелепа жизнь — есть, спать и напиваться.
А зло творить, твердя о благородстве,—
Еще нелепей, если разобраться.

*

О, сколько слов я слышал с давних пор—
Их вымести б из головы, как сор.
Их шелухой извилины забиты,
«А вместо сердца — пламенный мотор!»

*

Когда перед тобой бокал с вином,
Ты, выпивши, не становись бревном.
Зачем, Смирнов, вкушаешь яд пьянящий?
Чтоб устранить разлад в себе самом.

1974, 1975

* * *

Надоело в казарме сидеть капитану.
Он подумал: не скинуть ли нам Каэтану?
Есть солдаты, винтовки и бронемашинны.
Отличал капитана характер мужчины.
В нашем мире винтовка – реальная сила.
Остальное – слова. Ожиревших – на мыло!
Он об этом другому сказал капитану,
И они сговорились убраться Каэтану:
«Мы однажды подыдем солдат по тревоге,
Остальное решим, так сказать, по дороге».
...Мне не близок диктатор с его камарильей,
Проявивший в часы роковые бессилье.
Капитаны решительны и симпатичны,
Изучили военное дело отлично.
В Мозамбике крещение прошли и в Анголе.
Жажда действий к тому же сильнее неволи.
...На плацу я вышагивал, помню, часами.
Капитан Полуянов командовал нами.
С удовольствием он демонстрировал браво
Повороты в движенье – налево, направо.

24 января 1975

* * *

Что-то в жизни изменилось,
Всё не то.
То ли сердце изнашивается,
То ль пальто.

Пролетают зимы, вёсны
И года
Как-то очень несерьёзно,
В никуда.

Лиц забытых вереница,
Слабый свет...
А потом: «Пожалте бриться» —
И привет.

1975

* * *

Безверие, ты говорливо,
И слов тебе не занимать.
Потупится вера стыдливо,
Тебе же на стыд наплевать.

Упрямо толкаясь локтями,
Ты в первые вторглось ряды,
За жирными лезешь ломтями,
Свое не упустишь. Куды!

Нет, ты не безверье святое,
Которому путь — на костер.
Ты, в сущности, место пустое
И родины нашей позор.

В словесной своей оболочке
И с легкостью в сердце своем
Ты, может, не стоишь ни строчки.
Подумал — и кончу на сем.

6 декабря 1975

* * *

Ночью думается лучше,
Громче тишина.
За окошком — снег сыпучий,
Крепость чуть видна.

Я задергиваю штору
И сажусь к столу.
Вознести сейчас бы впору
Господу хвалу,

Что живу хоть небогато,
Все же сыт, в тепле,
Не кривой и не горбатый,
Не на костыле.

И жена моя Марьяна
Преспokoйно спит,
Потому что утром рано
Встать ей предстоит.

Нагулялись за день дети
И объаты сном.
Все устроено на свете
Вроде бы «путем».

Только в голову нелепость
Влезла и свербит:
Что напротив дома — крепость,
Кто-то в ней не спит.

Теплый сгусток плоти грешной,
Съежась на полу,
Он возносит ли, сердешный,
Господу хвалу?

1976

* * *

Прилетели инопланетяне,
Приземлились на большой поляне.
Звездолет похож на самовар.
Только он повыше и пошире.
Сосчитали крантики — четыре,
И идет не кипяток, а пар.

Мы раскрыли дружески объятия, —
Так сказать, по разуму собратья,
Встречи ждали сотни тысяч лет.
Сообщат пришельцы нам известья,
Как живут они в своем созвездье,
Принесут с собой познания свет.

...Вылезли из «самовара» рожи,
Ни на что земное не похожи,
И, к тому ж, одна страшней другой.
Быстро дали нам свои законы.
Мужиков отправили в загоны,
Некоторых — сразу на убой.

И, молочные создавши фермы,
Поступили с женщинами скверно,
Неохота даже уточнять.
«Млечный путь» — насмешка, между прочим,
С молоком в Галактике не очень...
Это тоже надо понимать.

Чётка иерархия природы:
Травы, насекомые, народы —
Как же пирамида высока!
Мы не на вершине той фигуры.
Посему дерите с нас три шкуры,
Жарьте на огне окорока.

А пришельцы методом сравнения
Сделали такое заключение:
У ученых мясо понежней.
Снова им вручили телескопы,
Канцтовары, счеты, микроскопы,
В креслах содержали много дней.

...Так довольно долго продолжалось.
Только эволюция вмешалась —
Звездный деградировал отряд.
Оказалось, времени течение
Там у них другого направленья —
Не вперед, а вроде бы назад...

Где-то в джунглях, возле Амазонки,
От цивилизации в сторонке, —
Звезды в небе, словно фонари, —
Вылезают в этот час из норок
Существа какие-то, которых
Лакомством считают дикари.

1976

* * *

В ресторане «Карадаг»,
Что видал немало драк,
Я сказал саксофонисту,
Что играет он не так.

Мне на то саксофонист:
«Тоже выискался Лист!» —
И такую выдал ноту,
Что кругом раздался свист.

Слышалось со всех сторон,
Чтоб заткнулся саксофон,
Был при этом сервировке
Нанесен большой урон.

Я, покинув «Карадаг»,
Рассудил примерно так:
Музыкальный слух, как видно,
Был причиной многих драк.

~1976

* * *

Кто же все-таки добрый
На свете, кто — нет?
Побеседуйте с коброй
На этот предмет.

Уж она несомненно
Добрее, чем друг.
Убивает мгновенно —
Не длит ваших мук.

1976

* * *

Снилось мне, что на острове Яве,
Среди вечнозеленых деревьев,
Предавался я нежной забаве
С целым роем смеющихся дев.

Как цветы, молодые яванки
Хороши. На какую ни глянь,
У любой грациозность осанки
Не скрывала узорная ткань.

(А вдали возвышался шикарно
Особняк президента Сукарно.)

Каково же мое пробужденье
Вдалеке от лазурных морей?
Я почувствовал предубежденье
В честном взгляде любимой моей.

Объяснял ей, печальный и кроткий:
«В диалектике скрыто все зло —
Ведь количество выпитой водки
Просто в качество вдруг перешло».

(Но закончил я очень бездарно,
Как когда-то все тот же Сукарно.)

1976

Сад

Цветы на дерева,
Как мотыльки, присели.
Сгущалась синева
На нашей параллели.

И дальняя звезда
Светила одиноко,
Как Страшного суда
Внимательное око.

А сад благоухал
Любой травинкой малой.
Крылами опахал
Предгрозые колыхало.

И мускулы листа
Сжимались, чуя взбучку.
Нередко красота
И смерть идут под ручку.

Прикрыл глаза фасад
Балконом из балясин.
Притих больничный сад
И как же был прекрасен.

1977

* * *

Воробьи в пыли купаются.
Солнце светит горячей.
Бабка в скверике копается.
Бобик греется ничей.

Солнце скрылося за облако.
Ветер сдунул воробьев.
Бабки нет. Не видно бобика.
Где-то он отыщет кров?..

1978

Миниатюры

* * *

— Любовь — это солнце в безоблачный день,
Когда лучи прогоняют тень!

— О нет, любовь — среди тенистого сада
От солнца спасающая прохлада...

И долго шел спор над этим вопросом
Между негром и эскимосом.

1953

* * *

На крышах снег. На сердце снег.
Но мучит мысль простая:
Снег с крыш слиняет по весне,—
А в сердце он растает?

1956

* * *

Курю дешевые сигареты.
Старательно врет старшина на гармошке.
И вертится в мыслях обрывок куплета:
«Остались от козлика рожки да ножки».

Весна 1956

Эпиграмма

Зарыл ты в землю свой талант,
И навсегда от мира скрыто,
Что ты бездарный музыкант
И незадачливый пиита.

~1956

* * *

На мостовой теней сплетенье, :
И тень моя среди теней
То самой бледной бродит тенью,
То всех теней она темней.

(~1957)

* * *

В саду на даче бродят призраки.
Собака лает по обязанности,
Чтоб выразить формально признаки
Своей сторожевой привязанности.

(1959)

* * *

Изменились времена и люди,
И теперь совсем не дико видеть:
Девушка стоит с милиционером,
Крутится на тонком каблучке,
Милого сержантом называет...

Июль 1959

* * *

Я хочу, чтобы друзья мои
Жили все на улице одной,
Чтобы каждым вечером они
Выходили из своих домов
И гуляли из конца в конец,
И при встрече улыбались мне.

Июль 1959

* * *

— Это ты, Никола́я?
— Это я — Никола́я...
— Ну-ка, дров наколи, —
Понукают Никола́ю.
Никола́я не́кает —
Николé некогда.

1960

* * *

Ушли, оставив на полянке
Клочки газет, бутылки, банки.

Потом устроили гулянку,
Приметив новую полянку.

И чистых больше нет полянок.
Есть лес бутылок, горы банок.

1961

* * *

В галошах валенки.
Тонка шинель.
На Нижней Ваенге
Не снег — шрапнель...

(1961) <1967>

* * *

Как будто всё на месте в мире
Летает космонавт-4
Я в сурдокамере сижу
Я в сурдо-комнате сижу
В абсурдной комнате хожу
И походя с ума схожу

1962

* * *

Я тебя люблю, наверное,
Или это «чисто нервное».

1962

* * *

Зубная боль в сердце.
Генрих Гейне

Мне было плохо. Очень плохо.
Я болью мучился зубной.
А на дворе была эпоха,
И жил напротив врач зубной.

~1962

* * *

Я знаю, ты меня покинешь,
Но это я переживу.
Ты ж манекенщица, богиня ж,
А я лишь техник в РЖУ.

1963

* * *

...И припаяли мукомолу
За то, что сеял он крамолу.
Хотя бедняга-мукомол
Всю жизнь одну муку молол.

~1963

* * *

Отчего нет согласия в мире?
2×2 у всех народов 4.
Все сначала рождаются,
Пеленки марают,
Живут, заблуждаются
И умирают.

(~1963)

* * *

Меня укачивают ямбы
Повторов мерной чередой.
Так трется о подножье дамбы
Прибой намыленной щекой.

1965

* * *

Покончив с трапезой вечерней,
Иуду стукнув по затылку,
Я говорю: «Не лезь в бутылку,
Когда обделит виночерпий».

~1965

* * *

Могила неизвестного солдата.
Но тот солдат известным был когда-то.
И были у него отец и мать.
Гадали долго, как его назвать...

1965

Эпитафия

Под камнем сим лежит поэт,
Изведал он немало бед,
Поскольку рифмой корневой
Писал о базе кормовой.

1967

* * *

В кумачом когда обитом
Будешь ты гробу лежать,
Так же будут по орбитам
В тебе атомы летать.

1967

* * *

И вот очнулся я на свете,
Небритый, старый человек,
И вижу: подрастают дети,
А мимо пролетает век.

~1967

* * *

Когда настанет света окончанье,
Все как один почтим его молчаньем.

~1967

* * *

Когда у динозавра
Отъели полхвоста,
Он осознал назавтра,
Что это неспроста.

~1967

* * *

Не добивайся истины,
Кому она нужна!
Любую веру истово
Прими, она верна.

(1969) <1975>

* * *

Период пуризма окончен.
Спасибо на этом. Пора.
Фотограф не менее точен,
Но это не участь пера.

1972

* * *

Отрасти шаровидное пузо,
Жуй прилежно, похрапывай всласть
И катись в направлении лузы,
Чтоб в нее потихоньку упасть.

1973

* * *

Ты родился, рос, мужал,
Пиво с водкой не мешал.
Очень цельная натура!
Быть таким и я мечтал.

Декабрь 1973

* * *

Когда ринит вазомоторен,
В его леченьи будь упорен.

Лето 1974

* * *

Когда душа от тела отлетает,
Куда потом девается она?
В пустом холодном космосе витает
Иль где-то близко, только не видна?

1974

* * *

Плеченогие,
Динозавры,
А теперь — человек...
Кто появится завтра?
Чей надвинется век?

1974

* * *

Мне участь такая обрыдла —
Ходатаем собственным быть
У малопочтенного быдла.
Уж лучше без просыпу пить.

Январь 1975

* * *

Всю бы жизнь провел в нирване
На диване.
Но, увы, куда ни глянь —
Всюду рвань.

Весна 1975

* * *

— Писать стихи — какая чушь! —
Сказал создатель «Мертвых душ».
— Ведь даже и от прозы
Нет ощутимой пользы.

1975

* * *

Я умылся и побрился
И обратно лег в постель,
Потому как убедился,
Что утратил в жизни цель.

1975

* * *

Уехал — был очаг.
Вернулся — пепелище.
Голодный вой собак.
И ветер дико свищет.

~1975

* * *

Мы все живем в тисках размера,
Будь амфибрахий то иль ямб.
Свобода — это лишь химера
Любимцев освещенных рамп.

1976

* * *

Не утомляй свой мозг усталый,
Ведь нужен отдых веществу.
Довольствуйся толикой малой.
А спросят: что творишь? — Живу.

1978

ЗАПИСИ

1961

Люмпен танцует танго.

1962

Стегоцефалов травили дустом.

1963

Статуэтки из белого камня весом около пуда (орлы, медведи, тигры). Обязательна надпись золотом, вроде: «Дорогой Нине Георгиевне в день 8 марта от учеников 7 класса вечерней школы».

Слащавый тенор Виноградов.

1964

Полынь — как изморозь, вернее, иней.

Дерево корявое.

Розовый теленочек сказал старухе: «Не спится юному ковбою». Старуха насмерть обиделась.

Иногда он пугал домашних: вот уйду к ирокезам!..

1965

— Топа, иди на наше место!

— Топа, не гоняй голубей, они наши!

— Топа, опять ты нашел какую-то дрянь!

— Топа, иди сюда, а то я тебя поколочу как не знаю кого!

— Топа, идти нужно по тротуару!

Собака по возрасту старше ее примерно вдвое...

баталёрка рундучная

1966

— Кто вы такой?

— Я — председатель общества декоративных собак.

— Я не об этом.

— Я — Иванов.

— Опять не то. Кто вы?

Он не знал.

1967

Ты помнишь городок в Карпатах?

Аист живет на крыше разрушенного костела; крылья хлопают, как дверцы, когда он, вытягивая ноги, садится.

Пейзаж: аисты, триангуляционные вышки, дубы.

Вероятно, Магомет разрешил султанам иметь гарем, чтобы при решении важных государственных проблем их не волновали и не отвлекали женщины. Для султанов «половой вопрос» решен.

Прекрасный человек, но фехтовать не умел.

Цивилизация грибов (во всемирном масштабе).

Гость — устрашение дома. Я гость.

1968

Пойми одного человека.

1969

Цветочный ряд (Тишинский рынок).

На дощечках с наивным изображением цветов: аквилегия, махровая петуния, сальвия, циния, тимошкина трава (газон. трава), львиный зев, настурция, разноцвет, ноготки, резеда, золотые шары, астры, китайская роза, флоксы, маки, гортензия, шафран, колокольчики, хризантемы.

— Двадцать семь морозов прошло, можно сажать...
(От Сорокоуста?)

Инвалид сидит, как идол, на тележке (безногий).

Дань собирает с достоинством; если есть покупатели, становится в очередь, коммерции не мешает. Цветочный ряд — сплошь одни старухи в рыжих плюшевых сапогах (вся-то их торговля копеечная) — подают медяки безропотно, как надо, как положено, по-божески, по-людски.

Цена семян — 10 коп. ложка.

— Что ж у тебя, милая, для этих семян такая ложка, а для других?..

— Так ты посмотри — энти семена во какие большие, а энти совсем махонькие... Их посчитать, так больше будет.

На «толкучке» никого нет — ни старух с барахлом, ни пьяниц со спецодеждой, ни татар-перекупщиков. Один старшина милиции с красным лицом прохаживается.

Подозрительное спокойствие.

Ах вот оно что! «Толкучка» переехала в другой конец рынка.

Да и куда ей деться, была и будет.

Цены в основном от рубля и ниже.

— Почем сапоги?

— Семьдесят копеек!

— На помойку неси!

Татары — самые уважаемые люди, торгуют новыми воен. сапогами (сын — «офицер»), комбинезонами и др.

Можно купить часы, которые не ходят, с браслетом (1.5 р.), щенка без родословной и т.д.

Садик у Тишинки, пристанище алкоголиков, «кодеинщиков», с печатью порока на лице. Пьют какую-то смесь то ли из химикатов, то ли медикаментов.

Иногда возникают ссоры:

— ...Я все 17 копеек полностью внесла!

Выпив, быстро деревянеют.

Появляется молоденький милиционер в черном халате, вытаскивает «посетителей» из садика.

Старуху (алкоголичку) лет под семьдесят тащит за шиворот, ногой поддает под задницу. Старуха бодро отдает честь встречным.

Привилегия, претензия. Аквилегия, гортензия. (От лукавого.)

1970

11 июня [1970 года]. Телеф. звонок: — Юрочка? — Да. — Это Петя Вегин. Сообщаю тебе об ужасном событии — тебя вчера приняли в СП. — Боже мой, что же мне теперь делать?

В подобном варианте сообщил Марьяне, она чуть не упала в обморок.

У древних богомазов на иконах драконы имеют собачьи морды. Другие звери не позировали.

Деревянные мозги.

Стихотворение «Мне кажется, что я оглох...» показалось Винокурову манерным. Не согласен... Честно пытался выразить свое внутреннее состояние.

1971

Лейтенант молочно-восковой спелости.

Мне слышатся неуклонные свинцово-тяжелые шаги материализма. А на ветру колышется выцветшая голубенькая занавеска «идеального».

И. лежала в больнице. Вместе с ней лежали две древние старухи. Беседы в основном о смерти: кто как к ней подготовился. Одна: Я, значит, чепец себе сшила и кофточку с оборками. Другая: И-и-и, милая, да ведь с оборками нынче не носят.

Дневниковые записи Блока и его письма производят на меня большее впечатление, чем стихи, за исключением любимых стихов. Стихи в массе водянисты.

Ереван, июнь 1971 г.

Сардарабад. Долина, виден турецкий элеватор на фоне Арарата. Маленький хозяйственный домик.

Эчмиадзин. Жирный монах. Мальчишки-армяне из духовной семинарии.

Съезд писателей. Притворство.

Спал. Был японцем. Это очень трудно, все время путался в кимоно. Да еще по Японии прокатилась волна преступности. Гулял вечером с одной знакомой японкой. Около Крымского моста, расцвеченного иллюминацией, меня настигла толпа головорезов. Еле отбился,— хорошо, что у меня был перочинный нож, подаренный Смородкиным. Толпа покатила дальше, приставая к женщинам. Я вернулся домой. Через некоторое время слышу лязг металла. Это головорезы захотели со мной рассчитаться. Пытаются сломать замок. Отчетливое скрежетанье напильника. Звук становится невыносимым.

Да что я в этой Японии не видал? Проснулся. Павлик мастерит гитару.

Во время разных праздников Бутырская тюрьма, расположенная напротив нашего дома, тоже ликует. Во время салютов оттуда слышны возгласы и здравицы.

В честь запуска, например, доносилось: «Свободу греческим патриотам!»

За дверь слышу почтительные голоса: «Юра работает?» — «Да, работает!»

Черта с два. Сижу, тупо уставясь в одну точку. Хороша работа!

Познакомился с неким Маратом. Очень развязен и шумен. При знакомстве удивленно спросил у него: «Разве тебя еще не зарезали в ванной?»

1972

На скромном личном опыте, а также наблюдая за жизнью родных и знакомых, я заметил, что в человеческой жизни (во всяком случае у мужчин) отчетливо выделяются следующие периоды:

Первый. 14–16 лет. Мировая скорбь, часто носящая космический оттенок. (Например: «Солнце все равно когда-нибудь потухнет».)

Второй. 22–26. Стремление принести пользу отечеству, пострадав за правду (не иначе), требование гражданских свобод. Типичное заблуждение, что со свободами лучше.

Третий. 33–37. Пробуждение интереса к своему служебному положению.

Четвертый. Около 40. Неудачная попытка захвата власти в собственной семье.

(Эксперимент продолжается.)

Собачонка наполнена лаем.

Гремучий студень Кибальчича.

Рыцари — танки средневековья.

Из пучин океана поднимается колония кораллов, живет лишь тончайший слой — все прочее известняк, камень.

Но без этого каменного основания колония жить не может.

Нинка-«Цветоложка» (должность в школе — подносить цветы гостям, класть на могилы. Для этого выбирают красивую девочку «цветоложку»).

Меня не устраивает поэзия того кружевного направления, когда всё, что увидено — описано (иногда с большим вкусом), и описания нескончаемы. К середине забываешь, с чего начиналось стихотворение. Его можно прервать в любом месте, но ничего существенно не изменится.

Эти поэты — кутята в области архитектоники произведения, они не чувствуют соразмерности отдельных его частей. Иногда у них что-то получается, но вероятность этого такая же, как при игре в рулетку.

Если вы стояли когда-нибудь на носу плывущего парохода, то могли видеть образующийся у самого его острия бурунчик. Наша жизнь тоже путешествие, только во времени, и окружающий мир существует лишь в мгновение образования «бурунчика». Прошное безнадежно отстает. Будущее неразлично: оно — результат творчества природы и всего человечества (от сумасшедшего до гения). Суммировать все желания и возможности, порой парадоксальные, не сможет ни одна счетная машина. Поэтому корабль неуправляем.

Я перестал гримасничать с тех пор, как заметил, что и так уродлив.

1973

Ранний Пастернак — гениальный графоман, т.е. человек с моторной потребностью писать, описывать всё что его окружает, причем случайность отражения возведена в принцип: «И чем случайней, тем вернее...»

Это антитеза заданности, т.е. придуманности.

Но тут лишь половина правды (если ее можно делить). Случайность, незаинтересованность, остраненность могут привести иногда к объективным (не спекулятивным) истинам, но чаще это не более чем блестящий каталог.

Поэтому поздний Пастернак с признаками старческого морализаторства мне гораздо ближе; из некоторых его шедевров слова не выбьешь, не то что вынуть строфу, как из ранних вещей, где это не привело бы к ощутимой потере.

Думаю, что «хиппи» у нас не привьются: слишком трудно выделиться заплатами на фоне всеобщей оборванности.

Если не можешь заставить сопереживать — восхити!

На вокзале в Куйбышеве ко мне подошла, блистая золотыми зубами, молодая цыганка. На руках у нее годовалый ребенок.
— Красивый, дай моему огольцу папироску покурить!

На спинах спортсменов белели нагрудные номера.

Междугородний звонок. Невнятное бормотанье на невероятном языке. Повесил трубку. Теперь голос металлический. Телефонистка.

— Почему не отвечаете Газачаку?

— Я не знаю, что это такое и почему я должен ему отвечать.

— Нужно было изучать географию! Это управление?

— Нет, вигвам.

1974

Есть две полярные системы стихотворчества.

Одна — четко графическая, пытающаяся запечатлеть приметы окружающего мира. Ей обычно трудно расстаться с деталями. Опасность, грозящая такой системе, — вырождение в каталог, инвентаризацию, опись и т.д.

Другая система — расплывчатая, приблизительная по словам, верная лишь одному душевному порыву, пренебрегающая земными связями, а зачастую и грамматикой.

Шедевры русской поэзии достигнуты где-то на пересечении двух этих направлений.

«Плохие» стихи необходимы для хорошей, в целом, книги. Во-первых, они дают пищу для разговоров собратьям по цеху. Во-вторых, эти стихи, как правило, нравятся широкому читателю больше других.

Сны (во время работы над сельскохозяйственным телефильмом):

- 1) «Ягодизация всей страны» (новый лозунг), т.е. разведение ягод.
- 2) «Редкая домашняя птица спит на спине» (из научного сообщения).

Трибуна ипподрома — клавиатура «Ундервуда».

Лифтовые шахты — мерцающие кишечные тракты домов.

В то время как во сне я отдыхал в одном из черноморских курортных городков где-то в районе Старого Крыма, там разразилась эпидемия неизвестной болезни. Отдыхающих изолировали в большом здании школы, не то больницы, похожей на школу.

Было очень жарко и скучно. Из знаменитостей здесь оказался лишь Суворов-Рымникский. Лично его знал только я. В качестве доказательства показывал огромную бутылку странной формы и говорил, что генералиссимус подарил мне ее в 1812 г., после битвы при Бородино. Верили. Просили познакомиться с полководцем. Я заходил в комнату, где располагался Александр Васильевич. Он лежал на кровати без движения, накрытый до подбородка простыней. Выходя на цыпочках в коридор, я говорил собравшимся у двери: «Граф почивают, ведь они такие старенькие...»

1975

Пространства и времени не существует. Их выдумали люди, чтобы не заблудиться.

По безоблачному небу плыли кучевые облака.

В Смоленске на главной улице обратился к прохожему:

— Как пройти к Успенскому собору?

— А вы что — верующий?

Я сказал, что это очень сложный вопрос...

Прохожий оказался раввином, совершившим в свое время путешествие в Палестину. Ему 79 лет. Объяснил мне, как пройти к собору. Извинился, что не может меня проводить — ноги болят.

Храм расположен на склоне.

Грандиозный золотой иконостас.

Слева — плащаница. Снятие Христа с распятия.

Кругом суетятся здоровенные краснощекие парни в свитерах, похожие на хоккеистов. Иноки. Проводят проводку.

Вечером — служба.

Ее будет отправлять владыко.

На обратном пути играл с мальчишками в «пристенок», проигрался. Все были довольны.

Ресторан: летчики, актер (черн. человек), капельмейстер и т.д.

«...Писатели в массе своей народ довольно интересный. Они много разговаривают, спорят, собирают камни и корни растений. Некоторые из них даже пишут...»

«Когда ему выбили несколько зубов, он и в этом нашел нечто положительное: «Времени на их чистку уходит меньше», — говорил он, улыбаясь щербато».

1976

Трехлетний Глебчик сказал:

— Очень приятная собака. Не кусается.

Один из принципов управления: сбивать овец в стадо, так легче их вести к водопою.

Человек с бородой никогда не бывает небритым.

Все теории правильны. Жизнь неправильна.

Никто нигде никогда никого ничему не научил.

Для того, чтобы читать даже самые немудреные книги, надо уметь читать (т.е. знать алфавит и т.д.). Для того, чтобы смотреть кино, нужно просто видеть, т.е. иметь глаза.

Это к вопросу о демократизме искусства.

Грибной дух в Минаевском проезде.

Славой можно объесться и в маленькой компании.

— Посмотри (показывает), какое небо синее... (муз. Пахмутовой)

Глебчик кричит:

— Я начальник!

И все хором:

— И я начальник!

Один нашелся:

— А я командир!

Глебчик:

— Мне уже четыре с половиной года. Вполне могу играть с собакой.

1977

В Пушкинском (!) отделении ломбарда висит плакат, в глаза бросилась вторая часть начертанной на нем фразы: «...залог наших успехов!»

Все фляги в гости будут к нам.

Такому только дай точку опоры, он, пожалуй, и землю перевернет.

Хор папуасов:

Кокосы, кокосы,

Родные кокосы не спят...

НАБРОСКИ

* * *

Бывает, ночной прохожий
Близкого друга дороже.

1958

* * *

Уйдет он, не ворóтится,
Походкой воровской
По улице Воровского,
По бывшей Поварской...

~1960

* * *

Зимой холодно в Москве,
На крыши снег пушистый сыплет,
А за морями, на песке,
Как древний сфинкс, лежит Египет.

1961

* * *

Меня не желают печатать.
Вообще, это странно,
А в частности, просто печально,
Скрывать я не стану.

1961

* * *

коммунисты
каменисты

~1961

* * *

Что стало бы,
если бы из ансамбля «Реро»
Ушли евреи,
А «Экономическая газета»
печатала мои стихи?

~1961

* * *

Жалею я, что не могу
Сбежать куда-нибудь в тайгу.

~1961

* * *

Опять Никитские ворота
И магазинчик угловой.
Ты трезвый – белая ворона,
А если выпил – парень свой.

~1962

* * *

Орет потомок на кровати,
Комок неукротимой прыти.

1962

* * *

Не колесики, не винтики,
Не частицы аппарата –
Мы сегодня просто викинги,
Лоботрясы и пираты.

1962

* * *

Там где сосны корабельные
Бесконечно параллельные

1962

* * *

У василиска глаз как василёк
Весь вид его за то, что он беззлобен
И думает — насколько я съедобен

1963

* * *

Знаток механики и оптики,
Создатель линзы голубой,
Сложивши ручки на животике,
Качает лысой головой.

1963

* * *

Повышенная влажность,
Осенняя погода.
Идет, утратив важность,
Двуногая порода.

1963

* * *

Перед водителем автобуса
Лежат широкие пути.
К чему я знаю всё? А то бы сам
Мечтал в водители пойти.

1963

* * *

На Софийской набережной
Я какой-то набожный.
Будто чую истину
По-христиански истово.

1963

* * *

Краснодарское солнце
Над моей головой.
Краснощекая Сонька.
Платок голубой.

1963

* * *

И только санитарные машины
По правильному городу спешат

1963

* * *

Я оказался вдруг в Измайлово
Без видимой на то нужды,
А по настырной просьбе малого,
С которым путного не жди.

~1963

* * *

У Никитских ворот пелена из тумана, хоть выколи глаз

1964

* * *

После бомбежки храм восстановили,
Поставили богов на пьедестал,
И только голова Венеры
Куда-то закатилась.

1964

* * *

В нашем подъезде старуха ночует.
К стенке ольховая палка приставлена.
Зато у нас никого не линчуют
И больше чем надо мы знаем про Сталина.

1965

* * *

Ей нравился бледный мальчик,
С эстрады он Апухтина читал.

Теперь статист.

1965

* * *

Нельзя о чем-то говорить,
Нельзя о чем-то думать.
По мне – пускай огнем горим,
Такой я недоумок.

1965

* * *

Для доктора я пациент,
Для контролера – безбилетник.

1965

* * *

Ржевский переулочек.
Старый особняк.
Место для прогулок
Стриженных собак.

~1965

* * *

Живут во мне воспоминанья
О тех домах, где я бывал.
Где у седых людей признанья
Своей работе добывал.

~1966

* * *

Добро бы о насущном хлебе,
А то ведь так, о пустяках.

~1966

* * *

За полжизни всего-то прибыли –
Три десятка хороших стихов

~1966

* * *

Стучали яблоки всю ночь
О крышу,
Соседскую будили дочь
Аришу.

~1966

* * *

Е. Нестерову

Женька в Индии побывал.
Видел Ганг и священные рощи.
Я на днях у него побывал
В новом доме в Марьиной роще.

Он увлекся, руками махал,
Ведь не где-нибудь был, а в Индии,
Ведь не что-нибудь – Тадж-Махал! –
И не кто-нибудь – сами видели.

~1966

* * *

Опять мне страшно приступить
К своей работе,
Чтобы себя переступить
В конечном счете.

~1966

* * *

Через ливонские я проезжал поля

~1966

* * *

Всколыхнулась вода и сомкнула
Стекловидные глубы свои.

~1967

* * *

Создания праздного ума
Сколочены весьма добротню.

~1972

* * *

Это, думаешь, лист в темноту убежал, шелестя?

1972

* * *

Скотопрогонная дорога
Изрыта множеством копыт.

1973

* * *

Фонтаны зелени взметнулись

1973

* * *

Сыро в городе. Мокнут рамы.
На стекле запотевшем след.
Многословны герои драмы,
И неспешно скрипит сюжет.

1974

* * *

Живой поэт не нужен никому,
Да и себе он — горемыка — в тягость.

1974

* * *

В фуражке с околышем красным
С багровым широким лицом

1974

* * *

Ну что ты смотришь тусклым взглядом

1975

* * *

В гипотетической стране,
Скорее — где-то на востоке

1975

* * *

И вспышки редкие добра
Его потемки озаряют

1975

* * *

змеиное холоднокровье

1975

* * *

По четвергам бываем в бане,
Выписываем кренделя,
Играем Баха на баяне,
Насвистываем Генделя.

1976

* * *

Неподвижно стоят облака,
Словно горные кряжи.

1977/1978

ОБ АВТОРЕ

Биографическая справка

Юрий Васильевич Смирнов родился 27 августа 1933 года в Архангельске. Стихи писал с детства.

С 1946 года жил в Москве.

В 1952 году, после окончания средней школы, поступил в ленинградское Высшее инженерно-техническое училище Военно-морского флота. Учился хорошо, но в 1956 году был отчислен с 4-го курса за дерзость.

В 1956–1957 гг. проходил срочную службу в стройбате Северного флота.

Вернувшись в Москву, поступил в Московский институт инженеров городского строительства. При этом были учтены знания, полученные Смирновым в училище, поэтому институт он окончил довольно быстро, в 1959 году.

В 1959–1961 гг. работал прорабом на нескольких московских стройках.

С 1962 года работал инженером в Центральном НИИ экспериментального проектирования жилища.

С конца 50-х посещал литературное объединение «Магистраль». Здесь он познакомился и подружился с Вадимом Черняком и Александром Ароновым.

Первые публикации Смирнова относятся к началу 1960-х. С 1963 года, после подборки в «Новом мире» (где главным редактором был тогда А. Твардовский), стихотворения Смирнова стали появляться в периодике достаточно регулярно.

В 1964 году Юрий Смирнов женился на Марианне Куцевол. Вместе они воспитывали двух сыновей.

В 1969 году в издательстве «Советский писатель» вышла первая книга стихотворений Юрия Смирнова «Обруч».

В 1970 году вступил в Союз писателей. (Принят по рекомендациям Льва Славина и Ильи Френкеля.)

В 1974–1975 гг. перешёл из проектного института в проектное объединение «Союзводпроект»; принимал участие в подготовке и проведении международного конгресса по ирригации и дренажу; писал сценарии научно-популярных телефильмов.

В 1974 и 1976 годах вышли в свет еще две книги стихотворений Смирнова (см. библиографию).

В 1976 году поступил на Высшие литературные курсы (на семинар Александра Межирова).

В ночь с 21 на 22 ноября 1978 года Юрий Смирнов найден мертвым на заднем крыльце Центрального дома литераторов. Обстоятельства смерти не вполне ясны.

Александр Межиров

Из записки А. Межирова (как председателя комиссии по литературному наследству Ю. Смирнова) в издательство «Советский писатель» в связи с подготовкой книги «Знаки».

Не нуждаются стихи Ю. Смирнова в рекомендации, их давно приняли и полюбили все, кто любит, чувствует и сознает поэзию. И все же после ознакомления с неожиданно огромным архивом покойного поэта нельзя не сказать хотя бы несколько восхищенных слов. Человек гордый и редко скромный, взыскательный поэт Ю. Смирнов избрал путь несуетного накопления, и путь этот оказался единственно верным.

Ю. Смирнов не отвернулся от самой прозаической действительности и все же остался поэтом. Его душа была не меньше его таланта, и поэтическая дорога сама вела его от современного к вечному. Художник бывает философом только там, где он этого не сознает. Таковы стихи Ю. Смирнова с необычайной жаждой совершенной жизни. Его моральные оценки обращены к человеку, а не к абстракции.

Ю. Смирнов не был наемником новизны. Однако веяние свежести всегда исходит от его сдержанных, точных, лаконичных строк...

1979

Предисловие к книге Ю. Смирнова «Знаки». (Там — под заголовком «Вместо предисловия».)

Я люблю поэзию Юрия Смирнова.

Мне нравится в нем сочетание неутраченной детской свежести восприятия с глубиной мысли и богатством ассоциаций. Стихи Ю. Смирнова одновременно цельны и разнообразны.

Стилистическая неукротимость счастливо сочетается в них с одухотворяющей небрежностью.

Гёте считал, что художник проявляет себя в тех границах, которые он сам ставит своему таланту. Иначе это иногда называют чувством меры. И это чувство мы находим в стихах Юрия Смирнова. Он не жертвует главным ради второстепенного, он не поддается на соблазны, которыми так богата поэзия, — соблазн бряцания звуками, соблазн поверхностных афоризмов, соблазн преувеличенной избыточной образности. Образ в его поэзии не только свеж и точен, но, что самое важное, он расширительный. Он подобен алгебраическому двучлену, где вторая часть больше первой.

Поэзия есть лучшее, что человек может дать, что он может сказать. Стихи Ю. Смирнова не содержат в себе житейских наркотиков, они правдивы, немногословны, выверены инстинктом лаконизма.

А самое существенное — это то, что в поэзии Ю. Смирнова образ — все стихотворение. Это, может быть, больше всего говорит о художественной зрелости поэта...

Я не хочу писать о Юрии Смирнове в прошедшем времени. Поэт ушел, но его новые стихи остались на рабочем столе и как бы догнали «очередную» книгу.

Александр Аронов

Островок безопасности.— М.: Советский писатель, 1987.— С. 80.

Памяти Юрия Смирнова

Отлучится лучший врач —
Остается подлечиться.

Жить без тренера случится —
Сам себе режим назначь.

Моряков на пляже нету.
Видно, бабу мне спасать.

Хорошо бы дать поэту
Эти строчки написать.

Вадим Черняк

Записные книжки Юрия Смирнова

«Гость — утрашение дома. Я гость».

Мы с Юрой Смирновым дружили что-то года с 1958-го. Читали друг другу свежие стихи, вместе ездили за город, делились известиями, радовались, если в нашей жизни появлялись какие-то новые люди...

Долгое время я даже не догадывался, что он делает об окружавшей нас действительности какие-то записи. Но однажды он прочитал мне: «Топа, иди на наше место!», «Топа, не гоняй голубей, они наши!», «Топа, опять ты нашел какую-то дрянность!», «Топа, иди сюда, а то я тебя поколочу как не знаю кого!». И заключительную строчку: «Собака по возрасту старше ее примерно вдвое...». И я сразу вспомнил эту девочку с собакой. Мы их видели не раз, она ее прогуливала где-то в арбатских переулках. Мы тоже любили там бродить...

На их месте теперь шумит Новый Арбат, еще недавно называвшийся Калининским проспектом.

В одном из переулков располагался медицинский музей. Помню страшные экземпляры, заспиртованные в стеклянных сосудах. Наш приятель служил при нем сторожем и иногда приглашал нас по вечерам. Когда не было посетителей, экспонаты смотрелись более мирно, — заспиртованные мелочи человеческого существования...

А девочка, кажется, просто любила свою собаку и учила ее жить.

Почему-то еще припоминаются огромные асфальтоукладочные машины, которые на наших глазах заглаживали пробивающийся прямо по живому проспект. Возводились огромные здания, стоящие до сих пор. Двадцатизэтажные. В виде раскрытых книг. Их было четыре, но у П. Палиевского они ассоциировались с библейским «Пятикнижием»...

Позже, уже после смерти Юрия я перечитывал его записи. Поражали наблюдательность автора, умение безошибочно фиксировать детали времени, пейзажа, человеческого характера, обстоятельств... Некоторые из этих фрагментов явно находили отражение и в смирновских стихах. Другие — заставляли что-то припомнить, перечувствовать. Третьи — помогали понять давнее событие, объясняли, ставили как бы последнюю точку в некогда случившемся.

Например, записи о Тишинском рынке*. Очень зримо все это помню, словно все происходило вчера. А прошло, наверное, лет сорок-пятьдесят. Вспоминаются и стихи Юрия «Цветочный ряд... Тишинский рынок...» Особо памятен инвалид. Он озирал Тишинку взором полководца. Это было его царство. Старухи испуганно отскакивали, когда он проезжал на своей тележке по их рядам, ладонями ловко отталкивая от земли. В ладонях, впрочем, он держал аккуратные

* См. в настоящем издании, в разделе «Записи». — Прим. ред.

дощечки, тщательно отполированные асфальтом. Он глядел снизу вверх, а казалось — высокомерно и покровительственно. Мужик это был здоровенный, привыкший, что его всегда все побаиваются, а теперь с готовностью помогают, когда он садится в трамвай или троллейбус. Без ног он вернулся с войны и костылям предпочитал тележку... Безножие свое нес с достоинством и степенством. Помню, как он все так же подчеркнуто корректно угощал базарных пацанов тонкими папиросными гвоздиками «Бокса».

Иногда Юрий записывал свои раздумья: «Что буду вспоминать перед смертью: катание на пони, скрипачей в Мукачеве, клязьминские сосны, детей, аэродром?». Он умер нелепо. Всю жизнь его мучили приступы эпилепсии. Это началось, кажется, после нокаута, полученного на ринге еще во времена его обучения в «мореходке» — питерском (тогда еще ленинградском) военно-инженерном училище... В ресторане Центрального Дома литераторов у Юрия случился приступ. Они обычно длятся минуты, а потом — сон, непробудный, иногда довольно долгий... Официанту такая ситуация очень не понравилась: какой-то босяк напился и уснул прямо за столиком. Работник общепита решил дело по собственному разумению. Юрия вынесли на крыльцо и положили на ступеньки — проветриться. А дело было в конце ноября. Там он и замерз: погода-то была далеко не теплая... Похоронили Юру Смирнова на Преображенском кладбище. Вряд ли он вспоминал что-то перед смертью...

Записи его безукоризненны по форме. И безусловно увлекательны. Думаю, многим будет полезно с ними ознакомиться.

Особенно интересны запечатленные сценки. Некоторые происходили у меня на глазах. Вот, например, одна... В записи это выглядит так:

«Междугородний звонок. Невнятное бормотанье на невероятном языке. Повесил трубку. Снова звонок. Теперь голос металлический. Телефонистка.

— Почему не отвечаете Газачаку?

— Я не знаю, что это такое и почему я должен ему отвечать.

— Нужно было изучать географию! Это управление?

— Нет, вигвам».

Забавная сценка. Помнится, звонили нам несколько раз, называли злополучный Газачак... Я уже полез было в энциклопедию, чтобы выяснить, что это такое. Но тут-то и состоялся разговор с телефонисткой. «Вигвам» — это из смирновского увлечения индейцами, которое, кажется, восходило еще к прочитанным в юности Ф. Куперу и Т. Майн Риду. Ими увлекался и я. Особенно нравились «Последний из могикан», «Квартеронка», «Всадник без головы».

И еще то, чему я был непосредственный свидетель.

«Глебчик кричит:

— Я начальник!

И все хором:

— И я начальник!

Один нашелся:

— А я командир!

Глебчик:

— Мне уже четыре с половиной года. Вполне могу играть с собакой».

Это было в Коктебеле, куда, в писательский Дом творчества, Юрий с его женой Марьяной приобрели (по моему совету) путевки. Мы с моей Еленой жили в коттедже, а Смирновы располагались в особняке Дома творчества. Дети собирались как раз возле нашего коттеджа. Глебчика помню очень хорошо, он был среди детей заводилой, командовал ими решительно, и они все ему безропотно подчинялись. Помню и мать Глебчика, тоже очень энергичную женщину, которая отгоняла от детей огромных бездомных коктебельских псов. Отсюда и последняя реплика Глебчика, для него вся коллизия составляла проблему, и он пытался ее разрешить, так сказать, волонтаристски.

«Через ливонские я проезжал поля» — это из многих наших латвийских летних путешествий. В шестидесятые годы мы бывали в Латвии каждый год. Поскольку деньгами тогда мы располагали минимальными, останавливались, как правило, у друзей, чаще всего у Илана Полоцка, известного рижского журналиста и писателя.

Однажды в квартире Полоцков, по-европейски роскошной, трехкомнатной, затеяли ремонт, и наш рижский друг Илан переправил нас к некому Эренбургу, но не писателю, а страшному, судя по состоянию квартиры, вахлаку. Хозяин был к тому же заядлым автогонщиком. В комнате его среди разного нечистого тряпья, сломанных стульев, продавленных диванов и т.п. стоял пыльный мотоцикл. Юрий поозирался, вздохнул и сказал:

— Ничего, Вадим, будем радоваться, что хозяин еще коня себе не завел!

Квартиру Полоцков Юрий, напротив, очень любил, она действовала на него умиротворяюще. В ней он написал немало стихов, которые впоследствии стали известны. Описывал, в частности, и самое наше пристанище.

А мы живем в трехкомнатной квартире.

Следим за событиями, происходящими в мире,

Рассчитываем варианты,

Подсчитываем остатки провианта...

Вадик играет на гитаре,

А я читаю о Сен-Готаре...

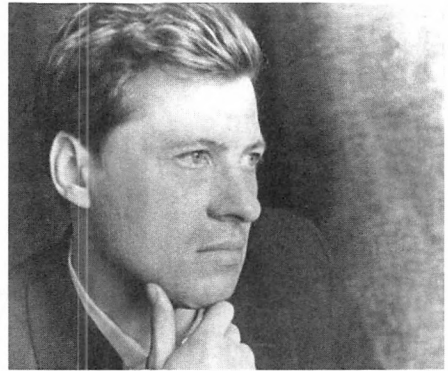
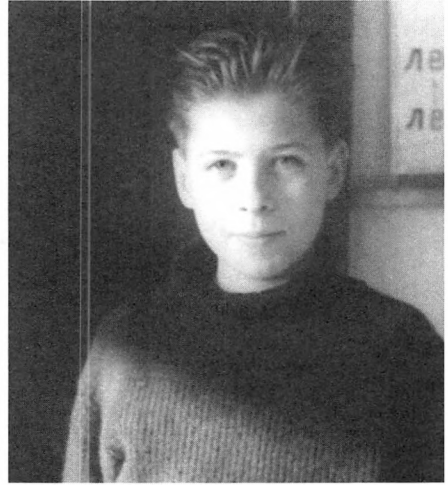
В Риге Смирнов написал свое популярное стихотворение «По утрам в поликлиники спешат шизофреники...» Мы с ним гуляли по городу под дождем. Отча-

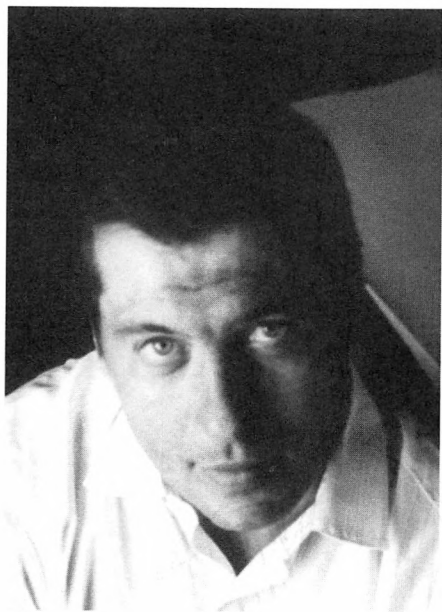
сти этот стих создан прямо с натуры. А вообще он всерьез утверждал, что предложит это произведение журналу «Советская психиатрия». Позже я выяснил, что такого журнала не существует и никогда не существовало, и это был, скорее всего, лишь литературный образ, давший стиху название: «Написано для журнала “Советская психиатрия”». А вот простенький мотивчик к строкам Юрия через некоторое время мне удалось приладить. Получилась песенка, сочинением которых я в то время увлекался. Песенка пользовалась успехом на московских кухнях...

Потом о творчестве Ю. Смирнова забыли — на два с лишним десятка лет. Теперь снова вспомнили, чему я искренне рад...

Но он, кажется, такой поворот предчувствовал. Это по какой-то боковой ассоциации ощутимо, например, по еще одной записи: «Гость — устрашение дома. Я гость»...

ПРИМЕЧАНИЯ

Сокращения

ВГ — «Времена года»

ДР — «День рождения»

СМ — журнал «Сельская молодежь» (публикации 1989, 1990 и 1995 годов)

(См. библиографию.)

От редактора-составителя

Творческое наследие Юрия Васильевича Смирнова (1933–1978) включает около 640 стихотворений, поэму «Сад», повесть «Тропы зубра и тапира», два рассказа, несколько очерков, ряд прозаических записей, а также множество незавершенных, главным образом стихотворных, набросков. В случае издания практически полного собрания сочинений (надеемся, это будет со временем осуществлено) таковое могло бы уместиться бы в два, от силы три тома.

Фигура и творчество Смирнова в литературной жизни 60–70 х годов представляются двояко.

С одной стороны, он был относительно преуспевающим автором, членом Союза писателей. При жизни у него вышло три небольших стихотворных книги, было несколько десятков публикаций в периодических изданиях, в т.ч. в центральных литературных журналах — в «Новом мире», «Знамени», «Москве», «Юности», в альманахе «День поэзии» и т.п. Книги его рецензировались, имя Смирнова время от времени упоминалось в критических статьях.

В то же время у Смирнова было немало стихов, безусловно относящихся к неофициальной культуре,— автор охотно исполнял их в дружеском кругу, но о появлении таких в советской печати не могло быть и речи.

Некоторые свои тексты Смирнов писал определенно «в стол»; иные не вышли в свет просто по стечению обстоятельств.

Едва ли не каждое стихотворение в смирновском архиве представлено в нескольких вариантах. Автор неумоимо шлифовал и переделывал свои стихи, вновь и вновь возвращаясь к ним через годы, а то и через десятилетия. Основной мотив этой вариативности — конечно, стремление к художественному совершенству. Однако некоторые поправки делались автором ради публикации.

Многие стихотворения Смирнова публиковались в «приглаженном» виде — с пропусками отдельных строк, заменами и переделками, текстовыми компромиссами, на которые автор шел ради возможности хоть как-то донести свое творчество до читателя. Таким образом, появлялось два разряда вариантов — варианты «для себя» и варианты для печати. Впрочем, в упомянутых компромиссах Смирнов никогда не опускался ниже определенной, весьма высокой эстетической планки. Зачастую исправления, сделанные им для публикации, представляют не только архивный, но и вполне художественный интерес.

При всей оговоренной пограничности положения на литературной карте тех лет, творчество Смирнова цельно, в нем не наблюдается конформистской раздвоенности. «Печатный» и «непечатный» Смирнов, конечно, различаются: первый более аскетично-традиционен, второй в целом несколько более экспрессивен и «ершист», местами склонен к эксперименту, ирония его жестче и балансирует порой на грани сарказма; однако нельзя сказать, что это «два разных поэта»,— это, скорее, два ракурса одного и того же лица.

Несмотря на публикации, Смирнов не входил в «обойму» широко известных поэтов того времени. Его «тихая пейзажная лирика» (в тогдашних публикациях доминирует именно эта сторона его поэзии) оказалась заглушена более громкими голосами. Отчасти это, возможно, связано и с независимым характером поэта, не участвовавшего в борьбе литературных группировок и мало заботившегося о своей славе. Тем не менее, его стихи были высоко оценены столь разными представителями поэтического цеха как А. Тарковский и И. Холин, Б. Окуджава и Г. Сапгир, А. Межиров и А. Аронов, Ф. Искандер и И. Губерман, О. Чухонцев и А. Баилова...

В вышедшей в 1980 году книге стихотворений Смирнова «Знаки» (подготовленной В. Черняком при участии М. Куцевол и А. Межирова) его поэзия представлена несколько более полно и разнообразно, нежели в прижизненных сборниках. Однако публикационные и текстологические трудности, оговоренные выше, разумеется, не были и не могли быть адекватно разрешены в советском издании тех лет.

Авторские сборники Смирнова с тех пор (то есть уже 24 года) не выходили.

С конца 80-х, с наступлением эпохи свободной публикации, внимание издателей и читателей поэзии оказалось в значительной степени сосредоточено на поэзии неофициальной, на творчестве авторов сугубо «самиздатских». В целом такое положение, пожалуй, можно считать на тот момент справедливым, но, конечно, оно имело и свои издержки. Поначалу противопоставление печатавшихся и непечатавшихся в прежние времена авторов в каком-то смысле еще более обострилось. Полутона долгое время мало кого занимали, и наследие Смирнова, увы, оставалось фактически невостребованным.

Тем не менее, произведения Смирнова вновь начинают, хотя и изредка, появляться в различных изданиях. Отметим, прежде всего, журнал «Сельская молодежь», где было сделано несколько важных публикаций из смирновского архива, подготовленных В. Черняком и М. Куцевол (там, в частности, впервые увидела свет малая проза поэта), а также коллективный сборник «Живое слово», составленный С. Мнацаканяном, куда вошла большая подборка стихотворений (перепечатанных, главным образом, из «Знаков»). Время от времени стихи Смирнова цитировались в заметках А. Аронова (в газете «Московский комсомолец»), в статьях и выступлениях И. Губермана. Несколько стихотворений Смирнова воспроизводятся в антологиях, в том числе таких известных как «Строфы века», «Самиздат века», «Русская поэзия. XX век» и др.

Однако для полноценного знакомства с творчеством крупного поэта всего этого, конечно, недостаточно.

Настоящее издание призвано представить наконец современному читателю творчество Юрия Смирнова в достойном объеме, многообразии, с публикацией множества текстов из архива поэта, с восстановлением ряда рукописных редакций, а также с примечаниями, посвященными главным образом описанию вариантов.

Стихотворения Юрия Смирнова (далее — Ю.С.), включенные в настоящее издание, представлены в первой, основной части книги и поделены на три раздела.

В 1-м разделе — стихотворения, печатавшиеся (в том или ином виде) в книгах Ю.С. Несколько десятков из числа этих стихотворений впервые приводятся в авторских вариантах, отличающихся от книжных (зачастую — значительно), — текстовые расхождения описаны в примечаниях.

Во 2-м разделе — стихотворения, не входившие в авторские сборники Ю.С.

Третий раздел — «Миниатюры», — в нем собраны стихотворения объемом не более 6-ти строк. (Впрочем, одно шестистишие включено во второй раздел. Кроме того, одно четверостишие печаталась в авторском сборнике, однако включено не в 1-й раздел, а в «Миниатюры». Оба эти исключения оговорены в соответствующих примечаниях.)

В этих трех разделах содержится 350 с лишним стихотворений. Более 140 из них публикуются впервые: подавляюще большая часть второго раздела и почти все миниатюры.

Далее, за стихотворной частью, следуют еще два небольших авторских раздела — «Записи» и «Наброски».

В разделе «Записи» представлены прозаические зарисовки, отчасти напоминающие дневниковые, отчасти — стихотворения в прозе. Многие из них печатались в журнале «Сельская молодежь» (в 1989 году), но более трети публикуется впервые.

В последнем авторском разделе приводятся незавершенные стихотворные наброски. Впервые публикуются почти все из них.

Значок «волны» перед датировкой указывает на ее приблизительность (реже — предположительность).

Датировки, согласно авторской манере датирования, соответствуют созданию первых законченных редакций того или иного стихотворения. Если приведен поздний вариант, заметно отличающийся от раннего, датировка заключена нами в скобки. В тех редких случаях, когда нам известна также датировка приведенной поздней редакции, последняя добавляется в угловых скобках.

В разделе «Записи» датировки проставлены обобщенно, над текстами; в некоторых случаях они предположительны.

При выборе вариантов для включения в основной корпус мы, по ряду причин, вынуждены были отказаться от традиционного принципа предпочтительности позднейшего из них. Печатать в основном корпусе «приглаженные» варианты стихотворений, явно предназначенные для публикации в условиях советской цензуры, на том лишь формальном основании, что они более поздние, было бы нелепо. Однако в ряде случаев отнюдь не очевидно, продиктована ли поправка авторским эстетическим пуризмом или расчетом на публикацию. Кроме того, далеко не всегда ясно, какой именно из вариантов более поздний. Поэтому при их выборе составителю зачастую приходилось, на свой страх и риск, руководствоваться собственным вкусом.

Прочие варианты — как печатные, так и рукописные (иногда и черновые) — приведены в примечаниях. Описаны далеко не все из них, а лишь показавшиеся нам наиболее существенными и интересными.

Заголовки стихотворений в большинстве рукописей отсутствуют, — по свидетельству В. Черняка, они зачастую ставились автором лишь при подготовке публикации, уже на стадии верстки. Тем не менее, почти во всех случаях мы их сохранили. Исключения из этого правила, а также варианты заголовков указаны в примечаниях. (Отсутствие заголовка во всех или в некоторых рукописях того или иного текста мы обычно не отмечали: таких случаев столь много, что загромождать примечания этой информацией в настоящем издании было бы нецелесообразно.)

Два черновых наброска к стихотворениям, не содержащим в беловых редакциях более или менее сходных фрагментов, включены в раздел «Наброски» (оба случая оговорены в примечаниях).

Иногда из рукописи не вполне ясно, следует ли аттестовать небольшой стихотворный текст как набросок или же как законченную миниатюру (и, соответственно, в какой раздел книги помещать). Мы решали этот вопрос, опираясь на собственную интуицию и понимание авторской поэтики Ю.С.; учитывалось также мнение В. Черняка. Однако заметим, что граница тут весьма зыбка и деление это местами достаточно условно.

Пунктуация в рукописях зачастую ослабленная. Однако в беловых рукописях и авторской машинописи (равно как и в публикациях) она почти всегда нормативна. Поэтому мы сделали ее нормативной везде, за исключением нескольких текстов, где полное или почти полное отсутствие знаков препинания явно является художественным приемом.

По тем же соображениям мы, как правило, унифицировали написание первых букв в стихотворных строках, сделав их прописными — в соответствии с авторской манерой, доминирующей в беловых рукописях.

Составитель бесконечно благодарен Марианне Куцевол, любезно предоставившей архив Ю.С. для подготовки настоящего издания.

Особая благодарность — Вадиму Черняку, который также предоставил ряд текстов Ю.С. из собственного архива, два стихотворения восстановил по памяти, помог уточнить множество датировок и разночтений.

Составитель глубоко признателен всем, кто консультировал его при подготовке текста и примечаний — прежде всего, опять-таки, Марианне Куцевол и Вадиму Черняку, а также Евгению Нестерову, Алёне Басиловой, Ивану Ахметьеву, Андрею Белашкину, Владимиру Орлову, Асе Флитман.

Герман Лукомников

Примечания

С. 8. «Он ушел в лесные чащи...»

В 1971 году Ю.С. написал повесть о своем отрочестве, озаглавив ее строкой этого раннего стихотворения — «Тропы зубра и тапира».

С. 13. «Я полз по болоту...»

По воспоминанию В. Черняка, в одном из поздних вариантов — от третьего лица: в 1-й строке вместо «Я» — «Он»; последнее двустопное, соответственно: «Жив останется — // С кем-нибудь обменяется». В. Черняк объясняет эту редакцию желанием избежать буквального восприятия: «Было много поэтов-фронтовиков, и вопрос “воевал — не воевал” стоял очень остро». Впрочем, этот прием — стихотворение-монолог от лица персонажа (на чем, например, построены многие песни В. Высоцкого) — для Ю.С. действительно нехарактерен.

В «Знаках» — вариант, приведенный нами в основном корпусе.

С. 14. «Мужское дело на бульваре...»

В «Знаках» — под заголовком «Наблюдая игру в домино...»

С. 15. «В полынье ночного неба...»

В «Новом мире» печаталось под заголовком «Звёзды». (В «Обруче» — без заголовка.)

С. 17. «Тепло в квартире коммунальной...»

Первоначальный вариант 3-й строки: «Я покидаю “коммунаров”».

С. 19. «За линией города...»

Ранний вариант строк, соответствующих строкам 17–24 («Один нашел щит... <...> Играть в бухгалтера // Или портного...»): «Сабли наголо! И давай махать, // Изображая собой кавалерию, // И никому из них не приходило в голову играть // Ну хотя бы в двойную итальянскую бухгалтерию».

С. 22. «Осеннее цветенье...»

Другие варианты 6-й строки («Как грубый холст Сезанна»): «Шагаю вдоль газона» (так в «Знаках») или «Шагаю по газонам».

В «Знаках» пунктуация нормативная.

С. 23. «Тени Тверского бульвара...»

Приведен ранний вариант.

1-я строка — «Тени Тверского бульвара» — служила одним из предварительных, рабочих заголовков первой книги Ю.С. (в издательстве «Советский писатель»). Кстати, другим предварительным заголовком был такой: «Квартал 8-Б», — по названию строительного участка, где Ю.С. в молодости работал прорабом.

Однако книга вышла под названием «Обруч», и стихотворение «Тени Тверского бульвара...» в нее не вошло.

В «ДР» 2-е (срединное) восьмистишие опущено. Заключительное же (там — 2-е) восьмистишие в варианте «ДР» переработано таким образом:

Призрачен и прозрачен
Утром Тверской бульвар.
Следом и мы проскачем,
Только — морозный пар.
Ветер заломит крылья,
Не остановит бег!
Лишь кристаллической пылью
Белый клубится снег.

По свидетельству В. Черняка, отсутствие срединного восьмистишия в редакции «ДР» связано с невозможностью упоминания в советской печати о самиздатских стихах Игоря Холина иначе как в фельетонно-ругательном контексте.

В связи с этим приводим здесь еще два небольших стихотворения из архива Ю.С. Первое из них написано чуть ранее, нежели «Тени Тверского бульвара...»; обсуждаемый фрагмент с ним явственно перекликается. Второе тоже приблизительно 1961 года. «Скушно», «Гейнэ», «равнодушен мне» — так в рукописи, — очевидно, намеренные шуточные аграмматизмы. Упоминается поэт и писатель Сергей Козлов (автор «Ёжика в тумане»), друг Ю.С.

* * *

Снег по колено.
Ветер в лицо.
Растет поколение
В стране подлещов.
Пьет водку,
Слушает Холина.
А ветер воет,
И холодно-холодно.

* * *

Мне просто стало очень скушно
И очень грустно стало мне,
Что я еще, увы, не Пушкин,
Не Лермонтов и не Гейнэ.

Я не завидую Сапгиру
И равнодушен мне Козлов.
А сделать Холина кумиром
Еще я просто не готов.

С. 24. «У крутого обрыва...»

Ранний вариант 1-й строки: «Я стою у обрыва».

С. 28. «Возле мутной Яузы...»

В «ДР» вместо «мутной» — «темной».

С. 29. «Хранит торжественно Царь-пушка...»

В «Обруче» 2-я и 3-я строфы опущены.

Ранний вариант последней строки: вместо «дураковат» — «придурковат».

Среди черновых набросков: «Когда-то тут шпион для Чили // Пытался сделать чертежи. // Его тогда же уличили, // Что посягал на рубежи. /// А он кричал, что он художник — // И не соврал, слезой блестя... // Но это выяснилось позже, // Как в книге — 20 лет спустя...»

С. 30. «О чем кричит водопровод...»

В «Знаках» другой вариант. В частности, 2-я строфа там: «Я знаю боль, она близка мне. // Я где-то слышал этот крик. // Мой дом — как существо из камня, // Давно зашедшее в тупик».

С. 33. «Достается ялику...»

В «Знаках» другой вариант: без 2-й строфы; в заключительной строфе первые строки: «Верка, Верка, // В этот зной».

С. 36. «Когда наблюдаешь подробность...»

В «Обруче» 3-я строфа: «Ах вот оно что! Над домами // Предвестьем грядущих годин // Повисло вечернее пламя, // И ты с ним один на один».

Вариант: в 4-й строке вместо «голос не слышен» — «окрик не властен»; 10-я строка: «Над храмом, что стал на кровий».

С. 38. «Мне на плечи дают доспехи...»

Илья Френкель (1903–1994) — поэт (известный, главным образом, как поэт-песенник), друг Ю.С.

В первоначально-набросочном варианте (без посвящения) — дополнительная строфа, как бы постскрипtum: «Один однорукий писатель // Как следует в дело не вник: // Мол, я сумасшедший мечтатель // И жертва прочитанных книг». По предположению В. Черняка, здесь, возможно, имелся в виду поэт и прозаик Александр Николаев — фронтовик, инвалид войны. Ю.С. пересекался с ним в литературном объединении «Магистраль».

С. 41. «Нидерланды. Шестнадцатый век...»

В «Знаках» в 11-й строке вместо «Ужасающе» — «Неожиданно».

С. 42. *Сен-Симон*

Ср. с одноименным стихотворением А. Аронова (написанным, по нашим сведениям, чуть позже смирновского): «С утра мороз не крут. // Земля белым-бела. // “Вставайте, граф, вас ждут // Великие дела”» и т.д. По свидетельству В. Черняка, сравнительное обсуждение этих двух стихотворений имело место в тогдашних литературных кругах.

В «Обруче» — без 4-й строфы.

С. 43. «На “Метрострое” пусто. Стадион...»

«Внутри меня закручена пружина, // Толкающая первым добежать». Ю.С. в юношеские годы активно занимался легкой атлетикой, имел разряд по бегу на короткой дистанции.

В «ДР» — другая редакция, там прозвище «Костыль» не упоминается, персонаж просто именуется «сторожем»; 2-я строфа: «Теперь не в силах возмутить покой // Призыв спортивные рекорды множить. // И дискболка никогда не сможет // Снаряд забросить гипсовой рукой»; в 3-й строфе вместо «раздавил поллитру» — «опечтал даже»; соответственно, вместо «осеннюю палитру» — «осеннего пейзажа».

С. 44. «Плосколиц и зело раскос...»

В «Обруче» 3-я строфа опущена.

С. 45. *Медвежий цирк и мотоцикл*

В «ВГ» 1-я строка: «Медведь нелепо на арене топчется».

С. 47. «Снег сошел. Какое счастье!..»

В «Обруче» в 12-й строке вместо «дачного» — «скромного».

С. 49. «Собаки брешут в час ночной...»

Первоначальный вариант 2-й строки: «Одна молчит, начнет другая»; в «ДР»: «Та замолчит, начнет другая».

С. 51. «Над сосной звезда качается...»

Первоначальный вариант 6-й строки: «Оголилося плечо».

По воспоминанию В. Черняка, на грамматическую неправильность (мы бы предпочли сказать — разговорность) оборота «на мансарде» указал автору Д. Самойлов. (Нужно: «в мансарде», что не вписывается в размер.) Поначалу Ю.С. воспринял это замечание в штыки. Впоследствии — согласился, но переделять не стал.

С. 54. Курсантские годы

В «ВГ» последняя строфа заменена на такую: «В каптерке мои эполеты. // Иная влечет колея. // Теперь-то я знаю, что это — // Короткая юность моя».

С. 55. «Итог. Подведена черта...»

Вариант 5-й строки от окончания: «И там скончаюся младенцем».

С. 56. «Ну какая от поэта прибыль?..»

Среди первоначальных черновых набросков такие строки: «Мне подмигивает с карты город Глазго. // "Водосток" читаю как "Владивосток"...»

С. 57. Шампиньоны

В «Обруче» — без заголовка. (В «Знаках» — с заголовком.)

В тетради с черновиками и белой рукописью этого стихотворения, через несколько страниц — стишок с пометкой «К вопросу о шампиньонах (дополнение)»: «Всесторонне образован, // Мой товарищ-почвовед // Мне сказал: "Организован // Этот гриб, // А ты, брат, нет"».

С. 59. «Вхожу в прохладные подъезды...»

В «Обруче» (и «Знаках») последние две строки имеют такой вид: «О беспредельности напомнит, // О долге быть самим собой». По свидетельству М. Куцевол, поправка появилась под нажимом редактора. (Заметим кстати, что одна из рецензий на «Обруч» так и называлась — «Быть самим собой».)

В черновике стихотворения — заголовок «Гость»; среди черновых набросков запись «Я Гость!». Черновой вариант последней строки: «Опять пришли сами собой».

Среди предварительных черновых набросков — четверостишие «Живут во мне воспоминанья...», — см. в разделе «Наброски».

С. 62. «Гром гремит над Карпатами...»

В первоначальном варианте 3-я строка: «Я, Марьяна с ребятами»; строки 5–6: «Шпарит дождик настырный, // Наводящий на грех»; последняя строфа выглядит так: «Только поутру тонко // Полоснет из-за туч // (Как улыбка ребенка) // Первый солнечный луч».

Кроме того, в ранних вариантах две дополнительные строфы (после 3-й): «Собирай чемоданы, // А не то нам капут. // Со времен Чингиз-хана // Солнца не было тут. /// И пока не уснули, // Продолжаю ворчать: // «Долго ль в этой кастрюле // Еще будем торчать?!».

С. 63. «Когда солидный человек...»

Черновой вариант последней строфы: «На лавках — бледная семья, // Вдоль лавок жбан пустой катался, // Десятый патриарх смеялся // Да в трюме хрюкала свинья».

С. 64. «Монастырь. Бензоколонка...»

Борис Бреев — цирковой и театральный режиссер, друг Ю.С.

По воспоминанию В. Черняка, «последние слова» героини автор связывал с народным поверьем: «Если первый снег на зеленую траву выпадет — будет девушкам счастье».

С. 66. «Для чего и кому это надобно...»

В одном из вариантов — эпитафия: «Сквозь волшебный прибор Левенгука...» (стих Н. Заболоцкого).

С. 67. «Всем своим существом распростертым...»

В черновике — заголовок: «Стихи, написанные во время болезни».

С. 68. «Профессионалы... Запах пота...»

Вадим Черняк — поэт и журналист, друг Ю.С. Стихотворение посвящено ему не случайно: в конце 40-х В. Черняк играл нападающим в юношеской футбольной сборной Москвы, в 50-е годы — в команде «Строитель».

С. 71. Гостиная императрицы

В «Обруче»: в 5-й строфе вместо «Задержится сегодня» — «Изволит задержаться»; в последней строке вместо «басурманский» — «полуденный».

Вариант 15-й строки: «И вежливые предки хунвейбинов».

С. 74. «Выси бледные светлы...»

Стихотворение завершает первую книгу Ю.С. («Обруч»), оно же открывает вторую («ВГ»).

Вариант 10-й строки: «За дорогу в чаще».

С. 75. «Нева... На низких берегах...»

В «ВГ» строки 3–6 от окончания выглядят так: «Иные селятся убить // Его бездумно и беспечно // И до поры считают — вечно // На свете суждено им быть», — вариант для публикации, сделанный (по свидетельству М. Куцевол) под давлением редактора. Видимо, Ю.С. был недоволен этой заменой: в имеющемся у нас экземпляре «ВГ» — авторское рукописное исправление, возвращающее к исходному варианту (каковой впоследствии восстановлен в «Знаках» и повторен в настоящем издании).

В первоначально-черновых набросках: вместо строки «Играя мышцею скульптурной» — «Он поступает некультурно»; далее — зачеркнутая строфа: «Известно, даже африканцы // (Когда обычай был таков), // Туземные исполнив танцы, // Съедали взятых в плен врагов. // Обычай этот был суров, // Но ели всё-таки врагов...»; вместо строки «Ничто не знает постоянства» — «Иди и, если хочешь, пьянствуй».

С. 77. «Художник Каналетто...»

В комнате Ю.С. на стене висела большая репродукция одного из городских пейзажей Каналетто.

В варианте — дополнительная строфа (после строки «Слепой дагерротип»): «А мне мила затея — // В ней не видна пока // Настойчивой идеи // Железная рука»; предпоследняя строфа выглядит так: «Есть городская площадь // И каменный портал. // Как будто ты на ощупь // Когда-то здесь плутал...»

В черновых набросках — заголовок: «Ведуты Каналетто».

С. 79. «Крещенские морозы...»

В «Знаках» — под заголовком «Январь».

В «Обруче» и в «Знаках» опущены четыре строфы: 2-я и три заключительных; строфа «Услышу пилорамы...» передвинута в окончание.

Вариант 6-й строки: «И иже с ним».

В черновике — дополнительная строфа (после строки «Как груда тел»): «Развитие березы // В тупик зашло, // Теперь она в морозы // Дает тепло».

С. 81. «Снега метут волнообразно...»

В «Обруче» опущена 3-я строфа. (В «Знаках» она восстановлена.)

С. 84. «Весенняя распутица!...»

В «Обруче» — без 4-й и заключительной строф.

Вариант последней строфы: «Но дня блистанье яркое — // Всего непрочный фон. // Доносит ветер карканье // И колокольный звон».

С. 85. «Девяностые... Девятисотые годы...»

В «ДР» строки 9–10 (про Бердслея) опущены; опущено также процитированное фольклорное двустишие «Пифагоровы штаны...»; вместо «Африканский князек» — «Аравийский феллах»; последняя строка: «Словно рыбы во тьме, проплывают машины».

В варианте — дополнительное двустишие после 8-й строки: «Пир во время чумы, и средь этого пира // Затерялась домашняя прелесть ампира».

С. 86. Стихи о маневровом паровозе

В «Знаках» — поздний вариант, под заголовком «Паровоз» и без 3-й строфы.

В магнитофонной записи авторского чтения озаглавлено «Стихи о паровозе».

Ранний вариант последней строфы: вместо «простора» — «пространства»; предпоследняя строка: «Мне ясно, что он разобьется. Мне ясно».

С. 87. «С моста гляжу на полотно...»

Евгений Нестеров — журналист, друг Ю.С.

В черновике перед последней строфой — дополнительная: «Съедали хлеба полкило, // Воды два литра пили, // Варили прочное стекло // И жен своих любили».

С. 88. «Храм в деревне Воронцово...»

В «ДР»: «пасхой» — со строчной буквы; вместо «К Первомаю» — «И, как видно».

Вариант первого двустручия последней строфы: «В по-весеннему пустынной // Роще — старых листьев прель».

Предварительный набросок — запись дневникового характера: «Воронцово, дубовая роща. Башни входа — красные, кирпичные. Церковь, ктитор Уханов. Протоиерей с супругой — крест из диабазы. Кладбище, петух».

В некоторых рукописях это стихотворение объединено с двумя другими в триптих «Совхоз Воронцово»: 1. «Храм в деревне Воронцово...» 2. «То не крики дровосека...» (см. во 2-м разделе). 3. «Вечных истин...» — ранний вариант стихотворения «Перья, кисти...» (печатались в «Знаках», в настоящее издание не вошло).

С. 91. «Теперь доказано на практике...»

В «ВГ» — под заголовком «Вселенная». (В «Знаках» — без заголовка.)

В «ВГ» и «Знаках» в 14-й строке вместо «гнузные» — «мелкие».

С. 92. «Безлюден волжский плес...»

Предварительный набросок — спонтанная запись в духе своеобразного верлибра:

серо-зеленая слизь
праматерь
кремовая пена
полузатонувший дебаркадер
как венецианский дворец (палаццо)
обугленные коряги как спруты

С. 93. На берегу

В ранних вариантах (без заголовка и с межстрофными пробелами) 6-е четверостишие выглядит так: «В тени крепыш, один из многих, // Он атлетически сложен, // Чуть кривоваты, правда, ноги, // А в остальном примет лишен»; 10-е («футбольное») четверостишие: «Все “звезды” выросли в “Зените”, // А сборная — почти “Зенит”. // Да, я с Невы, но извините — // Быть объективным честь велит...»; в следующей строке вместо «Макуху» — «Миклуху»; далее вместо «Футбол ему» — «Ему футбол»; в 10-й строке от окончания вместо «в бильярдную» — «в столовую».

С. 95. «Романтиков великих...»

В «Обруче» последняя строфа опущена. (В «ДР» и «Знаках» она восстановлена.)

В рукописи первоначального варианта — дополнительная строфа, впоследствии зачеркнутая: «...Прошли. Сокрылись. Нету. // А я тебе сую // Незвонкую монету — // Привязанность свою».

С. 96. Баллада о смычке

В «Обруче» — без последней строфы. (В «ДР» и «Знаках» — с нею.)

В раннем варианте на месте строк «Гравюра фрегата // Висит под стеклом» — другие: «Какая утрата! // А был не ослом» (в черновике: «Хоть не был усатый // Механик ослом»). Строки про гравюру предложил автору В. Черняк; Ю.С. благожелательно принял эту поправку.

Среди черновых набросков — такая строфа: «Вы слышали Сеню? // Вот это игра! // Конечно, не гений, // Но всё же — ура!».

С. 98. «Рыжая осень. По склонам...»

В «Обруче» (и в «Знаках») 5-я строка от окончания — без кавычек; предпоследняя строка: «Буйная роскошь упадка».

С. 99. «Со мной приключилась забавная штука...»

В «ДР» в последней строке вместо «спившийся» — «горьковский».

В варианте предпоследней строки другая пунктуация: «— Утрачено что-то! Но было ведь. Было? —».

С. 100. «Был полдень тусклый, словно вечер...»

В «Обруче» сокращено вдвое — опущены 2-я и 4-я строфы. (В «Знаках» напечатано полностью.)

Вариант 3-й строки: вместо «беспощадный» — «нежеланный».

С. 101. «Что б ни было, хуже не будет...»

Вариант 2-й строки: «Будь весел и плюй в потолок».

С. 102. «В прямоугольнике окна...»

В «Обруче»: 3-я и 5–6-я строфы опущены; 3-я строка от окончания: «Всё ярче постепенно» (без запятой).

С. 103. О первой лошади

Вариант заголовка — «К происхождению лошади».

Ранний вариант — без заголовка; строки 1 — 3: «Между фикусовых рощ // На зеленый выпас, // Не сказать, чтоб очень тощ»; в 4-й строфе вместо «другой» — «ногой».

Первоначальный (ямбический) черновой набросок на эту тему был написан ранее, в 1966 году: «Паслись доисторические кони // Среди доисторических лугов, // Еще не зная яростной погони // Ковбойских и других боевиков. /// И, ощущая горьковатый привкус, // Со скрипом стебли сочные жевал // Не конь-коняга — древний гипотрипус, // Хоть так его никто не называл. <Вариант строки: «Как позже Карл Линней его назвал.»> /// Он был лохматым, не было конюшен...» («Гипотрипус» — так.)

С. 106. Апрель сорок пятого

В «ВГ» под другим заголовком — «Весна сорок пятого». (В «Знаках» — «Апрель сорок пятого».)

Кроме того, в «ВГ» вместо строки «Как идол, сидя на тележке» — «На низенькой своей тележке»; последняя строка напечатана в таком виде: «Не птицы ль в синеве поют?». Оба эти исправления, по свидетельству М. Куцевол, сделаны под давлением редактора. (В «Знаках» правильный вариант восстановлен.)

В первоначальной рукописи текст начинался с трехстрочного вступления, которое затем было отделено в самостоятельное стихотворение «Я не писал довольно долго...» (см. во 2-м разделе).

Созданию стихотворения предшествовала серия коротких прозаических записей о Тишинском рынке (см. в разделе «Записи» — 1969 год).

С. 107. «Скрываюсь под сенью садовой...»

В ВГ строфы 2 и 3 — совершенно другие:

Струящейся солнечной пыли
Столбы световые листву
И сумрак тенистый пробили,
Пятнисто ложась на траву.

Грохочет состав многоосный.
День канул, лучами прогреет,
Как облако, что светоносно
Проплыло, растаяло... Нет.

С. 108. Июльский ливень

В «ВГ» 4-я строка: «Как мраморные бюсты».

Вариант 8-й строки: вместо «Чеканно» — «Рельефно».

С. 109. «Белый южный городок...»

В варианте — дополнительная строфа перед последней: «Тут с гастролью чародей, // С ним железный робот // Вызывают у людей // Восхищенный ропот».

С. 110. После дождя

Юрий Рейнер — художник, друг Ю.С. и его сосед по дому на Лесной улице.
В «ВГ» 3-я строка от окончания: «Спускается отлого».

С. 112. «Все заботы нынче мне...»

Вариант 5-й строки от окончания: вместо «Грустною» — «Этакой».

С. 113. «Мне кажется, что я оглох...»

См. связанную с этим стихотворением запись 1970 года.

С. 114. «Жизнь проходит незаметно...»

М.К. — Марианна Куцевол, жена Юрия Смирнова.

С. 118. Сентябрь

Вариант строк 7–8: «В полукружьях копытин // Глина жирно блестит».

С. 119. «Я стоял у склада с провиантом...»

Варианты строк 3–4: «Был тогда я списанным курсантом, // Но об этом разговор иной»; «Был туда поставлен я сержантом, // Что тогда распорядился мной».

С. 121. Миндальный куст

Чигирь — старинный сельскохозяйственный снаряд, водоподъемно-поливальное приспособление.

В «ВГ» в 9-й строке вместо «за далью» — «за гранью».

Вариант заголовка — «Монастырь Джвари».

Вариант 6-й строки: вместо «приступа» — «подступа».

С. 122. «Я долго стоял неподвижно...»

В «ВГ» 4-я строфа опущена.

Очевидно, вариация на тему стихотворения А. Фета:

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь,—
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась

и т.д. Кстати, известна также пародия И. Тургенева на это фетовское стихотворение (начинающаяся с той же строки).

С. 123. «Красноватый глаз планеты...»

В раннем варианте строфа, соответствующая 3-й: «Предвоенные Балканы. // Где-то рядом в языке // По созвучию — вулканы. // Кровь забрызгала пике».

С. 124. «Испуганно кричали птицы...»

В «ВГ» — под заголовком «Перед грозой».

С. 125. «Река быстра и холодна...»

В «ВГ» 5-я строка: «Как вырост роговой — скала». (В «Знаках» — приведенный вариант.)

С. 126. Камни

В «Знаках» — без заголовка. (В «ВГ» и ДР) — с заголовком.)

С. 129. «Есть слова на бумаге...»

В «ВГ» — под заголовком «Слова». (В «Знаках» — без заголовка.)

К этому стихотворению восходит название сборника «Знаки» («Эти черные знаки // На холодном снегу...»). Кстати, название «Знаки» для посмертного сборника Ю.С. было предложено В. Черняком. Первоначальный, значительно меньший по объему проект книги готовился еще при жизни Смирнова под рабочим названием «Северное сияние» (восходящим, видимо, к стихотворению «Полярный круг железным обручем...» — см.).

С. 130. «В часы душевного простоя...»

Вариант 4-й строки: вместо «Заметки» — «Пометки».

С. 131. Библейский мотив

См. примечание к стихотворению «Сменялись царства...»

С. 133. Март

В 4-й строке от окончания: «Наложным платежом» — так в рукописи, — «речевая» орфография.

В «ДР» опущены строки 22–26 («Работа, дом... <...> ...миллионами тонких нитей...»); опущена также строка «Чтобы в оборках были все грудя»; вместо строки «Всосал разверстый темноватый раструб» — «Всосал раструб разверстый, темноватый»; вместо «синхрофазотрон» — «мощный ускоритель»; вместо «Подслушал» — «Послушал»; вместо «Наложным» — «Наложным».

«Оборки нынче, милая, не носят». Ср. с записью «И. лежала в больнице».

С. 138. «Всё суше и жестче слова...»

В «ВГ» 2-я строка опущена.

Вариант 8-й строки: вместо «Короткие» — «Известные».

С. 143. «Тацит Август корзины плодов...»

В «ВГ» — под заголовком «Август». (В «Знаках» — без заголовка.)

Возможно, аллюзия на «Ночной сад» Н. Заболоцкого, — ср. там: «Железный Август в длинных сапогах...»

С. 144. Антонов и Клеопатра

Заключительная часть — «Кружатся легкие созвездья...» — печаталась в «ВГ» как отдельное стихотворение (без заголовка). (В «ДР» «Антонов и Клеопатра» — полностью.)

В вариантах: 2-я строка срединной (основной) части: «Свет исходил от лампионов»; 5 — 6-я строки срединной части: «Он искушенный был поэт, // Был дважды где-то напечатан»; после строки «Монументален внешний вид» — дополнительное четверостишие: «“Ах, Клёпа, Клёпа!” Так ее // Он звал в минуты откровений // И, путаясь средь ответвлений // Кудрявой мысли, гнул свое»; вместо строки «В бараний рог его согнет» — «И в мясорубке провернет».

С. 147. «Должно быть, мало витаминов...» [1971]

Ю.С. использовал здесь первые две строки своего более раннего стихотворения (1968 года), но продолжил их совершенно иначе. (Там далее было: «Я зол как сотня хунвейбинов — // На чинодралов злость берёт...» и т.д., — см. во 2-м разделе.)

Варианты: вместо строки «Вдохну горчащий дух сырой» — «Что полон влажною тоской»; в 13-й строке вместо «Почую» — «Дурманит».

С. 148. «Цветок что багряная рваная рана...»

В одном из вариантов — под заголовком «Цветок» (первоначально — «Гвоздика»).

С. 150. Три стихотворения

Второе из «Трех стихотворений» («Под утро») написано в 1965 году, первое («Опекун») и третье («Александровская слобода») — в 1972.

«Опекун» и «Александровская слобода» печатались в «ДР» как отдельные стихотворения. (Все «Три стихотворения» под таким общим заголовком — в «Знаках».)

В одной из рукописей — такой вариант заголовка первого стихотворения: «Опекун (И.В. Шуйский)».

Первоначальный вариант второго стихотворения — без заголовка; в 3-й строке вместо «Иван Васильев» — «Иван Васильич»; 12-я строка: «Знал, что нету. Черти, может, есть».

В «Знаках» в 9-й строке этого стихотворения («Под утро») — опечатка, повторяющая опечатку в машинописи из архива Ю.С.: вместо «санная дорога» — «сонная дорога». В рукописи и магнитофонной записи авторского чтения отчетливо: «санная».

По наблюдению В. Черняка, в стихотворении «Под утро» автором неожиданно преобразован мотив его ранней, приблизительно 1953 года, юморески. Приводим ее здесь полностью (в более поздней авторской редакции).

* * *

Снег такой пушистый, несерьезный —
Налетел и город закружил.
В этот день Иван Васильич «Грозный»,
Как всегда, на лекцию спешил.

Он держал в руке портфельчик старый,
То и дело поправлял очки
И, смешно спеша по тротуару,
Через лужи совершал скачки.

Снег его навел на размышленья:
Пролетели годы, утекли.
Он Иван Васильич от рожденья,
А студенты «Грозным» нарекли.

Вот ведь как. Обидна кличка эта.
А за что, помилуйте, его?
Требует он знания предмета
По программе, больше ничего.

С. 153. «Монах-доминиканец...»

В «ВГ» и «ДР» — под заголовком «Томмазо Кампанелла».

С. 154. Из неизвестного автора XVIII века

Первое стихотворение диптиха («Нет каторжной занятыя...») написано в 1971 году, второе («Дорога пыльная моя...») — в 1972.

С. 155. «Лежу на солнце, не щажу...»

Вариант 3-й строки от окончания: вместо «поверь» — «не верь! —».

С. 157. «Водораздел. Гряда...»

В одном из вариантов 4-я строка оканчивается вопросительным знаком.

Первоначально-черновой вариант значительно отличается от белогого. В частности, он снабжен заголовком «Мне 39»; перед строфой «Водораздел. Гряда...» — такая (начальная) строфа: «Мне 39 лет, // По случаю которых // Готовится обед // И виден блеск во взорах».

С. 158. «Груба поверхность фрески и неровна...»

В некоторых рукописях объединено в диптих со стихотворением «Рядом с храмом стадион...» (см. во 2-м разделе) — как первая часть.

С. 159. «Этот долг я оттягивал сколько возможно...»

Виктор Эглит — инженер, друг Ю.С. и его сослуживец по проектному институту (ЦНИИЭП жилища). Стихотворение написано на его смерть, хотя посвящение (в «Знаках») указано именно так, как бы живущему.

В «Знаках» — без предпоследнего четверостишия («Вот такие дела, академик, статистик...» и т.д.).

В вариантах: в 3-й строке вместо «кордоны» — «чащобы»; 8-я строка от окончания: «Что же делать с тобою нам, трезвый статистик».

С. 160. «Всё постепенно стало проще...»

В варианте 2-я строка: «И схематичней, и ровней»; в 11-й строке вместо «ты сидишь» — «я сижу».

С. 166. «Менялись краски дня...»

В «ВГ» последняя строфа опущена.

С. 167. Воспоминание о Летнем саде

В «ВГ», «ДР» и «Знаках» в 8-й строке вместо «петроградский» — «ленинградский».

С. 170. «Январь нам возместил сполна...»

Строфа «Я слышал, что один поэт...» и т.д. — аллюзия на цикл Б. Пастернака «Волны» из книги «Второе рождение». (Ср., например, там: «И в шуме этих категорий // Займут по первенству куплет // Леса аджарского предгорья // У взморья белых Кобулет...»).

В «Знаках» — без срединной части и предпоследней строфы (т.е. опущены семь строф из двенадцати); соответственно, без деления на части; 9 — 10-я строки от окончания: «Еще страница прочтена, // Упала книжка на колени».

В других вариантах: строки 3 — 4: «Его бобровая спина // Играет искорками света»; 2-я строфа: «Предшественников отчитал // За то, что распустили нюни. // Опустошил речной причал, // Вморозив в лед буксиров чуни».

С. 176. «Былые сомнения вздорны...»

В «Знаках» в 8-й строке вместо «женщин» — «женский».

В рукописи рядом с этим стихотворением пометка: «Русскому Тартарену».

С. 177. День на Масленицу

В «Знаках» — без заголовка. В «ДР» — под приведенным заголовком (правда, в оглавлении название праздника — со строчной буквы; на стихотворных страницах заголовки там даны прописными буквами).

В одной из рукописей — под заголовком в архаичной орфографии: «День на Масляницу».

Первоначальный вариант 1-й строки: «День кустодиевски ярок».

С. 178. О происхождении видов

В «ДР» под другим заголовком — «Чарлз Дарвин».

Первоначальный черновой набросок: «Ну что он тянул, тот флегматик, // Не внявши советам друзей? // Всё взвешивал, // Прикидывал // 30 лет — // Боже-ственный акт или “Происхождение видов”».

Среди черновых набросков: «Живому надо есть. // И всё, что есть вокруг, // Одной мерой меряется — пользой. // Старо понятие “честь”. // Полезен — значит, друг. // Дави слабейших, перед сильным ползай».

С. 181. «Свет в армянском селенье...»

В рукописи пометка: «В Армянском ущелье (Н. Афон)».

С. 182. «У илистой излуки...»

В «ДР» последняя строка: «Болотный “соловей”», — «соловей» в кавычках. (В «Знаках» — без кавычек.)

С. 184. «Где-то декабрь притаился...»

В «ДР» в 3-й строфе вместо «теплые» — «дальние».

Среди черновых набросков: «Парусник после разлуки // Вдруг показался. // В воздухе теплые звуки // Пабло Казальса»; после строки «Голые рощи» (в продолжение скобочного фрагмента): «И как пологие склоны // Сердцу приятны... // Но почему-то не склонны // Ехать обратно».

В рукописи также имеется стихотворный постскрипtum (с пометкой «P.S. — не для печати»): «Сюжет сам по себе мифологичен, // Хотя по сути он реалистичен. // Простите непонятные места, // Еще — за то, что я приплел Христа. // Когда в себе разыщешь человека, // Ты — бог, но в то же время ты калека. // И, выбирая новые пути, // Подумай — можно ль от себя уйти?».

С. 187. Еще одно воспоминание

В «ДР» — без заголовка. (В «Знаках» — с заголовком.)

В черновике — дополнительная строфа (после 3-й): «Не все накатано и гладко, // Но стройка ведь не танцплощадка, // Тяжеловесен лексикон. // Казалось, что дойдет до драки, // Но род психической атаки // Вел к примирению сторон».

С. 188. «Какой прекрасный день...»

Написано 16 февраля — в день рождения Марианны Куцевол.

К этому стихотворению восходит название сборника «День рождения».

С. 192. «Я отрешиться не могу...»

В черновике — дополнительная строфа: «Не слишком ли извилист мозг? // Он всё поделит и умножит, // Он до звезды построит мост, // А счастья выстроить не может».

С. 194. «По направленью к Феодосии...»

Вариант строк 5 — 6: «Толпа полуживых писателей // У голубой сидит черты».

С. 195. «Нет ничего у меня за душою...»

Черновой вариант 3-й строфы: «Где же тепло твое, где же твой добрый // Свет? // Не из ребра ты, на месте все рёбра. // Бред».

С. 198. «Дни, что зайцы,— врассыпную...»

Вариант 13-й строки: «Путь вдоль ветхого забора».

С. 199. «Таврические звезды низко...»

Ниже приводим первоначальный (хореический) вариант.

* * *

В розовой пене тамариска,
Тишину вечернюю дробя,
За окошком, где-то очень близко,
Музыкальный выверт соловья.

Тени сада мечутся, мелькают
Облаком. Над купами — пыльца.
Все другие птицы замолкают,
Услыхав незримого певца.

Все колена взял как подобает.
Это полупесня, полустон.
Он, поди, от страсти погибает,
Но ведь как при этом изощрен.

С. 201. «Прелесть пустынного парка...»

В черновике — набросок дополнительной строфы: «Он же крутил радиолу. // Смысл приоткрылся мне тут // Песни нехитрой, веселой: // Главное — люди поют».

С. 203. «За февралем, как за холмом...»

В черновых набросках — такой вариант 2-й строфы и ее продолжения: «Еще укутана страна // Колючей вьюгою. // Работник среднего звена // Идет с подругою. /// Не обязателен он здесь, // В стихотворении, // Где скрытый смысл в пейзаже есть. // Но тем не менее...»

С. 204. «Полярный круг железным обручем...»

См. примечание к стихотворению «Есть слова на бумаге...»

С. 207. «Отчизну забывать грешно...»

Стихотворение написано в 1977 году.

В «Знаках» (и в «СМ») шутейная автодатировка опущена.

С. 210. «Сел туман белесый на предместье...»

Вариант предпоследней строки: «Замка аккуратные руины».

С. 217. «Позабыл я день вчерашний...»

По воспоминанию Е. Нестерова, ранний вариант 5–6-й строк: «Но когда меня ласкаешь // Легким манием руки». Напрашивается, в таком случае, конъектурная замена 7-й строки (например: «Зря из виду упускаешь»), но Е. Нестеров не подтверждает подобного предположения.

С. 218. Начало

Приведенная редакция — случай наиболее радикальной позднейшей авторской переработки раннего стихотворения. Первоначальный вариант представлял собой лишь первые четыре строфы. В поздней (приведенной) редакции текст их несколько изменен, но главное — заключен в кавычки, добавлена 5-я строфа, стихотворение снабжено заголовком. Таким образом, Ю.С. использует здесь свое раннее стихотворение как автоцитату, так что поздняя редакция представляет собой по существу совершенно другое, новое стихотворение. Однако автор сохранил под ним раннюю датировку. Ее указываем и мы (разумеется, заключив в скобки).

С. 222. «В шашлычной шумно, дымно, людно...»

Приводится по магнитофонной записи авторского чтения.

С. 224. «Махая яркой сумкой...»

Александр Аронов (1934 — 2001) — известный поэт и журналист, друг Ю.С.

С. 225. «Моросили дожди по России...»

Вариант: во 2-й строке вместо «Доходяги» — «Лошаденки»; в 7-й строке вместо «В день получки» — «Их минуя»; 11-я строка: «Прости-господи» пьяной у стойки».

С. 226. «Стена кирпичная багрова...»

Ранние варианты предпоследней строки: «Моя веселая досада» или «Моя всегдашняя досада».

С. 228. «Так вот, когда-то небеса видали...»

Первоначальный вариант строк 13–14: «А в наше время силу держат в колбах, // В контейнерах могущество таят».

В связи с этим вариантом приведем шутку Ю.С., известную нам в пересказе М. Куцевол: «Военный парад на Красной площади скоро будет выглядеть так: никакой маршировки, никаких войск, один старый еврей в трусах и в майке пробегает с колбочкой мимо Мавзолея...»

С. 238. «А что такое генерал?..»

В «СМ» — под заголовком «Элегия».

В раннем варианте вместо «широких полосы» — «дурацких полосы».

С. 239. «Ало-фиолетовые!..»

В одном из вариантов — под заголовком «Хоккей в Сокольниках».

С. 244. «О чем толкует у базара...»

Опубликовано в 1989 году как цитата в статье А. Аронова «Кое-что о любви и свободе» (в несколько неточном виде и без 2-й строфы), в газете «Московский комсомолец».

Вариант 5-й строки от окончания: вместо «в правоту» — «в праведность».

С. 245. «Толстой был тоже графоманом...»

Позднее (в 1965 году) использовано в длинном стихотворении «Из “Московских картин”» («Был ясным на исходе март...»; в настоящее издание не вошло) как монолог милиционера, охраняющего музей Льва Толстого.

Вариант 7-й строки: вместо «давно» — «такой».

А. Басилова вспоминает еще один вариант 7-й строки: «Другой такой устал писать бы».

И. Губерман приводит такой вариант 3-й строки: «Писал он толстые романы».

С. 247. «Всё так же Андрей Волконский...»

А. Волконский — композитор и музыкант, основатель ансамбля старинной музыки «Мадригал».

Вариант последней строки: вместо «весенний» — «осенний».

С. 248. «По утрам в поликлиники...»

В. Черняк вспоминает, что в одном из вариантов стихотворение имело заголовки: «Написано для журнала “Советская психиатрия”», — см. об этом в его эссе.

Вариант 10-й строки: вместо «В землю» — «Землю».

С. 250. «Люди живут убого...»

В «СМ» — только 1-е четверостишие.

С. 251. Футбол в лесу

В. Черняк вспоминает, как Ю.С. рассказывал ему о скандале в редакции журнала «Пионер» (куда автор принес это стихотворение). Причиной скандала, как нетрудно догадаться, послужила 14-я строка. «Вы просто замените это на “б” с точками», — убеждал Ю.С. разгневанную редакционную даму.

Более поздняя авторская правка строк 14–15 (для публикации в детском издании): «Синицы-безбилетники // Уселись на штакетнике».

С. 252. «Однажды загорелась...»

Опубликовано в 1997 году в самарской газете «Цирк “Олимп”».

С. 253. «Женщина с прошлым...»

В другом варианте — только 1-е четверостишие.

С. 254. «Дудит Арбат...»

Среди предварительных черновых набросков — четверостишие «Опять Никитские ворота...», — см. в разделе «Наброски».

С. 256. «Скрипят колеса катафалка...»

Речь идет о знаменитой выставке 1962 года в Манеже, разгромленной Н. Хрущевым и его окружением.

Печальную иронию 3–4-й строк усугубляет то обстоятельство, что Р. Фальк (чья «Обнаженная» вызвала особую ярость генсека) скончался за 4 года до описываемого события.

В варианте 3–4-я строки: «Сегодня хулигана Фалька // К ответу требует народ»; в 7-й строке вместо «скромно» — «хмуро».

Оба варианта этого стихотворения восстановлены по памяти В. Черняком и Е. Нестеровым.

Это и некоторые другие стихотворения Ю.С. (такие, например, как «По утрам в поликлиники...», «Гуляет ветер по Нью-Арбату...», «Гуляла девка с разным контингентом...», «О мама, о мама, о мама!..») в 60–70-е годы были положены на музыку В. Черняком, — песни исполнялись им под гитару в дружеском кругу.

С. 258. «Шекспир сюжеты воровал...»

Братья Тур (Л. Тубельский и П. Рыжей) — известные советские драматурги, киносценаристы.

Иронически-обвинительный пафос последних строк не вполне ясен. «Братья» иногда обращались к мотивам произведений других авторов, однако первоисточник в таких случаях, насколько нам известно, указывался.

Е. Нестеров предложил такую трактовку (ее поддерживает и В. Черняк): лучше уж заниматься плагиатом, нежели создавать собственные, но весьма скучные творения.

Вариант 4-й строки: вместо «колета» — «жилета».

С. 260. «Когда венецианский дож...»

Первая публикация этого стихотворения — в качестве полной цитаты в статье И. Губермана «Кое-что о десятой музе», в израильском журнале «22» (№83 за 1992 год). Впоследствии перепечатано в антологии «Самиздат века» (М.— Минск, 1997).

В. Черняк вспоминает другой вариант: во 2-й строфе — иной порядок строк (1-4-3-2), причем вместо «Он был настойчив» — «И неуемен»; в 3-й строфе 1-я строка: «В те годы было Возрождение»; в предпоследней строке вместо «ведь» — «всё ж».

Кроме того, по воспоминанию В. Черняка, исполняя это стихотворение (в дружеском кругу), Ю.С. иногда заменял заключительный глагол цензурным, хотя и не в рифму — «целуют» (с паузой, как бы после многоточия).

С. 261. «...А праотцам жилось довольно туго...»

Поздний вариант — без 3-й строфы, но с дополнительной заключительной: «Не так живем, как жили наши предки — // Кистень да крест, недоля испокон, // И всё же цепко держат наши клетки // Пожаров отблеск и набата стон».

С. 263. Рига. Дождь.

Варианты: вместо «трехкомнатной» — «многокомнатной»; вместо «Черняк» — «Вадик»; вместо «о Сен-Готаре» — «о Сен-Готарде»; вместо «Паводковых» — «Грунтовых» или «Разбушевавшихся».

Один из вариантов строк 8–13 приводит В. Черняк в своем эссе (см.).

С. 264. «Нация пила денатурат...»

В «СМ» 7-я строка: «Пили... Но ума не пропивали...»

С. 265. «Чем занимались в Спарте?..»

В «СМ» под заголовком «Васька в вечерней школе».

В одном из вариантов после 4-й строки — дополнительная: «Снились косые черти».

С. 270. «Гуляет ветер по Нью-Арбату...»

Вариант строк 9–10: «Спокойно и интеллигентно // Позволю я себе сказать».

С. 272. «Заведующий клубом...»

В ранних вариантах: 10-я строка — «Арон Семеныч Лист»; после строки «Ушла его жена» — дополнительные строфы: «Районный фининспектор // Григорию свояк. // И тот ему поведал, // Мол, так-то, мол, и так. /// И в клубе фининспектор // Решил поднять счета. // Он в отчетных документах // Не понял ни черта!».

Вариант строк 5–6 от окончания: «А в клубе беспризорный // Пылится ксилофон».

С. 273. Бутырский сон

Приведен поздний заголовок — тех времен, когда Ю.С. жил уже в доме на Лесной улице. (См. примечание к стихотворению «Что выделывают голуби...»)

Ранние варианты заголовка: «Бутырка», «Бутырская баллада».

«*Стамеску не брал...*» Такое (просторечное) ударение — в рукописи.

С. 274. «О мама, о мама, о мама!..»

Стихотворение восстановлено по памяти В. Черняком.

С. 275. Ломбард

Приводится по магнитофонной записи авторского чтения. Там исполнение предваряется общим заголовком (видимо, предполагавшегося цикла) «Из “Московских картин”» — таким же, как машинопись стихотворения «Был ясным на исходе март...» (не вошедшего в настоящее издание).

С. 277. «Я хожу по Сокольникам...»

Вариант 3-й строки от окончания: «Виртуозы “пера”».

С. 282. «На улице морозно...»

Парадоксальный ранний вариант строк 3–4: «Носы кругом синеют // Красные».

В позднем варианте 3-я и 4-я строфы опущены, 2-я видоизменена: «Стремление единодушное // К теплу, в метро. // Согреться где ж еще? // Тревога вспомнилась // Воздушная — // Вот так спешил народ // В убежище».

С. 284. Дом

Вариант 5-й строки от окончания: вместо «поменял» — «потерял».

В первоначальном черновом наброске вариант последней строки: «И плюс отдельный туалет».

С. 285. «Я не фанатик, не истерик...»

В черновых набросках — дополнительная строфа после 2-й: «Замечу вскользь такую частность: // Все испарились бы они, // Когда бы к делу их причастность // Осталась навсегда в тени».

С. 287. «Зачем в житейской круговерти...»

В одном из вариантов — пушкинский эпиграф: «...И ныне дикий // Тунгус...»

См. также заключительный абзац примечания к «Эпитафии» (включенной в раздел «Миниатюры»).

С. 289. «Хребет железный виадука...»

В черновиках — набросок еще одной строфы (без первых строк): «...Он хочет быть “как все” — // И потому троллейбус водит, // Весь день кружась // Как белка в колесе».

С. 290. «Благословен правитель слабый...»

Вариант последней строки (по воспоминанию В. Черняка): «И не поделать ничего». (Подобный прием — в варианте стихотворения «Когда венецианский дож...», — см. соответствующее примечание.)

В «СМ» — другая, также смягченная редакция 2-й строфы: «Он знает цену ратной славы. // Что слава? Ей пятак цена!.. // Но распадается держава, // И не поделать ни хрена».

С. 292. «Что выделявают голуби...»

С 1967 года Ю.С. с семьей жил в доме на Лесной улице, напротив Бутырской тюрьмы. (См. об этом в стихотворениях «Мы с тобой живем, не тужим...» и «Ночью думается лучше...»)

В порядке единственного исключения это стихотворение помещено не в разделе «Миниатюры» (чего формально требует объем шестистишия); нам показалось, что на отдельной странице во 2-м разделе оно смотрится органичнее.

С. 293. «Вот и новые рифмы не модны...»

В одной из рукописей — с пометкой «В дополнение к “Не стыдно торговать [на рынке]...”».

С. 295. «Читаю в периодике...»

«Паровозики» — принятое в литературных кругах тех времен ироническое определение стихов (рассказов, очерков), написанных тем или иным автором в официальном, казенном духе, в расчете заодно с ними опубликовать и другие свои произведения.

Вариант — без 5-й и заключительной строф.

В черновом варианте 3-й строки вместо «паровозики» — «переводики».

С. 298. «Должно быть, мало витаминов...» [1968]

Не путать с другим (печатавшимся в «ВГ» и включенным в 1-й раздел настоящего издания), более поздним стихотворением (1971 года), начинающимся точно с такого же двустрочия. (Там далее: «Дела обычные закинув, // По талым водам чуть не вброд...» и т.д., — см.)

В первоначальном черновом наброске 3–4-я строки: «Я понимаю хунвейбинов: // На взрослых злость меня берёт», — что, в каком-то смысле, ближе к позднему стихотворению, в финале которого проявляется тема отрочества («И вспомню школьные тетради // И радости голодных дней»).

С. 300. «Российская интеллигенция...»

В сборнике «Живое слово» это стихотворение ошибочно «прилеплено» к стихотворению «Я изучаю микромир...», т.е. набрано как его окончание. Никаких оснований к соединению этих двух стихотворений нет.

В «СМ» в 6-й строке вместо «непонятные» — «кажущиеся».

В «Живом слове» и в «СМ» — несколько иные варианты последнего двустишия.

В рукописи перед последним двустишием — зачеркнутое дополнительное:
«Считая все свои познанья // Лишь мерой своего незнания».

С. 301. «Мы с тобой живем, не тужим...»

См. примечание к стихотворению «Что выделяют голуби...»

Ср. также со стихотворением «Ночью думается лучше...»

С. 303. «То не крики дровосека...»

В некоторых рукописях — как вторая часть триптиха «Совхоз Воронцово» (см. последний абзац примечания к стихотворению «Храм в деревне Воронцово...»).

Ранний вариант: во 2-й строке вместо «В гулком воздухе» — «В отдалении»; 2-я строфа: «Раскраснелись от азарта, // Перережутся вот-вот! // В роще, как под сводом театра, // Жизни действие идет»; после 2-й строфы — дополнительная: «Рядом скромное кладбище, // И видны через кусты // Блеклых лент избыток нищий // Да железные кресты»; в строфе, соответствующей 3-й (там она 4-я), первые две строки: «Безучастный соглядатай, // Подошел я и стою»; после нее — дополнительная: «Он тарачится свирепо, // Жиром съеденным сочась. // Это будет так нелепо, // Если я умру сейчас»; далее вместо строки «Вечной жаждою горя» — «Выпить жаждою горя»; после строки «Христианам слесаря» — совершенно другое окончание (четыре строфы вместо двух):

Равнодушный соглядатай,
Я по-прежнему стою.
Нет, на этот раз усатый
Не поставил жизнь мою.

Если ж говорить серьезно,
Обойдется без чудес.
Лесопарк, притом совхозный,
Ведь не гофмановский лес.

Живописных три брюнета
Безобидны, хоть шумны.
А глаза тарачат — в этом
Нет особенной вины.

Лишь одно не обойдется:
В чистом поле иль в лесу,
Но когда-нибудь придется
Встретить смерть лицом к лицу.

В черновиках описанного варианта вместо упомянутой строки «Жиром съеденным сочась» — «Настоящий Карабас» (еще подвариант: «Из орбиты лезет глаз»); далее, после строки «Не поставил жизнь мою» — дополнительная строфа: «Подошел он, честь по чести, // И спросил: «Который час?» // Что ж, в другом каком-то месте // Затаился Карабас».

Некоторые варианты озаглавлены: «Кладбище в селе Воронцово», «На Воронцовом кладбище».

Среди первоначальных черновых набросков — такие строфы (после строки «Где опавших листьев прель»): «— Ах, какой ужасный случай! // Вы слышали? — Да. — А вы? // — Спрятали под листьев кучей... // — Да еще в черте Москвы...»; «Мать, жена, да Женька с Толькой, // И еще Вадим Черняк // Будут помнить, да и только. // Для чего ж ты жил, чудак?».

С. 306. «Что гнездится в душе идиота?..»

В варианте 10-я строка: «И зловещих рогатых теней»; далее вместо «странней» — «чудней».

С. 308. «Год активного солнца на Клязьме...»

Вариант 10-й строки: вместо «Груда» — «Груды».

Черновой вариант 3-й строки: «Пребывая в блаженном маразме».

С. 310. «Слева — финская граница...»

Ср. со стихотворением «Я стоял у склада с провиантом...» (в 1-м разделе).

С. 311. «Я не писал довольно долго...»

Первоначально рукопись продолжалась: «Цветочный ряд. Тишинский рынок...» и т.д., — затем текст был разделен автором на две части, т.е. на два разных стихотворения. (Второе — под заголовком «Апрель сорок пятого» — см. в 1-м разделе.)

С. 317. «В черных недрах подполья...»

На полях рукописи вариант заключительного двустрочия (вероятно, не только последней строфы, но также и 2-й): «Хоть на сей счет в ученых // Нет единства кругах».

С. 318. Стихи, написанные между делом

«См. переписку с фон Мекк». Имеются в виду восторженные письма баронессы Н.Ф. фон Мекк П.И. Чайковскому по поводу его романа на слова А.К. Толстого «Благословляю вас, леса...»: «Слушая всё это, я хочу плакать, хочу броситься на колена, хочу исчезнуть с лица земли!..» и т.п.

В вариантах — первые две строки: «Лист кружит, слышны причитанья, // Осыпается Горлов тупик»; после строки «См. переписку с фон Мекк»: «Уплетает

смачно литбратия, // Знает толк — подавай курчат» и т.д.; на месте фрагмента «Жизнь не театр... <...> И так тошно» — такие строки: «Жизнь не театр, где всё понарошку // (Кроме кассы), где мимо рта // Пропускают пустую ложку, // Премьерша дышит мертва. /// Вот уже и полтруппы — // Труппы».

Вариант 7-й строки от окончания: «Догорит барбарисовый куст».

С. 321. «Был еще вчера пострел...»

Первоначальный вариант 12-й строки: вместо «В мятой» — «В этой».

С. 322. Из древнегреческого быта

В первоначальной рукописи другой заголовок — «Читая Аристотеля»; в 3-й строке «речевая» орфография: «Своячницей» (ср., например, с оборотом «Наложным платежом» в стихотворении «Март»).

В позднем варианте «Свояченицей» заменено на «Сестрой жены»; строфы 5–6 опущены.

С. 325. «Монархов надо просвещать...»

В варианте заголовок — «Стихи средневекового поэта».

С. 327. Рассказ случайного знакомого

Последняя строфа написана в 1976 году.

С. 329. Предновогодняя история

Фрагмент «То оттепель, то холода...» (заканчивающийся строкой «Но все спешат, спешат... Куда?») в ряде рукописей и авторской машинописи представлен как отдельное стихотворение.

С. 332. Эпизод

Позднее, в 1977–1978 годах автор использовал это стихотворение в поэме «Сад», в качестве 10-й ее главки — под заголовком «Болезнь». См. также в этой связи примечание к стихотворению «Сад» («Цветы на дерева...»).

В поэме — без межстрофных пробелов; предпоследнее четверостишие выглядит так: «А в очертаньях установки // Оскал увидел роковой... // Его, прибегнув к уловке, // В приемный отвезли покой».

В «Сельской молодежи» №5 за 1995 год печатались фрагменты поэмы (журнальный вариант под редакционным заголовком «Оттиск»), в том числе и эта главка.

С. 334. «И глаз устал смотреть...»

Последние строки обращены к другу автора, прозаику и журналисту С. Смородкину.

С. 335. «Рядом с храмом стадион...»

См. примечание к стихотворению «Груба поверхность фрески и неровна...»

С. 336. «Завелто сидлобоки...»

В первом и заключительном двустрочиях — очевидно, заумь в духе крученыховского «дыр бул щыл». (Возможно, не без влияния Г. Сапгира и И. Холина, довольно активно разрабатывавших подобные приемы.)

С. 340. «Сменялись царства...»

В рукописи помета: «Библейский мотив — II», — означающая, что это стихотворение может публиковаться и как вторая часть диптиха под общим заголовком со стихотворением «Библейский мотив» («Торговля бойкая идет...», — см. в 1-м разделе).

С. 343. «Жизнь полна противоречий...»

1-я строфа написана в 1955 году, 2-я — в декабре 1973.

С. 351. «Надоело в казарме сидеть капитану...»

Марселу Каэтану — португальский государственный деятель, преемник диктатора А. Салазара, с 1968 года председатель правительства Португалии. Свергнут революцией 1974 года.

С. 352. «Что-то в жизни изменилось...»

Вариант: в 1-й строке вместо «в жизни» — «в мире»; 4-я строка от окончания: «Чередой — фигуры, лица».

С. 353. «Безверие, ты говорливо...»

В «СМ» — без последней строфы.

С. 354. «Ночью думается лучше...»

«Напротив дома — крепость». См. примечание к стихотворению «Что выделывают голуби...»

С. 355. «Прилетели инопланетяне...»

Ср. со стихотворением 1960 года «Летающие блюдца...»

Вариант первого трехстрочия 4-й строфы: «Баб рожалых раздоить велели, // Девоч содержать в хорошем теле // И искусственно осеменять».

Вариант предпоследней строки: вместо «какие-то» — «несчастные».

В рукописи перед последней строкой помета «P.S.» (в машинописи отсутствует).

Черновой вариант последних трех строк 5-й строфы: «Что же звездной нам сказать элите? // — Чисто содержите нас, доите. // Делайте ребенка-табака».

С. 359. «Снилось мне, что на острове Яве...»

Ахмед Сукарно — президент Индонезии с 1945 по 1967 год. Славился своим донжуанством. В последние годы жизни был отстранен собственными военными помощниками от власти.

Вариант 1-й строки: «Спал и был я на острове Яве».

В одном из вариантов оба двестишия про Сукарно опущены.

С. 360. Сад

Стихотворение использовано автором в качестве последней (перед эпилогом) главки в одноименной поэме. (См. также в этой связи примечание к стихотворению «Эпизод».)

Печаталось (в виде отдельного стихотворения) в «Дне поэзии — 1979».

Вариант 4-й строки (после точки в конце 3-й, в таком случае): «Ультрамарин в пределе».

С. 361. «Воробьи в пыли купаются...»

Первоначально-черновой вариант последней строки: «Ну, пошел я. Будь здоров».

С. 363. «— Любовь — это солнце в безоблачный день...»

Вариант последней строки: «Меж негритосом и эскимосом».

С. 364. «На мостовой теней сплетенье...»

В раннем варианте далее следуют еще два четверостишия:

Во тьме она без всплеска тонет,
И нет ее, и я один.
Но вот опять на светлом фоне
Родился плоский исполин.

В своих пропорциях уродлив,
Во всем послушен только мне,
То призрачен, а то отчетлив,
Бредет покорно в стороне.

С. 364. «В саду на даче бродят призраки...»

В раннем варианте 1-я строка: «Мерещатся собаке призраки»; за четверостишием следуют еще два:

Плетни, заборы, палисады —
Оград внучатые племянники...
За ними скрытые фасады,
Меня вы в гости не приманите.

Давно слова прощанья сказаны,
Спокоен я преувеличенно...
К чему мне на цепи привязанность
И в частоколе ограниченность?

С. 365. «В галошах валенки...»

Ваенга — река в Архангельской области. В тех краях Ю.С. в 1956–1957 гг. проходил срочную службу (в стройбате Северного флота).

Это единственное в разделе «Миниатюры» стихотворение Ю.С., печатавшееся в одной из его книг (а именно в «Знаках»).

Приведен окончательный вариант. Ниже, в дополнение, даем еще три, первые два из которых больше по объему и вообще отличаются от приведенного столь значительно, что вариантами мы называем их не без натяжки, — с приведенным четверостишием их объединяет лишь рифма и тема. Первый — 1961 года, второй — 1963, третий (так же, как и окончательный) — 1967.

Во всех рукописях — «Ваянга» (через «я»), эта же орфография воспроизведена в «Знаках»; мы сочли возможным ее исправить.

* * *

Обувши валенки,
Надев шинель,
На Нижней Ваенге
Попал «на мель».

За белой горкой
Стоит причал,
Там на закорках
Я лес таскал.

Таскал я бревна
И сваи бил,
Чтоб было ровно;
И в меру пил.

Когда ж качалась
Земная твердь,
Любил с причала
Я вдаль смотреть.

* * *

Нижняя Ваенга
Залегла в снегах.
Холодно и в валенках,
Не то что в сапогах.

Что я тут делаю —
Не могу понять.
Но на равнину белую
Нечего пенять.

* * *

Серые валенки,
Солдатская шинель.
На Нижней Ваенге
Метет метель.

С. 366. «Как будто всё на месте в мире...»
«Летает космонавт-4». В августе 1962 года четвертый советский космонавт П. Попович совершил свой первый космический полет.

С. 366. «Мне было плохо. Очень плохо...»
Процитированный в эпиграфе афоризм Гейне полностью звучит так: «Любовь — это зубная боль в сердце».

С. 366. «Я знаю, ты меня покинешь...»
РЖУ — районное жилищное управление (общепотребительная в те времена аббревиатура).

С. 367. «...И припаяли мукомолу...»
Вариант 3-й строки: вместо «бедняга» — «сермяга».

С. 367. «Отчего нет согласия в мире?...»
Приведенный поздний вариант — решительное авторское сокращение первоначально отнюдь не лапидарного стихотворения (в раннем варианте за этим шестистишием следует еще 31 строка).

С. 367. «Покончив с трапезой вечерней...»
Несколько позже, в 1967 году, Ю.С. развил эту тему в восьмистишии (на этот раз пятистопным ямбом); приводим его здесь.

* * *

Когда бы я имел учеников,
Учил их после трапезы вечерней:
«Не лезь в бутылку из-за пустяков.
Коль на пиру обделит виночерпий,

Не гневайся. Воздержанность — добро.
Ты трезвость мысли сохранить сумеешь...»
А про себя бы думал — что ты мелешь? —
Но продолжал: «Всё так, хоть и старо».

С. 368. Эпитафия («Под камнем сим лежит поэт...»)

Не путать с другой «Эпитафией» («Под плитой этой скромной...») — более ранним, 1953 года, одноименным стихотворением, печатавшимся в «Знаках» (в настоящее издание не вошло).

В черновом варианте (без заголовка) еще две строки — как начальные: «Кладбище. Осень. День погожий. // Плита надгробная. “Прохожий!» (кавычки закрываются в конце стихотворения).

Из авторских рукописных пометок следует, что стихотворения «Зачем в житейской круговерти...» (см. во 2-м разделе), «Под камнем сим...» (так, без заголовка) и «В кумачом когда обитом...» могут быть составлены в триптих, причем последние два обозначены как «Приложения» к первому.

С. 368. «В кумачом когда обитом...»

См. заключительный абзац предыдущего примечания.

С. 371. «Всю бы жизнь провел в нирване...»

В рукописи над окончанием 1-й строки приписано омофоническое выражение «вне рвани».

С. 372. «Не утомляй свой мозг усталый...»

В варианте далее следуют еще два четверостишия: «0 как естествен рост растений, // Неповторимы их черты... // Их сотворил природы гений // Вдали от праздной суеты. /// А лицедейства гам бессонно // Справляет торжество свое. // Стоят деревья из картона, // В конечном счете — вторсырье».

С. 375. «баталёрка рундучная»

Рядом приписано: «Баталёр — не от слова “баталия”».

С. 376. «Цивилизация грибов...»

Двадцатью годами позже (в конце 80-х) музыкант и артист С. Курёхин выступил с подобной шуткой, развив ее до масштабов пародийной теории.

С. 376. «Цветочный ряд (Тишинский рынок)...»

На тему этой и нескольких следующих записей Ю.С. вскоре написал стихотворение «Апрель сорок пятого» (см.).

Интересен буквальный повтор первой строки прозаической записи в стихотворении (также в качестве первой, лишь с другой пунктуацией).

С. 379. «На скромном личном опыте...»

«Мировая скорбь, часто носящая космический оттенок». Может быть, описка, и имелось в виду «комический оттенок»? Не исключено, но приводим как в рукописи («космический»).

С. 381. «Междугородний звонок...»

В рукописи: «Газочаку», через «о» (мы сочли возможным это исправить). Газачак — поселок в Туркмении.

С. 383. «...Писатели в массе своей...»

В рукописи эта запись (равно как и следующая) заключена в кавычки — видимо, как псевдоцитата.

«Некоторые из них даже пишут...» Далее зачеркнуто продолжение фразы: «сами свои произведения».

С. 384. «Хор папуасов...»

Пародийная вариация припева известной песни на слова В. Лазарева (музыка М. Фрадкина): «Я трогаю русые косы, // Ловлю твой задумчивый взгляд. // Над нами весь вечер березы // О чем-то чуть слышно шумят. // Березы, березы, // Родные березы не спят...» Характерно, что у Смирнова рифма точнее.

С. 387. «Уйдет он, не воротится...»

Набросок приводится по воспоминанию Е. Нестерова.

С. 387. «Зимой холодно в Москве...»

Акростих — судя по рукописи, невольный.

С. 388. «Опять Никитские ворота...»

Один из предварительных черновых набросков к стихотворению «Дудит Арбат...»

С. 392. «Живут во мне воспоминанья...»

Один из предварительных черновых набросков к стихотворению «Вхожу в прохладные подъезды...»

С. 392. «За полжизни всего-то прибыли...»

Позднее 2-я строка исправлена: «Пять десятков приличных стихов».

С. 393. «Женька в Индии побывал...»

Вариант последней строки: «Делегацией всей увидели». (Впрочем, оба варианта этой строки в рукописи зачеркнуты.)

В первоначальном варианте наброска далее следуют такие строки: «Среди уличной тесноты // Преспокойно бредет корова».

С. 394. «Через ливонские я проезжал поля».

Возможно, вполне сознательный и законченный моностих. (Впрочем, В. Черняк не поддерживает этого нашего предположения.)

Библиография

Предлагаемая библиография не включает инженерной журналистики Ю.С. Как библиография художественных произведений она тоже не является полной. Например, нам известно, что в 1960–70-е гг. стихотворения Ю.С. неоднократно печатались в детском журнале «Пионер», но уточнить соответствующие выходные данные к выпуску настоящей книги мы, к сожалению, не успели.

Публикации Юрия Смирнова

Авторские стихотворные сборники

Обруч.— М.: Советский писатель, 1969.— 68 с.

Времена года.— М.: Советский писатель, 1974.— 72 с.

День рождения.— М.: Молодая гвардия, 1976.— 96 с.

Знаки.— С предисл. Л. Славина.— М.: Советский писатель, 1980.— 224 с.

Публикации в журналах

Смена.— 7/1962, 18/1964, 17/1965, 24/1966.

Новый мир.— 4/1963.

Семья и школа.— 10/1965.

Юность.— 3/1967, 4/1971, 8/1974, 2/1977.

Москва.— 5/1967, 6/1968.

Знамя.— 12/1970.

Сельская молодежь.— 4/1976, 5/1979, 12/1989 (проза; всупл. В. Черняка), 12/1990, 5/1995.

В газетах

Известия.— 25 мая 1963.

Вечерняя Москва.— 14 декабря 1963.

Неделя.— 45/1965, 3/1966.

Московский комсомолец.— 19 окт. 1966, 28 сент. 1966 (вступл. И. Френкеля), 22 сент. 1967, 25 февр. 1968 (вступл. Л. Славина), 12 янв. 1969, 7 апр. 1978.

Литературная Россия.— 24/1967.

Советская Россия.— 26 авг. 1971.

Советская культура.— 30 окт. 1971.

Социалистическая индустрия.— 26 января 1975.

Цирк «Олимп».— Вестник современного искусства. (Выходил в Самаре в середине 1990-х.) — 29/1997.

В альманахах и коллективных сборниках

День поэзии.— М.— Ежегодный поэтический альманах. (Выходил до 1990-х годов.) — 1962, 1966, 1977, 1979 (с предисл. Т.Г.— т.е., видимо, Т. Глушковой), 1988 (с предисл. И. Френкеля).

Живое слово.— Сб. стихотворений. (Представлены большие подборки 12-ти поэтов, в т.ч. Ю. Смирнова, Л. Губанова, В. Высоцкого и др.) Сост. и предисл. С. Мнацаканяна.— М.: Молодая гвардия, 1991. (Подборка Ю.С.: с. 49–84.)

В антологиях

Русская поэтическая миниатюра.— Антология. Сост. В.В. Кудрявцев.— Рудня: Руднянская типография, 1994. (С. 266 — 267.)

Русская поэзия. XX век.— Антология. Под общ. ред. В. Кострова и Г. Красникова.— М.: Олма-пресс, 1999.

Самиздат века.— Антология. Сост. поэтич. раздела «Непохожие стихи» — Г. Сапгир.— М.— Минск: Полифакт, 1997

Строфы века. — Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко.— Минск — М.: Полифакт, 1995.

В виде полных цитат

22.— Русский литературный журнал. (Выходит в Тель-Авиве.) — 83/1992. В статье И. Губермана «Кое-что о десятой музе» полн. процит. стихотворение Ю.С. «Когда венецианский дож...»

Московский комсомолец.— 10 сент. 1989. В статье А. Аронова «Кое-что о любви и свободе» процит. стихотворение Ю.С. «О чем толкует у базара...»

В Интернете

РВБ: Неофициальная поэзия.— Расширенная сетевая версия поэтич. раздела антологии «Самиздат века». — Сост. Г. Сапгир, И. Ахметьев.
<http://www.rvb.ru/np/publication/01text/08/09smirnov.htm>

О Юрии Смирнове и его стихах

А. Аронов. «И вечно быть России...» (О кн. «Обруч».) — Московский комсомолец, 13 августа 1969.

Т. Жирмунская. Быть самим собой. (О кн. «Обруч».) — Литературная газета, 41/1969.

Л. Сторожакова. Мысль изреченная и ложь. (О кн. «Обруч».) — Юность, 1/1971.

Т. Глушкова. После улыбки. (Рец. на кн. «День рождения».) — Литературное обозрение, 8/1977.

В. Славецкий. Дух неугомонный. (Рец. на кн. «Знаки».) Литературное обозрение, 11/1981.

М. Поздняев. «Невыразимое подвластно ль выраженью?» (Рец., в частности, на кн. «Знаки».) — Сельская молодежь, 7/1983.

Я. Август (С. Мнацаканян). Августизмы для ленивых, но любопытных. — Наша улица. (Литературный журнал.) — 10/2000. (Фрагмент о Ю.С. на с. 44.)

См. также вступления к публикациям Ю.С.: Л. Славина (в «МК» и «Знаках»*), И. Френкеля (в «МК» и «Дне поэзии»), В. Черняка в «СМ», Е. Евтушенко в «Строфах века» и др.

* Последнее воспроизведено в настоящем издании, в разделе «Об авторе».

Алфавитный указатель стихотворений

«А когда мне представился случай...» — Камни

«...А праотцам жилось довольно туго...» (261)

«А что такое генерал?..» (238)

«А чья теперь на свете правда?..» (302)

Александровская слобода («Метла, собачья голова...») — Три стихотворения, ч. III

«Ало-фиолетовые!..» (239)

Антонов и Клеопатра («Вот и настали холода...») (144)

Апрель сорок пятого («Цветочный ряд. Тишинский рынок...») (106)

Археолог («Исследователь в шортах...») (140)

Баллада о смычке («Окончилось лето...») (96)

«Безверие, ты говорливо...» (353)

«Безлюден волжский плес...» (92)

«Белый южный городок...» (109)

«Березняк обглоданный...» (111)

«Бесплодна глина огородов...» (35)

«Бесснежная зима...» (326)

Библейский мотив («Торговля бойкая идет...») (131)

«Благословен правитель слабый...» (290)

«Боль опять...» (214)

Бутырский сон («Как пахнет стружка — свежа, упруга...») (273)

«Был еще вчера пострел...» (321)

«Был полдень тусклый, словно вечер...» (100)

«Был разлинован день косым дождем...» (52)

«Былые сомнения вздорны...» (176)

«Быть бы мне прозаиком...» (220)

«В анфиладах комнат...» (257)

«В галошах валенки...» (365)

«В гостинице корреспондент скончался...» (280)

«В доме разбиты окна...» — Неадекватность

«В желтой ризе бубнит литании...» — Стихи, написанные между делом

«В закарпатской маленькой харчевне...» (105)

«В Карпатах ночь. Дождей пора...» (60)

«В комнатном заточении...» (268)

«В кумачом когда обитом...» (368)

«В полынье ночного неба...» (15)

«В прямоугольнике окна...» (102)

Курсивом выделены указания на первые строки стихотворений, которые следует искать по заголовкам.

«В ресторане “Карадаг”...» (357)
 «В саду на даче бродят призраки...» (364)
 «В синеве над моею страной...» — *Дирижабль*
 «В часы душевного простоя...» (130)
 «В черных недрах подполья...» (317)
 «В шашлычной шумно, дымно, людно...» (222)
 Вариация на старую тему («Вела на кладбище дорога...») (39)
 «Вдоль Обводного канала...» (172)
 «Ведь это же фантастика...» — *Спортивная гимнастика*
 «Век меняется бурно...» (175)
 «Вела на кладбище дорога...» — *Вариация на старую тему*
 «Весенняя распутица!..» (84)
 «Влага капала с небес...» — *О первой лошади*
 «Водораздел. Гряда...» (157)
 «Возле мутной Яузы...» (28)
 «Война идет без воскресений...» (266)
 «Воробьи в пыли купаются...» (361)
 Воскресенье («Я целый день провел в бесплодном...») (339)
 Воспоминание о Летнем саде («Ты раннюю помнишь побудку...») (167)
 «Вот и настали холода...» — *Антонов и Клеопатра*
 «Вот и новые рифмы не модны...» (293)
 «Все заботы нынче мне...» (112)
 «Всё постепенно стало проще...» (160)
 «Всё разрушительнее войны...» — *Эпизод*
 «Всё суше и жестче слова...» (138)
 «Всё так же Андрей Волконский...» (247)
 «Всем своим существом распростертым...» (67)
 «Всю бы жизнь провел в нирване...» (371)
 «Вулкана зубчаты края...» (196)
 «Вхожу в прохладные подъезды...» (59)
 «Вчера была держава...» — *Конец зимы*
 «Вы верите в переселенье душ?...» (209)
 «Вы когда-нибудь были на бойне?...» — *Рассказ случайного знакомого*
 «Вы лыжников попросите...» (242)
 «Выси бледные светлы...» (74)
 «Вышел в мокрые деревья...» (183)
 «Где-то декабрь притаился...» (184)
 «Год активного солнца на Клязьме...» (308)
 «Голубые небеса...» (72)
 Гостиная императрицы («Фонтаны золотые Петергофа...») (71)
 «Гром гремит над Карпатами...» (62)
 «Груба поверхность фрески и неровна...» (158)
 «Гуляет ветер по Нью-Арбату...» (270)

«Гуляла девка с разным контингентом...» (271)
«Дальневосточное детство...» (288)
«Два волнистых попугая...» (314)
«Двадцатилетние гиганты...» (179)
«Девяностые... Девятисотые годы...» (85)
День на Масленицу («Солнце выкатилось яро...») (177)
Дирижабль («В синеве над моею страной...») (191)
«Для чего и кому это надобно...» (66)
«Дни, что зайцы, — врассыпную...» (198)
«Доверивши себя ветрам и звездам...» — Начало
«Дождлив июль. На волжском плесе...» — На берегу
«Должно быть, мало витаминов...» [1968] (298)
«Должно быть, мало витаминов...» [1971] (147)
Дом («Окно мое во двор выходит...») (284)
Дорога («Прощальные всхлипы гармони...») (10)
«Дорога пыльная моя...» — Из неизвестного автора XVIII века, ч. II
«Достается ялику...» (33)
«Дремотой окутан...» (168)
«Дудит Арбат...» (254)
«Думал я о тебе, о себе...» (165)
«Духота в начале лета...» (90)
«Если у вас настроенье плохое...» (232)
«Есть игра: угадайте — кто я?..» (40)
«Есть на Тишинке чахлый скверик...» (316)
«Есть слова на бумаге...» (129)
Еще одно воспоминание («Колеса, гусеницы, ноги...») (187)
«Женщина нечаянно...» (235)
«Женщина с прошлым...» (253)
«Жизнь полна противоречий...» (343)
«Жизнь проходит незаметно...» (114)
«Жук неведомый летает...» (323)
«За Дмитровом старинным...» — После дождя
«За линией города...» (19)
«За февралем, как за холмом...» (203)
«Заведующий клубом...» (272)
«Завелто сидлобоки...» (336)
«Завируха снежная...» (120)
«Запратившийся в горенке...» (236)
«Зарыл ты в землю свой талант...» — Эпиграмма
«Захожу я в блинную...» (237)
«Зачем в житейской круговерти...» (287)
«Звон в ушах от тишины...» (213)
«Звуки города ночного...» (70)

- «И вот очнулся я на свете...» (368)
- «И глаз устал смотреть...» (334)
- «...И припаяли мукомолу...» (367)
- «И я уйду, когда приспееет время...» (296)
- «Играла девка на баяне...» (34)
- Из древнегреческого быта («Фракийский царь Терей...») (322)
- Из неизвестного автора XVIII века (I. «Нет каторжной занятости...» II. «Дорога пыльная моя...») (154)
- «Изменились времена и люди...» (364)
- «Иногда я себе кажусь...» — *Стихи, не имеющие ничего общего с реальностью*
- Искушение (1. «Стрекошет арифмометр...» 2. «Поддаться сладко искушению...» 3. «Ничего не хочу и не буду...») (309)
- «Испуганно кричали птицы...» (124)
- «Исследователь в шортах...» — *Археолог*
- «Итог. Подведена черта...» (55)
- Июльский ливень («Нерегулярный сад...») (108)
- «Как будничны и как трагичны лица...» (347)
- «Как будто всё на месте в мире...» (366)
- «Как на сера воробушка...» (342)
- «Как пахнет стружка — свежа, упруга...» — *Бутырский сон*
- «Как у бабушки-старушки...» — *Наигрыши*
- «Какая выдалась весна!..» (18)
- «Какой прекрасный день...» (188)
- Камни («А когда мне представился случай...») (126)
- «Ко мне подходит председатель...» — *Предновогодняя история*
- «Когда венецианский дож...» (260)
- «Когда душа от тела отлетает...» (370)
- «Когда играете на бильярде...» (286)
- «Когда наблюдаешь подробность...» (36)
- «Когда настанет света окончанье...» (369)
- «Когда ринит вазомоторен...» (370)
- «Когда сверкали сабли...» (305)
- «Когда солидный человек...» (63)
- «Когда у динозавра...» (369)
- «Колеса, гусеницы, ноги...» — *Еще одно воспоминание*
- «Колпак шута — корона короля...» (291)
- Конец зимы («Вчера была держава...») (82)
- «Король был в общем добрым малым...» (259)
- «Костел взметнулся, как костер...» — *Старая Рига, ч. 2*
- «Красноватый глаз планеты...» (123)
- «Крещенские морозы...» (79)
- «Крылатая четверка Фаэтона...» (32)
- «Кто же все-таки добрый...» (358)

- Курсантские годы («Я был в Ленинграде курсантом...») (54)
- «Курю дешевые сигареты...» (363)
- «Лежу на солнце, не щажу...» (155)
- Лес («Стоял себе. Кого он трогал?..») (278)
- «Летающие блюдца...» (227)
- Ломбард («Хоть бы один московский бард...») (275)
- «Любите свой очаг...» (156)
- «— Любовь — это солнце в безоблачный день...» (363)
- «Люди живут убого...» (250)
- «Лютеранская церковь и пруд...» (208)
- «Магистральная тема...» (189)
- Март («Снег мартовский напоминает мне...») (133)
- «Махая яркой сумкой...» (224)
- «Медведь со страху на арене мочится...» — Медвежий цирк и мотоцикл*
- Медвежий цирк и мотоцикл («Медведь со страху на арене мочится...») (45)
- «Меня сопровождает боль...» (211)
- «Меня укачивают ямбы...» (367)
- «Менялись краски дня...» (166)
- «Метла, собачья голова...» — Александровская слобода, — Три стихотворения, ч. III*
- Миндальный куст («Среди желто-зеленой зыби...») (121)
- «Мне было плохо. Очень плохо...» (366)
- «Мне кажется, что я оглох...» (133)
- «Мне на плечи давят доспехи...» (38)
- «Мне сказала труба...» (267)
- «Мне участь такая обрыдла...» (371)
- «Могила неизвестного солдата...» (368)
- «Монархов надо просвещать...» (325)
- «Монастырь. Бензоколонка...» (64)
- «Монах-доминиканец...» (153)
- «Мороз крещенский лютовал...» (169)
- «Моросили дожди по России...» (225)
- «Мужское дело на бульваре...» (14)
- «Мы все живем в тисках размера...» (372)
- «Мы с тобой живем, не тужим...» (301)
- «На "Метрострое" пусто. Стадион...» (43)
- На берегу («Дождлив июль. На волжском плесе...») (93)
- «На глаз искривлена...» (202)
- «На крышах снег. На сердце снег...» (363)
- «На мостовой теней сплетенье...» (364)
- «На площадке на Собачьей...» — Собачья площадка*
- «На покосившемся заборе...» (281)
- «На улице морозно...» (282)

«На цирковой арене...» (231)
 «*Навязчивое постоянство...*» — *Пустыня*
 «Над берегами облака...» (50)
 «Над Святою горою курится туман...» (200)
 «Над сосной звезда качается...» (51)
 «Надоело в казарме сидеть капитану...» (351)
 Наигрыши («Как у бабушки-старушки...») (348)
 «Накатилась туча грозовая...» (180)
 «Нация пила денатурат...» (264)
 Начало («Доверивши себя ветрам и звездам...») (218)
 «Не в пестром бреду...» (241)
 «Не добивайся истины...» (369)
 «Не кажется ль, что нам пора домой?...» (197)
 «Не каркай, ворона, не каркай...» (25)
 «Не пророк, не мессия...» (320)
 «Не стыдно торговать на рынке...» (53)
 «Не утомляй свой мозг усталый...» (372)
 Неадекватность («В доме разбиты окна...») (233)
 «*Небо сумрачно, смутно...*» — *Сентябрь*
 «Нева... На низких берегах...» (75)
 «— Неаглядный! Скатертью дорога!...» (221)
 «Неотложная помощь...» (234)
 «Неплохо иметь бы поместье...» (324)
 «*Нерегулярный сад...*» — *Июльский ливень*
 «*Нет каторжной занятости...*» — *Из неизвестного автора XVIII века, ч. I*
 «Нет ничего у меня за душою...» (195)
 «Неужто прав мудрец...» (346)
 «Нидерланды. Шестнадцатый век...» (41)
 «*Ничего не хочу и не буду...*» — *Искушение, ч. 3*
 «Ночной вокзал пропах карболкой...» (283)
 «Ночью думается лучше...» (354)
 «Ну какая от поэта прибыль?...» (56)
 «О мама, о мама, о мама!...» (274)
 О первой лошади («Влага капала с небес...») (103)
 О происхождении видов («— Сомненья заглуши...») (178)
 «О чем кричит водопровод...» (30)
 «О чем толкует у базара...» (244)
 «*Обильной трапезой пропах...*» — *Опекун, — Три стихотворения, ч. I*
 «Обмелели Оленьи пруды...» (173)
 «Обнаружена в самом зачатке...» (299)
 «Обшарпана больница городская...» (344)
 «Однажды загорелась...» (252)
 «*Окно мое во двор выходит...*» — *Дом*

«Окончилось лето...» — *Баллада о смычке*
Октябрь («Рыжие просеки...») (20)
«Он жизнь прожил...» (246)
«Он спятил с ума, он попятился задом...» — *Стихи о маневровом паровозе*
«Он ушел в лесные чащи...» (8)
Опекун («Обильной трапезой пропах...») — *Три стихотворения, ч. I*
Опыт в эпическом роде («Я вам расскажу, допуская вполне...») (115)
«Оркестры духовые...» (83)
«Осеннее цветенье...» (22)
«Осенний город тихо увядал...» (7)
«Отрасти шаровидное пузо...» (370)
«Отчего мне всегда тревожно...» (26)
«Отчего нет согласия в мире?...» (367)
«Отчизну забывать грешно...» (207)
«Период пуризма окончен...» (369)
«Пианино бренчит за стеною...» (215)
«Писали раньше про мартышку...» (338)
«— Писать стихи — какая чушь!...» (371)
«Пишите, юные поэты...» (193)
«Платиновое солнце...» (128)
«Плеченогие...» (371)
«Плосколиц и зело раскос...» (44)
«По направленью к Феодосии...» (194)
«По соседству с магазином...» — *Шампиньоны*
«По утрам в поликлиники...» (248)
«Под камнем сим лежит поэт...» — *Эпитафия*
«Под солнцем яростным однажды...» (117)
Под утро («После пьянки долгой и серьезной...») — *Три стихотворения, ч. II*
«Поддаться сладко искушенью...» — *Искушенья, ч. 2*
Подражания восточному (349)
«Позабыл я день вчерашний...» (217)
«Покончив с трапезой вечерней...» (367)
«Полярный круг железным обручем...» (204)
После дождя («За Дмитровом старинным...») (110)
«После пьянки долгой и серьезной...» — *Под утро, — Три стихотворения, ч. II*
Предновогодняя история («Ко мне подходит председатель...») (329)
«Предчувствую, что нечто...» (149)
«Прелесь пустынного парка...» (201)
«Приключилась в небе авария...» (219)
«Прилетели инопланетяне...» (355)
«Променяю лето...» (229)
«Прорвало Мировой водопровод...» — *Рига. Дождь.*
«Профессионалы... Запах пота...» (68)

- «Прощальные всхлипы гармони...» — Дорога
 Пустыня («Навязчивое постоянство...») (142)
 «Пьет завит как извозчик...» (294)
 «Раб сомненья и осторожности...» (190)
 «Раскричалась пустельга...» (136)
 «Рассеян свет висячей лампы...» (46)
 Рассказ случайного знакомого («Вы когда-нибудь были на бойне?..») (327)
 «Река быстра и холодна...» (125)
 Рига. Дождь. («Прорвало Мировой водопровод...») (263)
 «Робким юношей несмелым...» (315)
 «Романтиков великих...» (95)
 «Российская интеллигенция...» (300)
 «Рыжая осень. По склонам...» (98)
 «Рыжие просеки...» — Октябрь
 «Рядом с храмом стадион...» (335)
 «С виду и наивна и нелепа...» (16)
 «С моста гляжу на полотно...» (87)
 Сад («Цветы на дерева...») (360)
 «Свет в армянском селеенье...» (181)
 «Сел туман белесый на предместье...» (210)
 Сен-Симон («Старый граф в окошко пялится...») (42)
 Сентябрь («Небо сумрачно, смутно...») (118)
 «Скрипят колеса катафалка...» (256)
 «Скрываюсь под сенью садовой...» (107)
 «Слева — финская граница...» (310)
 «Сменялись царства...» (340)
 «Снег быстро падает вблизи...» (127)
 «Снег мартовский напоминает мне...» — Март
 «Снег сошел. Какое счастье!..» (47)
 «Снега метут волнообразно...» (81)
 «Снилось мне, что на острове Яве...» (359)
 «Со мной приключилась забавная штука...» (99)
 «Собаки брешут в час ночной...» (49)
 Собачья площадка («На площадке на Собачьей...») (137)
 «Солнце выкатилось яро...» — День на Масленицу
 «— Сомненья заглуши...» — О происхождении видов
 Спортивная гимнастика («Ведь это же фантастика...») (212)
 «Среди желто-зеленой зыби...» — Миндальный куст
 Старая Рига (1. «Я лазаю по чердакам...» 2. «Костел взметнулся, как кос-
 тер...») (262)
 «Старый граф в окошко пялится...» — Сен-Симон
 «Стемнело быстро. Я затерт...» (186)
 «Стена кирпичная багрова...» (226)

Стихи о маневровом паровозе («Он спятил с ума, он попятился задом...») (86)
Стихи, написанные между делом («В желтой ризе бубнит литании...») (318)
Стихи, не имеющие ничего общего с реальностью («Иногда я себе ка-
жусь...») (161)

«Стоял себе. Кого он трогал?...» — Лес

«Страдала героиня...» (337)

«Стрекошет арифмометр...» — Искушение, ч. 1

«Таврические звезды низко...» (199)

«Так вот, когда-то небеса видали...» (228)

«Тащит Август корзины плодов...» (143)

«Темный город засыпал...» (37)

«Тени Тверского бульвара...» (23)

«Теперь доказано на практике...» (91)

«...Теперь стихом свободным расскажу...» (205)

«Тепло в квартире коммунальной...» ()

«То не крики дровосека...» (303)

«Толстой был тоже графоманом...» (245)

«Торговля бойкая идет...» — Библейский мотив

Три стихотворения. I. Опекун («Обильной трапезой пропах...») II. Под утро («После пьянки долгой и серьезной...») III. Александровская слобода («Метла, собачья голова...») (150)

«Ты раннюю помнишь побудку...» — Воспоминание о Летнем саде

«Ты родился, рос, мужал...» (370)

«У илистой излуки...» (182)

«У крутого обрыва...» (24)

«Уехал — был очаг...» (372)

«Уходит озаренье прочь...» (243)

«Ушли, оставив на полянке...» (365)

«Фонтаны золотые Петергофа...» — Гостиная императрицы

«Фракийский царь Терей...» — Из древнегреческого быта

Футбол в лесу («Футбольный матч!...») (251)

«Футбольный матч!...» — Футбол в лесу

«Холодом дохнул декабрь...» (164)

«Хоть бы один московский бард...» — Ломбард

«Хоть я в том не вижу смысла...» (276)

«Храм в деревне Воронцово...» (88)

«Хранился в храме волос Магомета...» (269)

«Хранит торжественно Царь-пушка...» (29)

«Хребет железный виадука...» (289)

«Художник Каналетто...» (77)

«Художник с плоским ящиком для красок...» (11)

«Цветок что багряная рваная рана...» (148)

«Цветочный ряд. Тишинский рынок...» — Апрель сорок пятого

«Цветы на дерева...» — *Сад*
«Чем занимались в Спарте?...» (265)
«Читаю в периодике...» (295)
«Что б ни было, хуже не будет...» (101)
«Что выдeldывают голуби...» (292)
«Что гнездится в душе идиота?...» (306)
«Что получили мальчики...» (230)
«Что-то в жизни изменилось...» (352)
Шампиньоны («По соседству с магазином...») (57)
«Шекспир сюжеты воровал...» (258)
Эпиграмма («Зарыл ты в землю свой талант...») (363)
Эпизод («Всё разрушительнее войны...») (332)
Эпитафия («Под камнем сим лежит поэт...») (368)
«— Это ты, Николай?...» (365)
«Этот долг я оттягивал сколько возможно...» (159)
«Этот сон зеленый неужели...» (174)
«Я был в Ленинграде курсантом...» — *Курсантские годы*
«Я был скупым, как царь Кашей...» (69)
«Я вам расскажу, допуская вполне...» — *Опыт в эпическом роде*
«Я видел сон...» (312)
«Я вспоминал о том, что было...» (104)
«Я вспомнил, как тебя любил...» (9)
«Я долго не был на природе...» (31)
«Я долго стоял неподвижно...» (122)
«Я знаю, ты меня покинешь...» (366)
«Я изучаю микромир...» (27)
«Я лазаю по чердакам...» — *Старая Рига, ч. 1*
«Я не писал довольно долго...» (311)
«Я не фанатик, не истерик...» (285)
«Я отрешиться не могу...» (192)
«Я полз по болоту...» (13)
«Я пришел к тебе с приветом...» (297)
«Я скоро стану знаменитым...» (223)
«Я стоял у склада с провиантом...» (119)
«Я тебя люблю, наверное...» (366)
«Я трудно строки составлял...» (48)
«Я умылся и побрился...» (372)
«Я хожу по Сокольникам...» (277)
«Я хочу, чтобы друзья мои...» (364)
«Я целый день провел в бесплодном...» — *Воскресенье*
«Я чувствую себя горой...» (139)
«Я шел по улице. Навстречу...» (249)
«Январь нам возместил сполна...» (170)

Содержание

Одной звездочкой отмечены стихотворения, приведенные в авторской редакции, значительно отличающейся от прежних публикаций. Двумя звездочками — стихотворения, печатающиеся, по нашим сведениям, впервые.

1

- «Осенний город тихо увядал...» (7)
 «Он ушел в лесные чащи...» (8)
 «Я вспомнил, как тебя любил...» (9)
 Дорога (10)
 «Художник с плоским ящиком для красок...» (11)
 «Я полз по болоту...» (13)
 «Мужское дело на бульваре...» (14)
 «В полынье ночного неба...» (15)
 «С виду и наивна и нелепа...» (16)
 «Тепло в квартире коммунальной...» (17)
 «Какая выдалась весна!..» (18)
 «За линией города...» (19)
 Октябрь (20)
 * «Осеннее цветенье...» (22)
 * «Тени Тверского бульвара...» (23)
 «У крутого обрыва...» (24)
 «Не каркай, ворона, не каркай...» (25)
 «Отчего мне всегда тревожно...» (26)
 «Я изучаю микромир...» (27)
 «Возле мутной Язуы...» (28)
 * «Хранит торжественно Царь-пушка...» (29)
 * «О чем кричит водопровод...» (30)
 «Я долго не был на природе...» (31)
 «Крылатая четверка Фазтона...» (32)
 * «Достается ялику...» (33)
 «Играла девка на баяне...» (34)
 «Бесплодна глина огородов...» (35)
 * «Когда наблюдаешь подробность...» (36)
 «Темный город засыпал...» (37)
 «Мне на плечи давят доспехи...» (38)
 Вариация на старую тему (39)
 «Есть игра: угадайте — кто я?..» (40)
 «Нидерланды. Шестнадцатый век...» (41)
 * Сен-Симон (42)
 * «На "Метрострое" пусто. Стадион...» (43)
 * «Плосколиц и зело раскос...» (44)
 * Медвежий цирк и мотоцикл (45)
 «Рассеян свет висячей лампы...» (46)

- «Снег сошел. Какое счастье!..» (47)
 «Я трудно строки составлял...» (48)
 «Собаки брешут в час ночной...» (49)
 «Над берегами облака...» (50)
 «Над сосной звезда качается...» (51)
 «Был разлинован день косым дождем...» (52)
 «Не стыдно торговать на рынке...» (53)
- * Курсантские годы (54)
 «Итог. Подведена черта...» (55)
 «Ну какая от поэта прибыль?..» (56)
 Шампиньоны (57)
- * «Вхожу в прохладные подъезды...» (59)
 «В Карпатах ночь. Дождей пора...» (60)
 «Гром гремит над Карпатами...» (62)
 «Когда солидный человек...» (63)
 «Монастырь. Бензоколонка...» (64)
 «Для чего и кому это надобно...» (66)
 «Всем своим существом распростертым...» (67)
 «Профессионалы... Запах пота...» (68)
 «Я был скупым, как царь Кашей...» (69)
 «Звуки города ночного...» (70)
 Гостиная императрицы (71)
 «Голубые небеса...» (72)
 «Выси бледные светлы...» (74)
 «Нева... На низких берегах...» (75)
 «Художник Каналетто...» (77)
- * «Крещенские морозы...» (79)
 «Снега метут волнообразно...» (81)
 Конец зимы (82)
 «Оркестры духовые...» (83)
- * «Весенняя распутица!..» (84)
- * «Девяностые... Девятисотые годы...» (85)
- * Стихи о маневровом паровозе (86)
 «С моста гляжу на полотно...» (87)
 «Храм в деревне Воронцово...» (88)
 «Духота в начале лета...» (90)
 «Теперь доказано на практике...» (91)
 «Безлюден волжский плес...» (92)
 На берегу (93)
 «Романтиков великих...» (95)
 Баллада о смычке (96)
- * «Рыжая осень. По склонам...» (98)

- «Со мной приключилась забавная штука...» (99)
 «Был полдень тусклый, словно вечер...» (100)
 «Что б ни было, хуже не будет...» (101)
- * «В прямоугольнике окна...» (102)
 О первой лошади (103)
 «Я вспоминал о том, что было...» (104)
 «В закарпатской маленькой харчевне...» (105)
 Апрель сорок пятого (106)
- * «Скрываюсь под сенью садовой...» (107)
 Июльский ливень (108)
 «Белый южный городок...» (109)
 После дождя (110)
 «Березняк обглоданный...» (111)
 «Все заботы нынче мне...» (112)
 «Мне кажется, что я оглох...» (113)
 «Жизнь проходит незаметно...» (114)
 Опыт в эпическом роде (115)
 «Под солнцем яростным однажды...» (117)
 Сентябрь (118)
 «Я стоял у склада с провиантом...» (119)
 «Завируха снежная...» (120)
 Миндальный куст (121)
- * «Я долго стоял неподвижно...» (122)
 «Красноватый глаз планеты...» (123)
 «Испуганно кричали птицы...» (124)
 «Река быстра и холодна...» (125)
 Камни (126)
 «Снег быстро падает вблизи...» (127)
 «Платиновое солнце...» (128)
 «Есть слова на бумаге...» (129)
 «В часы душевного простоя...» (130)
 Библейский мотив (131)
- * Март (133)
 «Ракричалась пустельга...» (136)
 Собачья площадка (137)
- * «Всё суше и жестче слова...» (138)
 «Я чувствую себя горой...» (139)
 Археолог (140)
 Пустыня (142)
 «Ташит Август корзины плодов...» (143)
 Антонов и Клеопатра (144)
 «Должно быть, мало витаминов...» [1971] (147)

- «Цветок что багряная рваная рана...» (148)
 «Предчувствую, что нечто...» (149)
 Три стихотворения (150)
 I. Опекун («Обильной трапезой пропах...») (150)
 II. Под утро («После пьянки долгой и серьезной...») (150)
 III. Александровская слобода («Метла, собачья голова...») (151)
 «Монах-доминиканец...» (153)
 Из неизвестного автора XVIII века (154)
 I. «Нет каторжной занятости...» (154)
 II. «Дорога пыльная моя...» (154)
 «Лежу на солнце, не щажу...» (155)
 «Любите свой очаг...» (156)
 «Водораздел. Гряда...» (157)
 «Груба поверхность фрески и неровна...» (158)
 * «Этот долг я оттягивал сколько возможно...» (159)
 «Всё постепенно стало проще...» (160)
 Стихи, не имеющие ничего общего с реальностью (161)
 «Холодом дохнул декабрь...» (164)
 «Думал я о тебе, о себе...» (165)
 * «Менялись краски дня...» (166)
 Воспоминание о Летнем саде (167)
 «Дремотой окутан...» (168)
 «Мороз крещенский лютовал...» (169)
 * «Январь нам возместил сполна...» (170)
 «Вдоль Обводного канала...» (172)
 «Обмелели Оленьи пруды...» (173)
 «Этот сон зеленый неужели...» (174)
 «Век меняется бурно...» (175)
 «Былые сомнения вздорны...» (176)
 День на Масленицу (177)
 * О происхождении видов (178)
 «Двадцатилетние гиганты...» (179)
 «Накатилась туча грозовая...» (180)
 «Свет в армянском селенье...» (181)
 «У илистой излуки...» (182)
 «Вышел в мокрые деревья...» (183)
 «Где-то декабрь притаился...» (184)
 «Стемнело быстро. Я затерт...» (186)
 Еще одно воспоминание (187)
 «Какой прекрасный день...» (188)
 «Магистральная тема...» (189)
 «Раб сомненья и осторожности...» (190)

Дирижабль (191)
«Я отрешиться не могу...» (192)
«Пишите, юные поэты...» (193)
«По направлению к Феодосии...» (194)
«Нет ничего у меня за душою...» (195)
«Вулкана зубчаты края...» (196)
«Не кажется ль, что нам пора домой?..» (197)
«Дни, что зайцы,— врассыпную...» (198)
«Таврические звезды низко...» (199)
«Над Святою горою курится туман...» (200)
«Прелесть пустынного парка...» (201)
«На глаз искривлена...» (202)
«За февралем, как за холмом...» (203)
«Полярный круг железным обручем...» (204)
«...Теперь стихом свободным расскажу...» (205)
«Отчизну забывать грешно...» (207)
«Лютеранская церковь и пруд...» (208)
«Вы верите в переселенье душ?..» (209)
«Сел туман белесый на предместье...» (210)
«Меня сопровождает боль...» (211)
Спортивная гимнастика (212)
«Звон в ушах от тишины...» (213)
«Боль опять...» (214)
«Пианино бренчит за стеною...» (215)

2

- ** «Позабыл я день вчерашний...» (217)
- ** Начало (218)
- ** «Приключилась в небе авария...» (219)
«Быть бы мне прозаиком...» (220)
- ** «— Ненаглядный! Скатертью дорога!..» (221)
- ** «В шашлычной шумно, дымно, людно...» (222)
- ** «Я скоро стану знаменитым...» (223)
- ** «Махая яркой сумкой...» (224)
«Моросили дожди по России...» (225)
- ** «Стена кирпичная багрова...» (226)
- ** «Летающие блюда...» (227)
- ** «Так вот, когда-то небеса видали...» (228)
- ** «Променяю лето...» (229)
- ** «Что получили мальчишки...» (230)

- «На цирковой арене...» (231)
- ** «Если у вас настроенье плохое...» (232)
- ** Неадекватность (233)
- ** «Неотложная помощь...» (234)
- ** «Женщина нечаянно...» (235)
- ** «Запрятавшийся в горенке...» (236)
- ** «Захожу я в блинную...» (237)
- «А что такое генерал?...» (238)
- ** «Ало-фиолетовые!..» (239)
- ** «Не в пестром бреду...» (241)
- ** «Вы лыжников попросите...» (242)
- ** «Уходит озаренье прочь...» (243)
- * «О чем толкует у базара...» (244)
- «Толстой был тоже графоманом...» (245)
- ** «Он жизнь прожил...» (246)
- «Всё так же Андрей Волконский...» (247)
- ** «По утрам в поликлиники...» (248)
- ** «Я шел по улице. Навстречу...» (249)
- * «Люди живут убого...» (250)
- * Футбол в лесу (251)
- ** «Однажды загорелась...» (252)
- ** «Женщина с прошлым...» (253)
- ** «Дудит Арбат...» (254)
- ** «Скрипят колеса катафалка...» (256)
- «В анфиладах комнат...» (257)
- «Шекспир сюжеты воровал...» (258)
- ** «Король был в общем добрым малым...» (259)
- «Когда венецианский дож...» (260)
- ** «...А праотцам жилось довольно туго...» (261)
- ** Старая Рига (262)
- ** 1. «Я лазаю по чердакам...» (262)
- ** 2. «Костел взметнулся, как костер...» (262)
- ** Рига. Дождь. (263)
- «Нация пила денатурат...» (264)
- «Чем занимались в Спарте?...» (265)
- ** «Война идет без воскресений...» (266)
- ** «Мне сказала труба...» (267)
- ** «В комнатном заточении...» (268)
- ** «Хранился в храме волос Магомета...» (269)
- ** «Гуляет ветер по Нью-Арбату...» (270)
- ** «Гуляла девка с разным контингентом...» (271)
- ** «Заведующий клубом...» (272)

- Бутырский сон (273)
- ** «О мама, о мама, о мама!..» (274)
- ** Ломбард (275)
- ** «Хоть я в том не вижу смысла...» (276)
- ** «Я хожу по Сокольникам...» (277)
- ** Лес (278)
- «В гостинице корреспондент скончался...» (280)
- ** «На покосившемся заборе...» (281)
- ** «На улице морозно...» (282)
- ** «Ночной вокзал пропах карболкой...» (283)
- ** Дом (284)
- ** «Я не фанатик, не истерик...» (285)
- ** «Когда играете на бильярде...» (286)
- ** «Зачем в житейской круговерти...» (287)
- ** «Дальневосточное детство...» (288)
- ** «Хребет железный виадука...» (289)
- * «Благословен правитель слабый...» (290)
- ** «Колпак шута — корона короля...» (291)
- «Что выделывают голуби...» (292)
- ** «Вот и новые рифмы не модны...» (293)
- ** «Пьет завлит как извозчик...» (294)
- ** «Читаю в периодике...» (295)
- ** «И я уйду, когда приспееет время...» (296)
- ** «Я пришел к тебе с приветом...» (297)
- ** «Должно быть, мало витаминов...» [1968] (298)
- ** «Обнаружена в самом зачатке...» (299)
- «Российская интеллигенция...» (300)
- ** «Мы с тобой живем, не тужим...» (301)
- ** «А чья теперь на свете правда?...» (302)
- ** «То не крики дровосека...» (303)
- ** «Когда сверкали сабли...» (305)
- ** «Что гнездится в душе идиота?...» (306)
- ** «Год активного солнца на Клязьме...» (308)
- ** Искушенье (309)
- ** 1. «Стрекочет арифмометр...» (309)
- ** 2. «Поддаться сладко искушенью...» (309)
- ** 3. «Ничего не хочу и не буду...» (309)
- ** «Слева — финская граница...» (310)
- ** «Я не писал довольно долго...» (311)
- ** «Я видел сон...» (312)
- ** «Два волнистых попугая...» (314)
- ** «Робким юношей несмелым...» (315)

- ** «Есть на Тишинке чахлый скверик...» (316)
- ** «В черных недрах подполья...» (317)
- ** Стихи, написанные между делом (318)
- ** «Не пророк, не мессия...» (320)
- ** «Был еще вчера пострел...» (321)
- ** Из древнегреческого быта (322)
- ** «Жук неведомый летает...» (323)
- ** «Неплохо иметь бы поместье...» (324)
- «Монархов надо просвещать...» (325)
- ** «Бесснежная зима...» (326)
- ** Рассказ случайного знакомого (327)
- ** Предновогодняя история (329)
- * Эпизод (332)
- ** «И глаз устал смотреть...» (334)
- ** «Рядом с храмом стадион...» (335)
- ** «Завелто сидлобоки...» (336)
- ** «Страдала героиня...» (337)
- ** «Писали раньше про мартышку...» (338)
- ** Воскресенье (339)
- ** «Сменялись царства...» (340)
- ** «Как на сера воробушка...» (342)
- ** «Жизнь полна противоречий...» (343)
- ** «Обшарпана больница городская...» (344)
- «Неужто прав мудрец...» (346)
- ** «Как будничны и как трагичны лица...» (347)
- ** Наигрыши (348)
- ** Подражания восточному (349)
- «Надоело в казарме сидеть капитану...» (351)
- ** «Что-то в жизни изменилось...» (352)
- * «Безверие, ты говорливо...» (353)
- ** «Ночью думается лучше...» (354)
- ** «Прилетели инопланетяне...» (355)
- ** «В ресторане "Карадаг"...» (357)
- ** «Кто же все-таки добрый...» (358)
- ** «Снилось мне, что на острове Яве...» (359)
- Сад («Цветы на дерева...») (369)
- ** «Воробьи в пыли купаются...» (361)

Миниатюры

- ** «— Любовь — это солнце в безоблачный день...» (363)
- ** «На крышах снег. На сердце снег...» (363)

- ** «Курю дешевые сигареты...» (363)
- ** Эпиграмма (363)
- ** «На мостовой теней сплетенье...» (364)
- ** «В саду на даче бродят призраки...» (364)
- ** «Изменились времена и люди...» (364)
- ** «Я хочу, чтобы друзья мои...» (364)
- ** «— Это ты, Николая?..» (365)
- ** «Ушли, оставив на полянке...» (365)
- «В галошах валенки...» (365)
- ** «Как будто всё на месте в мире...» (366)
- ** «Я тебя люблю, наверное...» (366)
- ** «Мне было плохо. Очень плохо...» (366)
- ** «Я знаю, ты меня покинешь...» (366)
- ** «...И припаяли мукомолу...» (367)
- ** «Отчего нет согласия в мире?..» (367)
- ** «Меня укачивают ямбы...» (367)
- ** «Покончив с трапезой вечерней...» (367)
- «Могила неизвестного солдата...» (368)
- ** Эпитафия («Под камнем сим лежит поэт...») (368)
- ** «В кумачом когда обитом...» (368)
- ** «И вот очнулся я на свете...» (368)
- ** «Когда настанет света окончанье...» (369)
- ** «Когда у динозавра...» (369)
- ** «Не добивайся истины...» (369)
- ** «Период пуризма окончен...» (369)
- ** «Отрасти шаровидное пузо...» (370)
- ** «Ты родился, рос, мужал...» (370)
- ** «Когда ринит вазомоторен...» (370)
- ** «Когда душа от тела отлетает...» (370)
- ** «Плеченогие...» (371)
- ** «Мне участь такая обрыдла...» (371)
- ** «Всю бы жизнь провел в нирване...» (371)
- ** «— Писать стихи — какая чушь!..» (371)
- ** «Я умылся и побрился...» (372)
- ** «Уехал — был очаг...» (372)
- ** «Мы все живем в тисках размера...» (372)
- ** «Не утомляй свой мозг усталый...» (372)

ЗАПИСИ (373)

НАБРОСКИ (385)

ОБ АВТОРЕ

Биографическая справка (398)

Александр Межиров

«Не нуждаются стихи Ю. Смирнова в рекомендации...» (400)

Лев Славин

«Я люблю поэзию Юрия Смирнова...» (402)

Александр Аронов

Памяти Юрия Смирнова. (404)

Вадим Черняк

Записные книжки Юрия Смирнова. (406)

[Автошаржи и фотоизображения Юрия Смирнова] (411)

ПРИМЕЧАНИЯ

От редактора-составителя (417)

Примечания (421)

Библиография (454)

Алфавитный указатель (458)

Смирнов Юрий Васильевич

Слова на бумаге

Стихотворения, наброски, записи

Редактор-составитель *Герман Лукомников*

Рисунки *Аси Флитман*

Оформление *Ильи Бернштейна*

В оформлении книги использованы
рукописи и рисунки автора.

Издатель: ПБОЮЛ Орлов В. И.
77:11:13131 от 1.12.2003 г.
129281, г. Москва,
ул. Лётчика Бабушкина, 32/1

Подписано к печати 23.07.2004.
Формат 70×100^{1/8}.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewBaskervilleС. Усл. печ. л. 39,00.
Тираж 1000 экз. Заказ 6865.

Отпечатано с фотоформ заказчика
в ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение»
241019, г. Брянск, пр-т Ст. Димитрова, 40
Телефон: (0832) 414 423
Факс: (0832) 414 664

